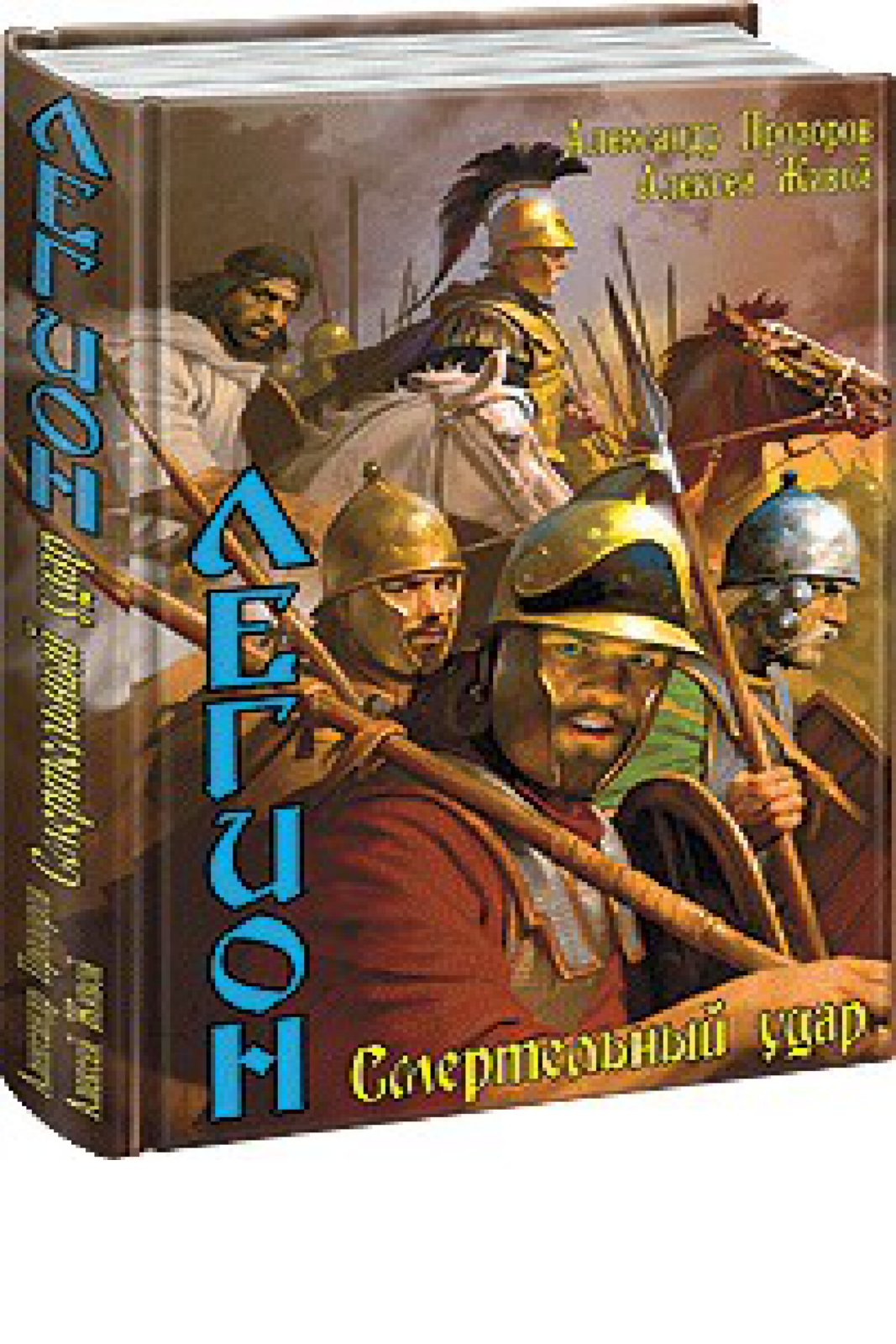
Александр Прозоров
Алексей Живой
ЛЕГИОН
Смертельный удар

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Два морпеха Федор Чайка и Леха Ларин «провалились» во времени. На дворе 219 год до Р.Х. Начинается грандиозная война, которая предопределит будущее античного мира. Друзья оказываются в самой гуще захватывающих и опасных событий… Не пропустите новый роман героической эпопеи!

Ганнибал объявил себя новым тираном. Сенат, который еще недавно поддерживал его, теперь готов пойти на все, чтобы остановить продвижение мятежных войск. Но Ганнибал намерен уничтожить всяческое сопротивление. На помощь армии своего брата он отправляет еще одну — под командой Федора Чайки. Грядет новый передел мира..

- Александр Прозоров, Алексей Живой
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
    - Глава десятая
    - Глава одиннадцатая
    - Глава двенадцатая
    - Глава тринадцатая

Александр Прозоров, Алексей Живой
"Легион. Смертельный удар"

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Новый тиран

Глава первая
Мессана

С рассветом шторм почти прекратился. Свежий ветер лишь пенил гребни волн, а не вздымал их до горизонта, как это было вчера, и триера могла спокойно идти под парусом. Врагов тоже можно было не опасаться, — здешние воды уже давно находились под контролем карфагенян.

Капитан, широкоплечий бородач в доспехах, удовлетворенно вздохнул, окинув взглядом морские просторы. С наслаждением втянул носом соленый воздух.

— Эта проклятая ночь позади, — проговорил он, прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, — и скоро мы будем на месте.

— Послушай, Йехавмилк, а почему берег с правой стороны? — насторожился Федор, стоявший рядом с ним на корме и с удивлением смотревший на линию скал, которая утопала в дымке облаков, — мы разве не собирались заходить на Сицилию?

По его разумению берег должен был находиться слева. Но глаза не могли обмануть его. А если так, то, быть может, это сделал капитан по тайному приказу Магона, дружбы которого Федор лишился, едва ступив на палубу этой триеры,

— Это и есть Сицилия, — спокойно пояснил капитан, — только северный берег. Магон приказал доставить тебя в Тарент. И я взял курс на него вдоль южного берега, мимо Агригента, но ты сам видел, в какой шторм мы угодили. Не успели мы дойти даже до Лилибея, как нас начало сносить в сторону, и всю ночь мы болтались в Тирренском море. Так что нужно молить богов, чтобы поблизости не оказалось римлян. Говорят, их здесь еще немало.

Федор немного успокоился насчет своих подозрений, но, поддавшись настроению капитана, пристально оглядел изумрудное море по левому борту. К счастью, Чайка никого не заметил. Ни рядом, ни вдалеке. Лишь дельфины, плывшие за кораблем, то и дело вспарывали поверхность воды, выпрыгивая вверх. Шторм им был нипочем.

— А это что такое? — уточнил Чайка, разглядев далеко в море какую-то темную плоскую линию, очень похожую на вздымавшийся над поверхностью скалистый остров.

— Это крайний из Липарских островов, — пояснил Йехавмилк с полным безразличием. — Мы пройдем мимо.

— Хорошо, — кивнул Чайка, вспомнив о том, что в этом районе действительно часто бывает римский флот, не оставлявший попыток отбить острова, дше стоит слишком приближаться к нему.

Федору совсем не улыбалось угодить в лапы к римлянам, едва выскользнув из рук собственного сената и даже не достигнув Тарента. Хотелось для начала встретиться с Ганнибалом, все обсудить, а потом увидеть Юлию с ребенком. Или наоборот. Лучше даже наоборот.

Оторвав взгляд от далекого острова, Чайка вновь перевел его на лицо капитана. «Он действительно не знает, что происходит на самом деле или притворяется?» — подумал Федор, изучая своего бородатого спутника. Пуниец почувствовал на себе взгляд, но истолковал его по-своему и, обернувшись, произнес:

— Не переживай, Чайка, к вечеру будем в Мессане. Переночуем, а завтра и до Тарента доберемся.

Федор вздрогнул, отвел взгляд от лица капитана и подумал: «Интересно, Ганнибал захватил весь остров или на нем остались еще города, что подчиняются сенату? Наш капитан будет неприятно удивлен, если окажется в руках сторонников Ганнибала и ему придется делать выбор. Впрочем, я ему об этом расскажу не раньше, чем сам окажусь в нужном месте, Я свой выбор сделал. И очень скоро его придется сделать многим».

Определившись с местоположением и решив пока поверить капитану, Чайка немного успокоился. Устав, наконец, предаваться созерцанию морской стихии, он спустился под верхнюю палубу, добрался до своей жесткой койки на корме, отгороженной от помещения гребцов лишь хлипкой перегородкой, и повалился на нее с намерением проспать до вечера. Ведь ночь была ужасной, и выспаться ему так и не удалось. К тому моменту, когда корабль причалит в порту Мессаны, он был намерен хорошенько отдохнуть. Неизвестно какие приключения ждут его на берегу. К счастью, капитан, с которым Чайка делил этот тесный кубрик, занимался своими делами на палубе и Федор смог спокойно заснуть. Ему не помешали ни скрип палубных досок, ни топот матросских ног по ним, ни хохот коротавших время отдыха гребцов за перегородкой, привыкших к постоянной усталости и снимавших ее грубой шуткой.

Вскоре его глаза закрылись, а сознание сковал глубокий освежающий сон. Федору приснился Гасдрубал, пробиравшийся со своей армией сквозь нумидийскую пустыню прямиком навстречу своей гибели. Словно с высоты птичьего полета Федор увидел огромный людской поток в доспехах, блестевших на

солнце. Этот поток змейкой огибал холмы. Слоны и конница поднимали тучи пыли. Вся эта сила двигалась к намеченной цели, но Чайка, словно вновь перенесшийся на место далеких событий, всем существом чувствовал нависшую над этой армией опасность, знал о ней и желал предупредить, но не мог. Тысячи людей из этого потока вскоре должны были погибнуть. Даже во сне Федор понимал, что Гасдрубал не младенец, а воин, способный справиться с любой, пусть и неожиданной опасностью. Но сознание надвигающейся катастрофы все равно не покидало его.

Спал Федор хоть и крепко, но по военному чутко, и когда до его слуха донеслись какие-то крики с палубы, он мгновенно открыл глаза и сел на постели.

— Твою маман, — выругался Чайка, быстро вскакивая на ноги и, наконец, осматриваясь.

На корабле царила суматоха, впрочем, привычная тем, кто не раз участвовал в морском бою. Баллисты на корме триеры огрызались, выбрасывая в сторону противника свои заряды, а морские пехотинцы под зычные окрики командира выстраивались вдоль левого борта.

Назревал абордаж.

Быстро окинув взглядом триеру, на которой готовились к отражению атаки, Чайка рассмотрел позади сразу три римских корабля, один из которых уже почти вплотную приблизился к левому борту. На его носу хищно вздыбился корвус, готовый вот-вот вонзить свое жало в палубу триеры Йехавмилка. А чуть позади абордажного мостика ждала своего часа целая манипула морских пехотинцев, готовых броситься по приказу центуриона в бой.

— Римляне, — усмехнулся Федор, — я так и знал.

Инстинктивно обхватив рукоять фалькаты, он бросил взгляд в противоположную сторону и едва не вскрикнул от радости, — они находились буквально в двух шагах от побережья, на котором виднелся довольно большой город, окруженный крепостной стеной. Это явно была Мессана, промежуточная цель затянувшегося путешествия, которое могло закончиться раньше намеченного и совсем не так, как хотелось; Значит, они уже обогнули мыс и вошли в пролив между Италией и Сицилией. Федор увидел, что к ним уже спешила помощь, — сразу пять триер из берегового охранения вышли навстречу. Но римляне уже почти догнали корабль финикийцев и так увлеклись атакой, что имели все шансы утопить его до тех пор, пока сюда доберутся корабли карфагенян. Хотя после этого они сами вряд ли смогли бы уйти отсюда живьем. — Командир этих римлян либо любимчик богов, либо безрассудный наглец, — пробормотал

Федор, пытаясь высмотреть офицера, который командовал ближним кораблем противника, — раз отважился атаковать нас у самых берегов Сицилии, рискуя всем.

— Появились неожиданно, — выпалил Йехавмилк, останавливаясь рядом с Федором и указывая нервным жестом куда-то вдаль, — римляне выскочили вон из-за того островка и сразу бросились в атаку. Ни за чтобы не подумал, что там можно спрятать три корабля.

Федор осмотрел островок, вернее небольшую скалу, торчавшую посреди моря, и кивнул, соглашаясь. За такой скалой действительно можно было укрыть не больше одного корабля, разве что, выстроив все корабли борт к борту, в ожидании проходящей мимо добычи. С такой тактикой он встречался впервые. Эта одинокая скала находилась почти напротив порта, очень близко от берега, с которого все просматривалось. И римляне могли незаметно пробраться сюда только в сумерках или ночью, да и то им нужно было набраться дерзости, чтобы сделать это в территориальных водах Мессаны, где было полно карфагенских кораблей. Впрочем, римлян было очень мало, чтобы угрожать самому городу, и такая тактика скорее подходила для пиратов, чем для профессиональных моряков.

— На то и щука в озере, чтобы карась не дремал, — вполголоса пробормотал Федор себе под нос и усмехнулся.

— О чем ты? — не понял Йехавмилк.

— Да так, — отмахнулся Чайка, выхватив фалькату, добавил: — Придется повоевать, пока подойдет помощь. Ане то нас пустят на дно раньше,

— Не успеют, — заявил Йехавмилк, но едва он это произнес, как раздался страшный треск, триеры столкнулись бортами, и на палубу карфагенского корабля обрушился абордажный мостик.

Размахивая короткими мечами, с дикими криками римские легионеры посыпалась на палубу и в мгновение ока рыжие панцири сомкну темно-синими доспехами финикийцев. Впереди всех разил карфагенян римский центурион.

«Хорошо еще, что они нас не протаранили, — пронеслось в мозгу Федора когда он, подхватив щит одного из убитых морпехов, запрыгал вслед за капитаном корабля через валявшиеся на палубе тела и обломки ограждения к месту схватки — есть шанс отбиться».

Морпехи карфагенян стояли насмерть, и все же удар римских легионеров был стремительным. Ряды финикийцев прогнулись под мощным натиском. А, кроме того, Федор не мог не заметить, что их было на корабле почти вдвое меньше, чем полагалось. Видимо, Магон, отдавая приказание, не рассчитывал, что

перевозившая Федора триера по дороге будет ввязываться в морские сражения, а потому отказал ему в полном эскорте. Впрочем, Федор не жаловался. Дали возможность уплыть и ладно. Ведь уже почти целый день Магон мог не беспокоить себя мыслями о Чайке, отклонившем его последнее предложение. И теперь за жизнь командира хилиархии на территории, подвластной сенату, не дадут и самой мелкой монеты. Ломаного гроша, как сказали бы в его родном времени.

— Держать строй! — орал командир морпехов в темно-синей амуниции.

Стоя на правом фланге своих солдат, он оттолкнул ближнего легионера щитом и, когда тот покачнулся, нанес ему короткий и точный удар острием клинка в живот. Легионер упал на колени и, прежде чем его затоптали собственные товарищи, подбегавший к месту схватки Федор увидел, как на палубу ручейком пролилась кровь из распоротого живота.

— Руби этих свиней! — раздался еще более громкий крик, перекрывая звон оружия. — Быстрее! Их мало. Мы должны захватить этот корабль одним ударом!

Федор понял его, хотя хозяин зычного голоса кричал по-латыни. Это был центурион, солдаты которого уже оттеснили правый фланг карфагенян от борта в глубь палубы, почти к тому месту, где еще недавно стояла мачта. Нос корабля был уже в руках неприятеля.

— Не спеши! — крикнул ему в ответ Чайка на том же языке, в пылу боя позабыв, что это может вызвать вопросы соплеменников. — Сначала попробуй пройти мимо меня!

Он с ходу рубанул фалькатой, но его удар пришелся на верхнюю кромку скутума, лишь погнув ее, а центурион прикрылся щитом и отскочил назад, вперив в своего противника удивленный взгляд. Этот взгляд, казалось, говорил: «Вот уж не думал, что за карфагенян бьются римляне». Федор уже хотел продолжить выяснение отношений, но тут в дело вмешался Йехавмилк, зарубивший своего легионера и теперь оказавшийся между ними. Он первым бросился на центуриона, серией уларов заставив того отступить обратно к борту. А на долю Чайки пришелся новый легионер, — низкорослый, но коренастый детина в панцире и шлеме с красным плюмажем. Чайка обменялся с ним парой ударов и быстро понял, что противник против него не выстоит. Федор сделал несколько выпадов, одним из которых ранил легионера в бедро, затем отбил его удар отчаяния и следующим своим ударом вонзил клинок в шею, когда римлянин раскрылся. Выронив оружие, легионер схватился за пронзенное горло и, обхватив его руками, рухнул на палубу. Окровавленный шлем

откатился по палубе в сторону.

Йехавмилк бился с центурионом метрах в пяти и римлянин, несмотря на грозные крики, отступал. Финикиец был явно сильнее и искуснее в бою. Да и простые морпехи сражались ничуть не хуже против превосходящих сил римлян. После первых минут схватки у Федора, не раз бывавшего в подобных переделках, вообще сложилось мнение, что их атакуют новобранцы, решившие поискать славы в дерзком, как им казалось, предприятии. Отбивая нападение следующего легионера и вновь ощутив слабину его выучки. Чайка окончательно пришел к выводу, что тот, кто заварил всю эту кашу, надеялся больше на внезапность и численное превосходство. Видимо, он был безумно рад, увидев одинокую триеру, спешившую к берегу, и заранее решил, что она станет легкой добычей. Но просчитался, позабыв о том, что имел дело с финикийскими моряками, не привыкшими сдаваться при первых же признаках опасности.

— Что стало с римскими легионерами, — разочарованно проговорил Чайка, кроша наплечник своего противника и едва не отрубив римлянину руку, — где бравые солдаты Марцелла, которые могли соперничать с пехотинцами Атарбала? Неужели это все, на что теперь способен Рим.

Закончив думать вслух, он хладнокровно нанес удар в бок, добивший легионера, и, прикрывшись щитом, быстро осмотрелся. Несмотря на численное превосходство, римляне так и не смогли пока захватить корабль. Сражение затянулось, и карфагеняне явно не уступали в нем нападавшим. Однако, бросив взгляд в море, Чайка решил, что все еще висит на волоске. Оказав стойкое сопротивление, финикийцы скосили почти целую манипулу, но их самих осталось в строю немногим более двадцати человек против сорока римлян. Только сейчас Федор осознал, что обстрел из баллист прекратился, но с левого борта приближался еще один римский корабль, чтобы «пришвартоваться» и закончить сражение. Но ему не дали этого сделать. Перед тем как римляне бросились в последнюю атаку, Чайка увидел, как две финикийские триеры направились ему наперерез и отсекли от места абордажного боя.

— Помощь близко — крикнул Федор Йехавмилку, когда тот вновь оказался рядом, вынужденный отступить под натиском римлян. — Надо продержаться еще немного.

— Продержимся! — крикнул ему в ответ широкоплечий капитан, принимая на щит удары сразу двух римских мечей. — Вот сейчас разберусь с этими собаками и победа наша.

Он сделал выпад и ранил в плечо одного из противников, но

второй задел острием клинка его самого. Финикиец взвыл от боли, но, подавив стон, нанес ответный удар такой страшной силы в голову легионера, что погнул его шлем. Выронив оружие, оглушенный, аможетбыть, мертвый римлянин исчез среди своих. И лишь тогда капитан финикийской триеры отступил на несколько шагов, стараясь не обращать внимания на струившуюся из пораженного плеча кровь. Федор прикрыл его своим щитом и бился с наседавшими легионерами до тех пор, пока не услышал страшный треск со стороны римского корабля. Отделавшись от своего противника, которого он сбросил за борт ударом ноги, Чайка увидел, что подоспевший финикийский корабль на полном ходу зацепил длинным металлическим крюком римскую триеру и стал оттаскивать ее от борта корабля Йехавмилка. Эта «жесткая сцепка» уже давно применялась финикийцами для борьбы с абордажными мостиками римлян. Расстояние между бортами начало расти на глазах, оба корабля слегка накренились, и вот раздался новый треск, это отвалился и рухнул в воду, разломившись пополам длинный корвус. Лишь его передняя часть с металлическим крюком, впившись в палубу, все еще торчала из нее.

Изумленные римляне, видя, как их собственный корабль уплывает, даже прекратили на мгновение биться. Чем и воспользовался Федор, заменивший убитого командира морпехов.

— За мной, солдаты! — заорал он и повел оставшихся в бой.

Карфагеняне буквально смели римлян со своего корабля. Большинство легионеров было зарублено и заколото, а пятерых, особенно упорных, сбросили в море.

— Сначала научись плавать, — рявкнул Федор, отправляя в полет ударом щита последнего, впрочем, смертельно раненного им же в живот, — а потом попытайся вновь напасть на нас, если сможешь.

Два оставшихся римских корабля, поняв, что своим уже не помочь, попытались уйти в море, но были настигнуты. Один финикийцы протаранили, пустив на дно. А второй удалось захватить после короткого боя. Совершив стремительный «проплыв», в результате которого у римлян были сломаны все весла по левому борту, карфагеняне взяли его на абордаж. Римляне не смогли долго сопротивляться превосходящим силам.

Вскоре к триере Йехавмилка, которого перевязывал под присмотром Федора один из бойцов, местный лекарь, подошла другая финикийская триера. На палубу поднялся ее капитан — смуглолицый низкорослый воин в богатых доспехах и шлеме с плюмажем из белых перьев.

— Меня зовут Могадор, — представился прибывший офицер

и добавил, оглядев мертвые тела и разрушения на палубе — Едва заметив римлян, мы сразу поспешили на помощь, но, похоже, немного опоздали.

— Вы вовремя, — кивнул вместо приветствия Федор, — могло быть и хуже.

Спустя час корабль Йехавмилка подошел к пристани Мессаны в сопровождении эскадры берегового охранения. Это был еще не конец путешествия, но Федор после ночного шторма и кровавой схватки был ее прочь отдохнул на берегу, ощутив под ногами твердую землю, а не вечно качавшуюся палубу. «Самое главное, что этим берегом владеют воины Ганнибала, — решил Федор, по нескольким выражениям командира спасшей их эскадры догадавшийся, кому именно тот служит, — а смерти или римского плена я в очередной раз смог избежать. Значит, у богов для меня еще есть работа».

— Вы можете оставить корабль здесь, а сами расположиться вон в том доме на скале, — сообщил Могадор. вновь поднявшийся в сопровождении десятка солдат на борт к Йехавмилку, когда они уже стояли в гавани, — отдохнете там отлично, я обо всем позабочусь. Кстати, что положить коменданту порта? Куда вы направляетесь дальше?

— Сенатор Магон приказал мне доставить этого человека в Тарент как можно скорее, — отвели раненый капитан, придерживая перевязанную руку, — но после сегодняшней схватки с римлянами мы с удовольствием переночуем здесь. А в море вновь выйдем на рассвете. Тут уже недалеко.

Услышав имя Магона Великого, капитан эскадры насторожился. По его лицу пробежала тень, и от Федора не укрылся быстрый взгляд, брошенный им своему помощнику, возглавлявшему солдат.

Впрочем, Йехавмилк этого не заметил. Он был ранен и устал, помышляя лишь об отдыхе. И Чайке, уже понявшему, как будут дальше развиваться события, даже стало жаль этого простодушного вояку, втемную использованного Магоном.

И как часто в последнее время в здешних водах появляются римляне? — уточнил Йехавмилк, скользнув взглядом по вечерней глади моря и даже отвернувшись от Могадора, солдаты которого уже перекрыли все подступы к трапу.

— Вы служите сенатору Магону? — уточнил Могадор.

Тон его голоса мгновенно сделался из дружественного ледяным. Это произошло так неожиданно, что перемены настроения не смог не заметишь даже Йехавмилх. Он обернулся к собеседнику и только теперь обратил внимание на солдат, выстроившихся вдоль борта

— Да, — подтвердил капитан триеры, нахмурившись, все еще не понимая, к чему клонит Могадор, — я служу сенату Карфагена, а вы развес служите кому-то другому?

— Я служу Ганнибалу, — отрезал Могадор, переводя взгляд на Федора.

— Я тоже служу Ганнибалу — Федор сделал успокаивающий жест в сторону командира эскадры, чтобы тот не натворил глупостей, — просто наш капитан не в курсе нос ледник событий.

— Да что вы мне тут плетете, — не выдержал Йехавмилк. — Ганнибал сам служит сенату…

— Ганнибал больше никому не служит! — оборвал его Могадор. — Даже сенату.

Изумленный Йехавмилк перевел взгляд на Федора, словно ища поддержки. Но Чайка лишь разъяснил ему все, что тот должен был скоро узнать сам.

— Мне жаль тебе говорить об этом именно сейчас, — громко произнес Федор, чтобы у Могадора и всех морнехов, слушавших его слова, не осталось сомнений, на чьей он стороне, — но другого случая не будет. Ганнибал больше не служит сенату. Он сам теперь управляет всеми землями в Испании, Италии и здесь, на Сицилии. Очень скоро все воины и жители Карфагена должны будут сделать выбор, за кого они готовы воевать. За сенат или за Ганнибала. Я свой выбор сделал, теперь дело за тобой.

— Да он просто мятежник, ваш Ганнибал, — буркнул Йехавмилк, распрямляя плечи и делая жест командиру своих морнехов приблизиться. — Что он о себе возомнил! Мы все подчиняемся сенату.

Могадор словно только и ждал этого.

— Арестовать капитана и всех, кто окажет сопротивление! — приказал он.

Солдаты Могадора немедленно связали Йехавмилка и немногих бойцов, попытавшихся не подчиниться. Впрочем, таких нашлось всего пятеро, да и те были усталыми или израненными. Почти все остальные были убиты.

Когда их проводили мимо, многие морпехи смотрели на Федора, как на предателя. Еще недавно он вместе с ними бился против римлян плечом к плечу, а вот теперь вдруг стал врагом.

— Не казните их, а лучше предоставьте еще раз право выбрать свою судьбу, — переходя на приказной тон, проговорил Федор, — сделайте это завтра утром, когда они немного отдохнут и придут в себя.

Теперь настала очередь Могадора удивляться. От такой наглости из уст полупленника, чья судьба еще висела на волоске, его брови поползли вверх.

— Я Федор Чайка, — наконец представился тот — командир двадцатой хилиархии экспедиционного корпуса, посланного Ганнибалом в Испанию. Сейчас я возвращаюсь в Италию. И мне действительно нужно очень быстро попасть в Тарент. Ганнибал ждет меня.

— Я слышал о вас, — кивнул Могадор, — но никогда не видел. Вы проследуете со мной к коменданту города. И если вы действительно тот за кого себя выдаете, то вы немедленно получите все, что пожелаете. Но если не…

— Идем, — оборвал его Федор, быстро входя в роль высокопоставленного командира. — Я спешу. Мы зря теряем время на ненужные разговоры.

Глава вторая
Рассвет

Ночью командир экспедиционного корпуса и по совместительству адмирал скифского флота выспаться так не смог. По донесениям разведчиков и доброго десятка перебежчиков из местных племен, раньше подчинявшихся Палоксаю, было ясно, что не за горами большое сражение с греками. Скифы, разбив гоплитов Аргоса и оставив за спиной Тернул, заняли и вполне сносно контролировали все побережье Истра вплоть до того места, где великая река растекалась на несколько полноводных рукавов, образуя обширную дельту. Но вот дальше, в этой самой дельте, их ждали греки. И на берегу и на кораблях. Общая численность была не ясна, но Ларин уже знал, что Истр, Томы и даже наиболее отдаленный от этой точки Одесс прислали часть своих кораблей сюда, для того чтобы не допустить отвоевания дельты скифами. Ведь в случае победы ничто не сможет помешать разделенной сейчас на две части флотилии Ларина получать помощь из Тиры и Крыма, а также своевременно снабжать всем необходимым разбросанные по реке крепости и города — опорные пункты скифов, позволявших им контролировать недавно завоеванные территории.

— Греков собралось немало, — заявил Ларин, в задумчивости рассматривая карту дельты и среднего течения Истра, составленную умельцами из тех же пленных греков, — по моим данным, не меньше десятка кораблей сторожат меня в каждом из крупных русел, и наверняка есть биремы в мелких протоках.

Он откусил сочный кусок мяса от бараньей ножки, которую держал в левой руке, и посмотрел на Аргима. Предводитель конного воинства — ф «первой конной», как в шутку называл его Леха, — усеявшего сейчас берега реки и разбитого на несколько корпусов, сидел напротив Ларина. Расположившись у тлевших углей очага, скиф поглощал сочное мясо и вино, недавно поданное им в шатер слугами.

— Мои воины уже давно ждут приказа атаковать, — ответил Аргим, вытирая сальные руки о штаны и стряхивая крошки с бороды. — И мне все равно, сколько греков прячется в здешних лесах.

«А мне нет, — подумал Леха, отпив вина из раззолоченной чаши, — их тут, по первым прикидкам, почти вдвое больше, чем нас. От Иллура помощи сейчас не допросишься, он гетов

добивает, а из Тиры корабли долго ждать, да и не пробиться им будет. Так что придется самим как-нибудь себе путь расчищать. И надо тут как-то хитростью, а не лихим кавалерийским наскоком.

Хотя и он пригодится. Без конницы — никуда. Мы, скифы, прежде всего всадники и уж потом — все остальное».

— Ты не горячись, Аргим, — попытался успокоить своего собеседника Ларин, предаваясь размышлениям и продолжая разглядывать карту, — недолго тебе ждать осталось. До врага рукой подать. Но сил у нас на всех сразу не хватит, поэтому важно не ошибиться с направлением главного удара. Надо разбить их поодиночке.

Закончив эту тираду, Леха сам удивился, каким вдруг стал рассудительным. Раньше он, не раздумывая, ввязался бы в бой, а потом наблюдал за развитием событий. Теперь же от него требовалось не просто шашкой махать и в атаку ходить, а ходить так, чтобы добиться результата. Задача царем была поставлена ясная — освободить выход к морю. А между отрядами скифов и морем находилось множество греков, запиравших всю дельту. Конечно, можно было попытаться совершить обходной маневр по дальнему берегу, но освободить один берег было мало, нужно было очистить от греков все русла и протоки. А без атаки флота тут было не обойтись. Греки же никогда дураками не были, и теперь, Ларин готов был голову отдать на отсечение, подготовили ему немало сюрпризов.

Аргим угрюмо замолчал. По лицу скифа, облаченного в чешуйчатый панцирь, было видно, что он уже давно скакал бы на коне в ночь. Не любил он долгих разговоров. Надо сказать, и Ларину уже надоело изображать из себя великого полководца, пытаясь разгадать замысел греков. Да и вряд ли он был слишком коварным. Ясно было, что прежде всего они готовились отразить нападение флота по двум главным руслам и держаться до тех пор, пока не подойдут подкрепления фиванцев по суше.

Сейчас армия Фив обосновалась лагерем где-то между Аполлонией и Одессом. Ларин с большим удовольствием нанес бы удар именно по этому городу, в котором прятался старейшина Иседон. Но дожидаться того момента, когда к и без того сильному военно-морскому соединению греков подойдет армия еще одного полиса, Ларин не хотел.

Терзали его ничем не подтвержденные, но тревожные сообщения о том, что афинский флот уже покинул гавани и направляется в этот район. Эти сообщения Ларин слышал еще со времен битвы с аргосцами, и казались они ему не более достоверными, чем сообщения о прибытии спартанцев, о которых никто не мог точно сказать, покинули они территорию

Лакедемона или все еще размышляют, нужна ли им эта война. Но радости не добавляли. Воевать один на один со всей Элладой Ларин не очень хотел, но, надо сказать, и не боялся. Когда он понял, что врагов уже больше, чем его солдат, страх уступил место наглости. Какая разница, насколько больше врагов — вдвое или в десять раз, все равно другого выхода не было, — царь приказал побеждать. А Иллур не любил ослушания.

Проведя пальцем по кожаной карте вдоль левого русла, Ларин разглядел протоку, что в среднем течении, не доходя до моря, отворачивала вправо и выводила прямиком в глубокий залив, на другом конце которого стояла греческая фактория под названием И стр. Ближний к дельте город, который требовалось взять. Протока казалась слишком прямой для природного творения. Леха припомнил, что перебежчик рассказывал о том, будто бы это был канал, прорытый специально для скорейшего сообщения с факторией. Этим путем постоянно пользовались сами греческие купцы, поднимавшиеся по реке, и все, кто плыл торговать с ними.

— Надо бы пробиться сюда, — подумал вслух Ларин, — так мы и к морю быстрее выйдем, и к городу приступим. А как только пойдем на штурм, и весть распространится, что мы уже в тылу у них порядок наводим, тех, кто в дельте еще останется, как ветром сдует. Во всяком случае, добить их будет легче. Не выстоят греки против нас тогда, это точно.

Аргим придвинулся к кожаному свитку, придавленному с двух сторон акинаком и ножнами, внимательно посмотрел на указанное пальцем Ларина место. Кивнул, расплывшись в улыбке.

— Дело говоришь, Ал-лэк-сей. — Аргим встал. — Приказывай.

Ларин тоже встал в радостном возбуждении. От принятого решения у него словно гора свалилась с плеч, а предстоящая схватка казалась уже выигранной.

— Возьмешь достаточно воинов и сам с ними ударишь вдоль русла к этой протоке, — приказал Леха, — ты должен раньше меня оказаться там и держать вход в протоку свободным. Еще тысячу воинов пошлешь вдоль второго русла, чтобы навести шороху там и запутать греков. До середины дня они должны думать, что мы наступаем по всему фронту. Я одновременно ударю со своими кораблями по воде к протоке, а часть также отправлю другим путем для отвода глаз. Если пробьются — хорошо, если нет, тоже не страшно. Главное, чтобы греки увязли в бою и не обошли нас.

— Все понял, — Аргим уже направился к выходу из шатра, — сейчас же отправлю людей.

— Обожди, — остановил его Ларин, поправив кожаный пояс, — на случай, если вдруг греки нам в тыл вознамерятся прорваться или разгадают наш удар, оставь здесь в лагере еще людей. А остальных отведи назад по реке, пусть в засаде сидят. Их дело — ждать приказа наступать на Истр с севера, чтобы нам легче на юге воевалось.

Аргим молча кивнул, растворившись в предрассветной мгле. Приняв решение, Ларин свернул карту и, спрятав ее в специальный тубус из толстой кожи, повесил на плечо наподобие планшетки командиров будущего. В пути он еще не раз собирался взглянуть на нее. А затем, выпив залпом чашу красного вина, перекинул через другое плечо ножны акинака и вышел вслед за скифом из шатра. Внутри было жарковато, и Лехе захотелось пройтись. Кроме того, нужно было отдать приказ о наступлении капитанам и Ларин решил сделать это лично, не вызывая всех к себе. Несмотря на теплую осень, ночи уже бывали прохладные, особенно у воды, и Ларин приказал в этот раз разжечь угли в командирском шатре, о чем уже не раз пожалел.

Шатер стоял на высоком холме, с которого днем открывался хороший обзор на излучину реки, выбранную для стоянки скифского флота. Ночью все укрывала вязкая мгла, а костров Ларин приказал у самой воды не разводить. Однако близился рассвет, и кое-что можно было рассмотреть уже сейчас.

Миновав охрану из дюжины рослых скифов, которых возглавлял Инисмей, Леха остановился на мгновение, желая осмотреться. Уперев руки в бока, адмирал вздохнул полной грудью напоенный ароматами леса воздух и прислушался к звукам. Он услышал лишь крики ночных птиц и шум налетавшего ветерка. Огромный лагерь скифской конницы и моряков каким-то чудом умудрялся сохранять почти полную тишину. Лишь изредка сюда долетало ржание коней или приглушенный шум разговоров. За те несколько минут, что адмирал провел в созерцании берега, шум из лагеря конной армии стал доноситься сильнее, — похоже, Аргим уже отдал свои приказы.

Леха скользнул взглядом по видневшимся на фоне розовеющего неба силуэтам кораблей. Большинство были триерами, но и парочка квинкерем имелась. На одной из них Ларин устроил свой плавучий штаб, сделав ее флагманом, а капитаном по привычке назначив Токсара, давно ставшего его правой рукой. Больших кораблей было пятнадцать, не считая еще флотилии бирем, коротавшей ночь за мысом.

— Я пройдусь вдоль берега, — заявил Леха появившейся сбоку тени, — возьми человек пять. Пойдете со мной.

Тень молча кивнула.

— И еще, Инисмей, — добавил Ларин, которому в голову пришла новая идея, — пошли кого-нибудь разыскать мне Каранадиса. Пусть придет к шатру и здесь дожидается. Мы скоро вернемся.

— Будет сделано, — звенящим шепотом подтвердил сотник, уже оправившийся от раны, полученной за время долгого плавания по реке.

Инисмей немедленно отрядил одного из воинов разыскать ленивого грека. Когда его не использовали для боевых действий, Каранадис любил коротать время за кувшином вина и в компании молодых пастушек, предаваясь плотским утехам при любой возможности. И чем страшнее была битва, которую он видел, тем сильнее Каранадис пил, стараясь заглушить переживания. Смелым парнем Леха его не мог назвать никак, но никто из бойцов не додумался до того, чтобы соорудить столько взрывчатых веществ. А осада крепости в верховьях Истра, где впервые был применен их «совместный проект», Ларину запомнилась надолго. Такого ужаса даже видавшие виды греки не испытывали.

И сейчас Каранадис, вероятно, смотрел десятый хмельной сон, но Ларина это не волновало. Адмирал начинал наступление и желал поговорить со своим военным советником. Хотел обсудить новую идею, как использовать прототип еще не доведенной до ума «ракетной установки» в морском бою.

Когда Ларин в сопровождении охранников прошел мимо нескольких упрятанных в землю костров, окруженных тихо балагурившими моряками и морпехами, вдоль берега на север проскакал большой отряд конницы. Скифы спешили достичь ближайшей переправы, которую по приказу Ларина навели плотники, соединив через несколько островов два берега реки наплавным мостом, основанием для которого послужили биремы. Берег напротив моста и километров на десять в глубину с другой стороны тоже контролировался людьми Аргима. Второе широкое русло отходило в сторону позади лагеря, там тоже «дежурили» скифские всадники и стояли несколько судов.

Но вот дальше, между ними, начинались обширные земли, изрезанные протоками, где давно были замечены греческие разъезды и лодки с наблюдателями, пытавшимися подобраться поближе к лагерю. Большие корабли неприятеля Ларин рассчитывал встретить не раньше, чем через несколько часов плавания по ближнему широкому руслу. Греки не спешили нападать на лагерь, предпочитая сконцентрировать силы для обороны. Здесь скифская конница далеко не всегда могла действовать широким фронтом, на что, вероятно, и был расчет.

Не успел Ларин приблизиться к своему флагману, преодолев несколько патрулей, как увидел тень охранника, метнувшуюся по сходням на корабль, и услышал сдавленный шепот: «Ал-лэк-сей идет!» Когда он сам поднялся на борт квинкеремы, что была пришвартована к наскоро построенному пирсу, — все-таки армия Ларина стояла здесь уже вторую неделю, — ему навстречу выбежал Токсар в полном вооружении, словно только и ждал появления своего господина.

— Ну, как прошла ночь? — поприветствовал его Ларин и, не дожидаясь ответа, направился к другому борту, чтобы взглянуть с его высоты на реку, которая уже начала проявляться в лучах быстро поднимавшегося солнца.

— Все тихо, — доложил Токсар, — разведчиков не было. Шума никто не поднимал. Гребцы и команда отдыхают.

— Это хорошо, — кивнул Ларин, вглядываясь в расплывчатый силуэт моста, по которому в отдалении глухо стучали копыта конницы, переправлявшейся на другой берег, и повторил. — Это хорошо. Шум нам раньше времени ни к чему.

Инисмей и охранники застыли позади в нескольких шагах.

— Корабль в порядке? — на всякий случай поинтересовался Леха, отходя от борта и медленно направляясь к носу, где виднелись две хищного вида баллисты.

— В полном, — отрапортовал Токсар, едва не вытянувшись по струнке, — весла починили, изготовили новые взамен сломанных. Мачты на месте. Баллисты и катапульты работают исправно. Ядер хватает. Воины хотят драться. Мы готовы отплыть хоть сейчас.

— Вот и отдай приказ к отплытию, — порадовал его Ларин. — Как рассветет, выдвигаемся. Сегодня начнем новое дело.

— Наступаем? — радостно уточнил Токсар и добавил, тряхнув бородой: — Пора пустить кровь этим хитроумным грекам, а то мы здесь уже устали от безделья.

— Пора, — не стал спорить Леха, — только прикажи убрать вон те баллисты с носа.

— Зачем? — не поверил своим ушам командир корабля. — Как же мы тогда будем обстреливать греков? Ведь нас ждет впереди целый флот.

— Есть у меня одна мысль, — туманно намекнул Ларин, не став пока раскрывать все Токсару — На их места поставим другое орудие. Покрупнее. Так что пока расчисти место, а я к тому времени вернусь на борт. Надо поговорить кое с кем и другие корабли навестить.

Оставив Токсара в некотором недоумении, адмирал проследовал к ближайшей триере. Встретившись с ее капитаном

на берегу у самого борта, — в ожидании дальнейшего плавания корабль был вытащен на берег, — Леха объявил о начале наступления и велел сообщить о нем остальным.

— Выступаем, как рассветет, — сказал он рослому скифу, представшему перед ним в сопровождении гортатора, — проверить все орудия. Морским пехотинцам быть готовыми к бою. Греков впереди много и просто так они нас не пропустят. Драка будет жестокая.

— Мы готовы. — обрадовался не меньше Токсара командир триеры и оглянулся на своих пехотинцев, ночевавших прямо на берегу под открытым небом, — давно ждем.

Крепкие бойцы в чешуйчатых панцирях с мечами и топориками на боках, которых разбудил шум столь ранних переговоров, поднимались с земли, осторожно поглядывая в сторону адмирала и его свиты.

«Да уж, — мысленно согласился с ним Ларин, скользнув взглядом по рослым воинам и словно оправдывая свое длительное бездействие, — мне самому тут не очень нравится сидеть, но, что поделать, раньше было нельзя».

— Время пришло, — громко и назидательно заметил адмирал вслух, направляясь дальше, — как только отплывет мой корабль, двигайтесь за нами следом.

Перед тем как вернуться к себе в шатер, Ларин дошел до следующего корабля, так же обсыхавшего на берегу. Рядом с ним были вытащены на берег еще четыре триеры. Вокруг вповалку спали пехотинцы, и виднелось несколько палаток.

— Позови капитана, — приказал Леха, останавливаясь у первого корабля, в двух шагах от охранника, преградившего вход в палатку. Сам он не пожелал влезать в это узкое сооружение, в несколько раз меньшее, чем его шатер на холме. Хотя и мог.

Вместо этого он остановился рядом с палаткой, осматривая боевое соединение триер, которое собирался послать на отвлекающий маневр по другому руслу. Здесь были собраны корабли из эскадры Тернула, слишком хорошо известного Ларину. Многое было связано с этим городом, и большинство из этих событий Леха не особенно хотел вспоминать. Чего стоила только смерть Гнура, — тела никто не видел, но Ларин уже почти не сомневался в его смерти, — и предательство Иседона, обитавшего тогда в замке неподалеку. Леха поймал себя на мысли, что к морякам из эскадры Тернула он поневоле относился более спокойно, чем к остальным, хотя они были в этом не виноваты.

«Надо же кого-то послать в этот рейд, — оправдывал себя Ларин, когда его взору предстал широкоплечий скиф с орлиным

носом, спавший не снимая доспехов, — и для дела лучше, если это будет сплоченное в боях соединение. Да не из самых последних. А эта эскадра как раз из таких».

Отогнав мысли о том, что кораблям из Тернула придется атаковать значительно превосходящие силы греков, в результате чего многие из них не вернутся назад, Ларин успокоил себя тем, что остальным тоже придется не сладко. На войне как на войне.

— Здравствуй, Арсак, — приветствовал адмирал одного из своих лучших боевых командиров, — пройдемся. Я хочу кое-что тебе сообщить.

Жестом остановив двинувшихся за ними охранников Инисмея, Ларин отвел капитана к самому берегу, где шумели воды реки и, остановившись у большого валуна, сказал:

— Мы начинаем наступление на греков. Немедленно.

— Боги услышали мои молитвы, — воздел руки к небу Арсак, длинную бороду которого развевал ветер.

«Как все тут устали ждать, — усмехнулся в душе Ларин, — но это к лучшему».

— Но воевать мы будем вместе с тобой в разных водах, — объявил Ларин, — я с основной частью кораблей отплываю по этому руслу и нападу на греков ниже по течению. Ты же возьмешь всю эскадру из Тернула и отправишься в другое русло, где сделаешь тоже самое.

Бывалый капитан все понял с полуслова и слегка нахмурился, но ничего не сказал.

— Ты должен атаковать греков, сколько бы их тебе не встретилось, и воевать так, что бы они думали лишь о бегстве и спасении.

Арсак обернулся, посмотрел на свои пять кораблей, слегка усмехнулся и проговорил, словно отливая каждое слово из бронзы.

— Они пожалеют о том, что родились, когда повстречаются со мной, — пообещал скиф.

— Не сомневаюсь, — подтвердил адмирал, слегка качнув головой и прищурившись от первых лучей солнца, упавших на его лицо.

— Я буду держаться до тех пор, пока у меня останется хотя бы один корабль, — добавил Арсак.

— Возьмете еще дюжину бирем, в бою пригодятся, — добавил Ларин, — они повезут пеших солдат, которые должны захватить берега и наступать по ним вместе с конницей Аргима, которая уже на пути туда.

Услышав о том, что предстоит совместное наступление с конницей, Арсак повеселел. Его шансы вернуться живым

мгновенно выросли в глазах самого капитана. Теперь скифа еще меньше волновало, сколько греков ему повстречается.

— Отправляйся немедленно, — приказал Ларин, заканчивая разговор, — и не забывай слать мне гонцов с сообщениями о том, как продвигаются дела. Особенно когда пробьешься к морю.

Капитан усмехнулся во весь рот, оценив шутку, и Ларин заметил, что у него не хватает двух верхних зубов, выбитых в какой-то схватке, да и вся верхняя губа с правой стороны лица была немного обезображена ударом рукояти меча. Впрочем, самого Арсака это уже давно не беспокоило, словно таким и родился.

Расставшись с капитаном эскадры из Тернула, Леха окинул взглядом на глазах оживавшее побережье — сотни солдат, умывшись в водах реки, уже закончили трапезу, свернули немногочисленные палатки и под окрики своих командиров, поднимались на корабли, бряцая оружием.

— Ну, пора и нам на корабль, — произнес он, вновь прищурившись на солнце, осветившем прибрежный лес и заставившем сверкать речку, — только сначала ненадолго вернемся к шатру.

И в сопровождении охранников он пробрался сквозь проснувшийся лагерь к своему походному жилищу. Первое, что он увидел, поднявшись на холм, — жалкую фигуру грека, который сидел на камне в десяти метрах от шатра, всем видом изображая страдание. Приблизившись и рассмотрев его опухшее от безудержного пьянства лицо, Леха решил, что тот и в самом деле страдал. Еще бы, разбудили, не дав оклематься после очередного возлияния.

— Что случилось, хозяин? — жалобным голосом вопросил Караналис, когда Леха приблизился к своему шатру. — Что за шум стоит в лагере в такую рань? Мы куда-то отправляемся? Так ведь было хорошо до сих пор.

— Если ты забыл, ничтожный грек, то вокруг идет война, — напомнил Леха, жестом приказывая ему следовать за собой, но вдруг резко останавливаясь у входа в шатер, — и мы как раз отправляемся на очередную встречу с твоими соплеменниками. Ты мне нужен на этой войне. И если ты еще раз напьешься до беспамятства, то я лично прикажу Инисмею содрать с тебя кожу. Живьем. Понял?

Каранадис, трусивший вслед за Лариным, остановился как вкопанный и смерил недоверчивым взглядом сотника, словно не мог представить, что этот давно знакомый ему воин осмелится выполнить приказ своего хозяина. Но вид грозного, заросшего бородой скифа, сверкавшего из-под шлема и кустистых бровей

злыми холодными глазами, быстро привел его в чувство. Каранадис посмотрел на его жилистые руки, одна из которых сжимала рукоять меча, и Леха тут же прочел в его глазах клятву бросить пить. Если не навсегда, то уж точно до тех пор, пока Инисмей будет находиться поблизости.

Оказавшись в душном шатре, Ларин опустился на ковер и, взяв с подноса чашу с вином, первым делом выпил его на глазах у изумленного грека, не предложив тому даже сесть. Долго разговаривать Леха не собирался, а урок преподать следовало. Впереди намечалось немало сражений с участием техники и боеприпасов, изготовленных руками этого изможденного гения, и нужно было позаботиться, чтобы тот был всегда в форме. Гении, как известно, боятся физического воздействия. Но об этом, обратив на него внимание, Леха уже позаботился. Осталось только дать понять расслабившемуся оружейнику, что адмирал не всегда будет позволять ему делать все, что угодно, даже несмотря на его явную ценность. И Ларин уже обдумывал, какое бы еще внушение сделать, но, взглянув на Каранадиса, решил остановиться на этом. Тот и так был ни жив, ни мертв от страха.

«Ладно, хватит с него, — решил Ларин, смягчаясь. — Еще формулы свои от страха позабудет, чем я потом буду стены да ворота взрывать».

— Ракеты готовы? — перешел к делу адмирал.

— Давно уже, — не повел и ухом грек, услышав это название, зато мгновенно протрезвел, — как вы приказывали, пять штук. Лежат в ящиках на дальнем конце лагеря, под охраной бойцов Уркуна.

Ларин уже не раз обсуждал с греческим оружейником конструкцию нового метательного приспособления, а для краткости назвал эти далеко не совершенные прототипы, что использовались вместо начиненных горючей смесью горшков, ракетами. Каранадис спорить не стал. Ракеты так ракеты. Не он ведь их изобрел.

Только мы же их ни разу не испытывали с того самого дня, как уплыли из крепости после битвы с аргосцами, — на всякий случай добавил грек.

Придется рискнуть, — заявил Ларин, отправляя в рот засахаренные фрукты с подноса, — скажешь Уркуну, чтобы перетащили все на мой корабль, вместе с установкой. Я для них уже присмотрел местечко.

— Вы собираетесь стрелять ими прямо с корабля? — изумился Каранадис, даже сделав пару шагов вперед. — Но ведь он же деревянный. И если один из этих снарядов взорвется… а если все…

— Придется рискнуть, — повторил Ларин, поднимаясь и направляясь к выходу.

Поравнявшись с осоловевшим оружейником, он хлопнул его по плечу.

— Не дрейфь, Каранадис! Греческих кораблей впереди много. Да на берегу солдат будет достаточно, укрепления всякие. А борт у нас самый высокий, как ни крути. Так что придется рискнуть. Иди, готовь свою установку. А я пойду, гляну, как там катапульта Архимеда. Тоже с собой прихватим. Пригодится.

Глава третья
По дороге в Тарент

К счастью, выяснение личности Федора заняло чуть больше времени, чем прогулка до здания, где располагался комендант Мессаны. Он оказался одним из тех офицеров африканской пехоты Атарбала, с которыми Чайка новобранцем начинал эту италийскую кампанию, и прекрасно знал Федора. Поэтому вопрос решился быстро.

Федору предоставили корабль, да еще какой, — целую квинкерему, которая должна была отправиться буквально на следующий день по делам службы в Тарент и готова была взять его на борт. Конечно, это был не «Агригент», вместе со своим капитаном Бибрактом оставшийся в распоряжении Гасдрубала, но тоже неплохой корабль. Командовать квинкеремой, к его удивлению, был назначен новый знакомый Федора Могадор, которого он еще раз, перед тем как отойти ко сну, попросил смягчить наказание для Йехавмилка. Может быть, тот передумает. В противном случае капитана ждала казнь или жизнь раба на каменоломнях.

Сделав все, что было возможно, для тех, с кем ему пришлось сражаться вместе, пусть и не долго, Чайка устроился на ночлег в отведенном ему домике на побережье. Усталость взяла свое.

Отплыв с рассветом, вскоре они миновали Регий и взяли курс на Тарент вдоль побережья «подошвы башмака». Со своего места на корме квинкеремы Чайка разглядывал проплывавший в отдалении порт и сновавшие вдоль побережья военные корабли, с которыми их судно уже обменялось необходимыми сигналами. Здесь, в Регии, стояла довольно большая эскадра карфагенского флота, призванная вместе с кораблями из Масса-лии запирать пролив между Италией и Сицилией.

— Ни один римский корабль здесь не проскочит! — самодовольно заявил Могадор, с которым ему выпало плыть дальше. — А если и проскочит, то попадет в лапы к грекам и ему все равно конец. Ферон ненавидит римлян.

Чайка кивнул, переводя взгляд с левого борта на правый, за которым плескалось безбрежное море, лишь за кормой корабля ограниченное сицилийскими берегами. Там в легкой дымке, невидимые отсюда, прятались Сиракузы — с недавних пор гроза римлян и союзник Карфагена.

Если он не ослышался, то флотом по-прежнему управлял

Ферон, а сухопутные силы да и вообще всю остальную власть в греческой колонии прибрал к рукам Гиппократ, старый знакомый Чайки.

Как вчера удалось узнать Федору, после того как Ганнибал объявил себя независимым правителем Испании, Италии и большей части Сицилии, сиракузяне по-прежнему оставались верны ему и пообещали изгнать войска сената, если они попробуют высадиться здесь. Это было большим дипломатическим успехом" нового… — Федор даже точно не знал, как теперь называть своего благодетеля, — монархом, царем или просто тираном, как было принято именовать единоличных правителей у греков. В любом случае, поддержи Сиракузы «законную власть» Карфагена, Ганнибалу пришлось бы нелегко. Такой поворот грозил новой войной на Сицилии, которых карфагеняне за свою долгую историю провели здесь уже немало. Но пока, как он понял из слов Могадора, на благодатном острове в целом все было спокойно.

«Это ненадолго, — подумал Федор, невесело усмехнувшись, — очень скоро здесь появится какая-нибудь армия сената и начнется мясорубка. В этом Магону можно верить. Несмотря на то что до недавнего времени армией сената были мы сами, вряд ли Магом решил просто взять меня на испуг. Значит, еще одна готовая к бою армия есть и Гасдрубалу в Африке придется нелегко. А здесь, на Сицилии, плацдарм у них, несмотря на усилия Ганнибала, тоже все еще есть».

— Лилибей остался верным сенату? — на всякий случай уточнил Чайка, вспоминая вчерашний разговор с комендантом.

— Да, — подтвердил Могадор, — Лилибей, Мазара и Селинунт все еще в руках сената. Но я уверен — Ганнибал вскоре прикажет предпринять еще одно нападение на эти отдаленные земли, и они тоже станут нашими.

Федор молча кинул. Даже одного из этих портов было достаточно, чтобы высадить армию, посланную сенатом на подавление государственного мятежа. А никак иначе Магоном и остальными сенаторами действия бывшего главнокомандующего силами республики не квалифицировались. Ведь на подвластных Баркидам землях этой самой республики больше не существовало. Правда, и Лилибей, и Мазара, и Селинунт находились на западном побережье. Далековато от Сиракуз, пролива и самой Италии. Так что вполне возможно, лишенный выбора сенат начнет действовать не менее дерзко, чем бывший главнокомандующий, и высадка армии все же произойдет где-то в этих землях. А быть может, и в самой Италии. Рим обескровлен, но еще не уничтожен. И еще может вмешаться в ситуацию. Тем

более теперь, когда расклад сил резко поменялся. И Ганнибал в любой момент мог получить войну на два, а то и три, если вспомнить про греков, фронта.

«Впрочем, — подумал Федор, — ему не привыкать. Как-нибудь разберемся. Это все будет скоро, но не сейчас. Прежде доберусь до Тарента, обниму Юлию, а потом и поговорим с Ганнибалом о том, что дальше делать. Мне ведь теперь, как и ему, деваться больше некуда.

— Что с Арвадом? — уточнил Чайка, позабывший вчера выяснить подробности судьбы плененного главнокомандующего сицилийских сил, верного сенату.

Еще несколько дней назад он сидел в тюрьме в Сиракузах, — охотно сообщил Могадор, — но кто-то попытался устроить ему побег. Не удалось. И Ганнибал приказал казнить его. Позавчера он был распят.

«Круто начинает, — решил Федор. — впрочем, здесь такое уже 6 м пало».

— Зато почти все остальные офицеры его армии, не задумываясь, последовали за Ганнибалом, — охотно рассказывал Могадор, непосредственный участник этих событий, — как и солдаты. Армия любит Баркидов. Прайда часть сил Арвада, конечно, отступ ила в сторону Селинунта, но таковых нашлось не много, всего около трех тысяч человек. Туда же ушла треть кораблей флота, зато остальной флот наш.

«Похоже, действительно грядет гражданская война, — подумал Федор, рассматривая проплывавший по левому борту живописный берег, рассветная хмарь над которым уже давно рассеялась, — Карфаген м не будут воевать друг с другом, а заодно и с римлянами. Но моя совесть чиста, я не входил в сговор с врагами. А вот Магон ради власти на это пошел».

Федор еще раз спросил себя, правильный ли он сделал выбор, приняв сторону Ганнибала. И еще раз ответил себе да. Конечно, все золото, собранное за время италийской кампании, пришлось оставить дома, в особняке» посреди живописною квартала Карфагена. Впрочем, как и сам особняк вместе со слугами. А еще в казну отходило его загородное имение с рабами и плантация финиковых пальм. За одну ночь Федор стал гораздо беднее. Но в Таренте у него все же был еще один дом, и неплохой. А главное, семья, без которой он не видел дальше своей жизни. Правда, за нее теперь приходилось опасаться вдвое больше.

— А деньги?.. — пробормотал Чайка себе под нос, глядя отсутствующим взглядом в морские волны, и слегка усмехнулся. — Деньги придут снова. Если я правильно помню, Ганнибал обещал меня наградить, если я смогу доставить письмо

Гасдрубалу. И я доставил. Посмотрим, какова будет милость нового… тирана. А кроме того, война — дело прибыльное.

Плавание проходило спокойно. Попутный ветер надувал паруса, и к вечеру квинкерема причалила на мысу у Кротона, лежащего почти на полпути до конечной точки путешествия. Отсюда до Тарента было уже ближе, чем до Мессаны, так что Федор мог считать, что почти добрался до дома. Поскольку только это место на Средиземноморье он теперь мог считать домом.

Чуть дальше начинался огромный залив, на северной оконечности которого находился Тарент. «Завтра я увижу Юлию и Бодастарта, — с удовольствием подумал Чайка, располагаясь на ночлег в одном из домов на берегу.

Отлично выспавшись, на следующее утро он почти взлетел по сходням на корабль, взявший курс на Тарент. А когда на горизонте показались очертания знакомого берега, был вне себя от счастья. Однако ветер вдруг стих и паруса обвисли.

Сколько нам еще понадобится времени, чтобы достичь гавани? — уточнил Федор, в нетерпении подходя к Могадору, который что-то рассматривал в противоположной стороне, пока гребцы, повинуясь свисткам надсмотрщиков, выдвигали из глубины бортов свои весла.

Быстро идут, — заметил, не отвечая на вопрос Могадор, — могут успеть раньше нас.

И лишь затем, обернувшись к Федору, добавил:

— Теперь это знают лишь боги. Я распоряжусь, чтобы гребцов поторопили. У меня нет желания вступать в бой одному против целого флота.

И покинув Чайку, он сбежал вниз по крутой лестнице, а Федор устремил свой взгляд в ту сторону, которой так живо интересовался Могадор. Увиденное его совсем не обрадовало. Он насчитал почти двадцать длинных корпусов кораблей, с массивными навершиями в носовой части, стремительно перемешавшихся на веслах. Даже беглого осмотра было достаточно, чтобы узнать в них римскую эскадру. Вернее, целый флот, тут Могадор был нрав. И этот флот пришел к берегам Тарента, ставшего цитаделью Ганнибала в Южной Италии, явно не с мирными намерениями. Сейчас он двигался вдоль побережья, почти параллельным курсом с квинкеремой Могадора. Расстояние до гавани было примерно одинаковым.

— Что-то осмелели римляне, — флегматично заметил Могадор, вернувшийся из глубин трюма, сразу после того, как корабль ожил и вновь полетел по волнам, повинуясь ритмичным взмахам сотен гребцов, — давно они не рисковали появляться так

близко от наших берегов, если не считать дня нашей встречи.

Чайка невольно вспомнил недавний бой у Мес-саны и был вынужден согласиться. Римляне действительно осмелели и, возможно, начали активные действия по всему фронту. А на это, судя по всему, была причина, о которой Чайка догадывался. Пришли в движение пружины тайной политики, в которой на этот раз Рим и Карфаген действовали заодно против общего врага. Смертельного врага, угрожавшего их существованию.

Пока финикийский корабль стремительно продвигался вперед, рассекая тараном слабые волны, Чайка гнал от себя предательские мысли о том, что будет, если римляне отрежут их от гавани. Конечно, в самом городе наверняка стоит на рейде множество кораблей, но при таком раскладе сил они могут и не дождаться помощи на этот раз.

— Быстрее! — крикнул Могадор, перехватив взгляд Федора. — Прикажи, чтобы эти лентяи шевелились, а не то я казню их раньше, чем мы доплывем до берега!

Приказ относился к командиру гребцов, который был вызван на палубу и сейчас находился неподалеку. Получив «нагоняй», он развернулся и снова застучал башмаками по ступенькам лестницы, растворившись на нижних палубах. Спустя недолгое время корабль действительно прибавил ход, словно ему «подкинули угля» в машинное отделение.

Могадор и Чайка, продвигаясь вдоль борта, постепенно переместились в носовую часть. По дороге капитан проверил расчеты баллист и морпехов, уже находившихся на своих местах согласно боевому расписанию. «Артиллеристы», дожидаясь скорого сближения, уже натягивали торсионы, заряжая свои орудия. А морпехи плотными рядами выстроились вдоль бортов, подняв щиты, готовые отразить нападение.

По хмурому выражению лица Могадора было ясно, что он не в восторге от мысли пасть смертью храбрых в борьбе с превосходящими силами противника, но не колеблясь сделает это, если так случится. Федор же совсем не хотел погибать, выбравшись из Карфагена и благополучно миновав Сицилию, буквально в двух шагах от дома.

Солнце едва вошло в зенит и нещадно палило. Отсутствие ветра уже заставляло столпившихся на палубе людей, затянутых в массивные панцири, страдать от жары. Пот тек ручьями по лицам воинов, но никто из них не жаловался на жизнь, предпочитая встретить римлян во всеоружии. Федор, проведя на Средиземноморье уже не один год, тоже привык воевать на жаре, но иногда вспоминал свои северные широты из прошлой жизни, где люди видели снег не только проходя по горам.

Весла ритмично опускались в воду, вспенивая почти гладкую поверхность. Время летело быстро. Наблюдая за перемещением римской эскадры, Чайка, к своей радости, заметил, что они начали выигрывать эту гонку. Лишенная тяжести корвуса карфагенская квинкерема шла быстрее, и, мысленно продолжив воображаемую линию до входа в военную гавань Тарента. Федор понял, что они смогут проскочить перед самым носом у римлян. Если, конечно, не случится чего-нибудь непредвиденного.

«О боги, помогите мне добраться до дома, — взмолился Чайка, — а уж там я найду способ отплатить вам».

Римляне были уже близко. Федор мог невооруженным глазом заметить морпехов на палубах кораблей, с удивлением взиравших на одинокое финикийское судно, затеявшее с ними гонку. Все остальные суда, которые Чайка успел увидеть неподалеку от городских стен, едва заметив опасность, предпочли скрыться в гавани, вход в которую был перегорожен массивной цепью. Едва поднимаясь над водой, эта цепь была растянута между двумя каменными башнями и перекрывала проход, сквозь который могла пройти лишь одна квинкерема. Не больше, не меньше. Башни стояли на высоком насыпном молу, укрепленном внешней стеной, отгораживая военную гавань от моря. На стенах было полно солдат, давно заметивших и римлян и спешивший к морским воротам финикийский корабль. Так что римлянам предстояло сначала захватить первую линию обороны, чтобы попытаться прорваться в город. Впрочем, все в этом городе им было слишком хорошо знакомо. Федор не знал приказа, который отдали римские флотоводцы, но такое количество кораблей вряд ли прислали лишь для того, чтобы провести акцию устрашения.

— Скорее всего, будет штурм, — поделился Федор своими соображениями, рассматривая римские корабли.

— Конечно, будет, — кивнул Могадор, — иначе, зачем они здесь. Но это пока не наше дело. Нам, главное, успеть прорваться внутрь.

Федор не стал спорить, а Могадор обернулся к возникшему в двух шагах командиру гребцов и вновь пообещал ему скорую смерть, если корабль хоть на мгновение снизит скорость. В тот момент, когда Могадор обернулся, ядро просвистело у него над головой и упало в воду всего в каких-то пятнадцати метрах.

«Перелет, — машинально отметил Федор, пригибаясь от свиста следующего римского гостинца, — значит, мы уже в зоне действия баллист».

Второе ядро ударило точнехонько в нос, раскрошив часть массивного украшения в виде конской головы. Резная фигура треснула, и обломки просыпались прямо на Чайку, который успел

отскочить назад прежде, чем его придавило куском дерева, схожим по весу со стволом дерева средней величины. Могадор не сдвинулся с места, но его не задело, словно он был заговоренный.

Отряхнувшись от деревянной крошки, Федор подошел к баллисте и бросил взгляд в сторону римлян. Ближайший корабль был уже в какой-то сотне метров. Его корвус нависал над носовой частью, чуть притапливая ее в волнах, а таран нацелился в борт финикийцам. Некоторые римские морпехи насмехались над своими врагами, размахивая руками и проклиная их. С палубы квинкеремы неслись крики и ругательства, часть которых Чайка даже понял, но не стал переводить капитану. Смысл был и так понятен.

— Открыть ответную стрельбу! — рявкнул Могадор в ярости, обернувшись назад. — Пусть не думают, что нас легко испугать.

Финикийские канониры немедленно дали ответный залп, который заставил римлян ненадолго заткнуться. Три ядра попали в цель, превратив в кашу с десяток римских морпехов и разрушив ограждение в центре борта. Спустя несколько минут, когда римляне от вида крови пришли в себя и, закончив бахвалиться, по приказу центуриона изготовились к абордажному бою, подняв шиты, финикийская квинкерема на полном ходу проскочила опасную зону. Проскользнув мимо нацеленного в его борт тарана, пунийский корабль вырвался на «финишную прямую». До морских ворот города осталось не больше трехсот метров, которые, впрочем, еще следовало пройти. Ядра с римских кораблей, а позади них теперь оказался не только флагман и еще две квинкеремы, буквально забарабанили по палубе и обшивке корпуса. Отовсюду послышались стоны раненых. На глазах Чайки одному морпеху снесло ядром голову, а другого, что прикрылся щитом, выбросило за борт, сломав его телом ограждение. Римляне в ярости усилили обстрел, не веря, что пунийцы ускользнули из-под самого носа.

— Цепь! — раздался вдруг вопль Могадора. — Поднимите цепь!

Федор, который за это время переместился ближе к центру корабля, на всякий случай поднял повыше щит, обошел стрелявшую баллисту, несколько убитых морских пехотинцев, и снова встал справа от Могадора, не покидавшего своего места на носу.

— Что происходит? — уточнил Федор, прислушиваясь к продолжавшемуся свисту ядер, который казалось, ничуть не заботил командира квинкеремы.

— Они думают, что я перелечу через нее на крыльях! — бушевал Могадор, указывая Чайке на башни, между которыми

виднелась массивная цепь. — Если эти недоумки промедлят еще мгновение, то она рассечет мой корабль пополам. Если только боги не перенесут нас через нее.

Чайка присмотрелся. До входа в гавань оставалось не больше сотни метров, но длинный корпус корабля стремительно приближался к проходу между башен, все еще перегороженному цепью. Расстояние сокращалось на глазах, но цепь не двигалась с места.

— Может быть, они решили, что это все отвлекающий маневр римлян? — озадачился Федор. — Которые хотят так ворваться в город.

— Может быть, — отмахнулся Могадор, — но меня ждали, а значит, должны узнать.

Он обернулся назад", бросив взгляд в сторону висевших на хвосте римлян.

— Они не успеют проскочить за нами, если вовремя опустить и поднять цепь.

Федор хотел уже вновь обратиться за помощью к богам, но защитники Тарента решили поверить своим глазам и, посчитав корабль финикийским, начали опускать цепь. Медленно, со скрипом она стала погружаться в воду. На взгляд Федора, слишком медленно. Цепь скрылась под водой лишь тогда, когда изрядно потрепанная обстрелом квинкерема подлетела к самому проходу.

— Убрать весла! — рявкнул Могадор, и его приказ эхом подхватил кто-то из офицеров.

Хотя приказ был своевременным, он все же немного запоздал. Из-за недоверия защитников крепости весла гребцы стали убирать лишь в последний момент. Раздался треск и несколько весел, не успев скрыться во чреве корабля, разлетелись в щепки, ударившись о каменные стены башен. Квинкерема проскочила в узкий канал, и Федор тут же услышал еще один странный звук — что-то проскрежетало по днищу.

— Цепь! — пояснил повеселевший Могадор. — Они начали ее поднимать, едва впустили нас, чтобы отрезать римлян.

И перехватив настороженный взгляд Чайки, который осматривал корабль с таким видом, словно тот должен был вот-вот развалиться на части, добавил, махнув рукой:

— Ерунда! Киль крепкий, выдержал! Главное, что мы в гавани.

Федор перешел на левый борт — едва избежавший гибели корабль заложил резкий поворот, направляясь к одному из знакомых пирсов, — и посмотрел назад. Римские квинкеремы так увлеклись погоней, что в спешном порядке были вынуждены

«закладывать виражи», разворачивались перед самыми башнями, чтобы не протаранить их. Остальные же корабли перенесли огонь на башни и стены, атаковав защитников. Штурм Тарента начался, но Чайку это уже не волновало. Солдат и метательных оружий на стенах хватало. С первым приступом должны были справиться.

Глава четвертая
Битва за дельту

Первые несколько часов плавания, а вернее осторожного продвижения к морю, прошли спокойно. Греки не показывались. Лагерь у излучины скифский флот покидал еще в предрассветной мгле, на веслах. Но туман быстро рассеялся и вскоре поросшие лесом берега стали отчетливо видны. Впрочем, как и многочисленные боевые корабли, клином вошедшие в русло реки. Именно такой порядок плавания, а не обычное движение линией, установил скифский адмирал, квинкерема которого была острием ударного клина.

— Прячутся сволочи, — подумал вслух Леха, стоя на корме рядом с Токсаром и всматриваясь в топкие берега, не подававшие признаков жизни, если не считать то и дело взлетавших птиц, — в глубину заманивают, значит, засаду дальше устроили.

По данным разведчиков, греки уже давно должны были показаться. До этого дня их конные разъезды и патрули регулярно вторгались на эти территории, выдавая близость укреплений. И Леха уже давно ожидал увидеть стычки между конными отрядами Аргима, маячившими среди деревьев, и греческим авангардом, но пока все было тихо. Миновали уже три деревеньки с полуразвалившимися ветхими строениями, и все они были пусты. Местные жители покинули здешние места, не дожидаясь начала боевых действий.

Однако, несмотря на видимость спокойствия, Ларин поначалу был напряжен и ждал внезапного нападения греков. «Скоро, — думал адмирал, разглядывая спокойные волны реки, что несла их в сторону моря, — очень скоро эта тишина сменится грохотом сражения. По всей дельте. Корабли Арсака уже должны были обогнуть мыс и войти в другое русло. Недолго осталось, печенкой чую».

Задуманное наступление должно было принести скифам успех, Ларин в этом не сомневался. Но на всякий случай отправил посуху, обходным путем, конного гонца в Тиру. Его гонец с небольшим отрядом охранников должен было пройти вверх по реке, а затем, по захваченным скифами землям, добраться до Тиры и передать письмо коменданту крепости. А уж тот обрадует Гилисподиса и сообщит находившимся в порту капитанам кораблей о предстоящей кампании.

Некоторое время адмирал подумывал о том, чтобы вызвать

сюда и эннеру. Плавучая артиллерия могла бы оказаться как нельзя кстати. Однако потом решил, что действовать в условиях дельты, где из каждой протоки корабль-монстр мог атаковать какой-нибудь лихой греческий капитан на триере, не лучший вариант. В этом случае даже атака многочисленных бирем могла быть опасной, а лишиться своего самого мощного корабля на «Черноморском флоте» он не хотел.

«Пригодится еще, — подумал с осторожностью Ларин, прищурившись на солнце, — вот отобьем дельту, приступим к городам, начнем один за другим утюжить артиллерией с моря, вот тогда и подтянем сюда эннеру. Так от нее пользы больше будет. А здесь триерами обойдемся».

Между тем прошло еще два часа, уже совсем рассвело, а отдалившийся от лагеря на приличное расстояние караван, все еще продолжал свободное плавание. И Ларин понемногу расслабился, резонно рассудив, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Медленным шагом он направился в носовую часть, чтобы проконтролировать своего главного оружейника, который суетился там, устанавливая странное сооружение, заинтриговавшее всех, кто плыл на этом корабле. Матросы и морпехи, проходя мимо, со смешанным чувством страха и уважения к неизвестному гению посматривали на эту угловатую конструкцию, напоминавшую большой стол, с установленными на нем закрытыми желобами, жерла которых смотрели чуть вверх. Никто из них не видел, но многое слышали о том, что сотворил этот тщедушный грек с аргосцами, призвав на их головы гнев богов. И все они — Ларин понял это по довольным ухмылкам — были рады, что оружейник вместе со своим странным оружием появился на флагманском корабле. Уж теперь-то им вообще ничего было не страшно. Леха не посвящал их в подробности, чтобы боевой дух не пострадал еще до сражения. А там, в случае чего, можно было бы все списать на вездесущий гнев богов.

— Ну, как дела, Каранадис? — поинтересовался адмирал, возникая из-за спины грека, вдвоем с подручным рабом укреплявшего опоры для направляющих, по которым вскоре должны были взлетать в небо ракеты. По замыслу Ларина, это оружие победы в случае удачного применения должно было навести ужас и рассеять греков после первого же залпа. Поскольку второго просто могло не быть, не говоря уже о неприятном развитии событий, о котором адмирал старался не думать, осторожно разглядывая свой отличный деревянный корабль.

Грек оторвался от прототипа «катюши» и выпрямился, обрадовавшись передышке.

Скоро закончим, хозяин, — сообщил он, вытирая тыльной стороной ладони пот со лба, и уточнил, осторожно погладив один из желобов, — а вы уверены, что их нужно направить чуть вверх?

— Уверен, — кивнул Ларин, — ты сам, что ли, не понимаешь зачем? Этот желоб мы закрытым сделали да отполировали почти внутри. Твой длинный горшок по нему должен вверх взлететь, да так высоко, чтобы расстояние пролететь как можно большее. А потом обрушиться на головы грекам.

— В крепости это было легче сделать, — задумчиво проговорил Каранадис, переводя взгляд на качавшуюся палубу корабля и пропуская мимо ушей постоянные упоминания своих соплеменников. Это для Ларина все греки были на одно лицом. А на самом деле греки считали своими только тех, кто родился в их городе. Все остальные были так, седьмая вода на киселе. Дальняя родня, что объединялась только в случае общей угрозы. Но сейчас наступил как раз один из таких случаев, не для Каранадиса, конечно. Ему и здесь было хорошо.

— Там можно было пускать ракеты с высоты, — поделился опасениями оружейник, — не долетит, так упадет на головы. Все равно разрушения будут.

— А то я без тебя этого не понимаю, умник, — ухмыльнулся Леха, хлопнув себя по бедру, — для чего мы, по-твоему, всю конструкцию почти на самом носу установили?

— Опасно, — продолжал гнуть свою линию Каранадис, посмотрев вперед, — если нам придется таранить корабли, все это может рухнуть в воду.

— Не беспокойся, — озадачил его адмирал, поглаживая шершавые снаружи стволы своей первой ракетной установки, смотревшие строго вперед по курсу, — прежде чем мы начнем таранить греческие корабли, твоя установка выпустит по ним все зажигательные горшки.

Каранадис молчал, размышляя. А Леха обошел вокруг их совместное детище, связанное из дерева и прутьев. Стволов, установленных на массивном основании из балок, было четыре. А боезапас состоял из пяти ракет, покоившихся в ящиках неподалеку.

— Как закончишь крепить, заряжай все четыре горшка, — закончил наставления адмирал, вглядываясь в излучину реки, — мы начнем это сражение залпом наших ракет.

— А что делать с пятым? — уточнил грек, кивнув на ящики.

Ларин на секунду задумался, потом перевел взгляд на «катюшу» и проговорил:

— Оттащи подальше, ко второй мачте, и поставь между баллистами. Целее будет.

Греку не очень понравился тон, которым адмирал это сказал, но делать было нечего. И он снова ушел в работу. А Ларин не торопясь отправился на корму, обходя по дороге расчеты баллист и проверяя боеготовность корабля. На верхней палубе сейчас скопилась масса народа, — не считая артиллеристов и моряков, у бортов уже выстроились морские пехотинцы, поблескивая в лучах утреннего солнца своими чешуйчатыми панцирями. Все они, по скифской традиции, что отличало их от тех же греков, кроме мечей были вооружены еще и луками. Именно пуская стрелы, они начинали абордажный бой.

Пробравшись на корму, Ларин невольно бросил взгляд назад, где шли основные силы. Восемь триер бороздили таранами волны реки, позади которых вторым эшелоном атаки шли биремы, доверху нагруженные солдатами. Адмирал был уверен — конница конницей, но без десантной операции не обойдется. Наверняка греки понастроили на берегу каких-нибудь укреплений. Больших городов по этому руслу не имелось, так — деревни и поселки, укрупнявшиеся по мере приближения к морскому побережью. Зато они попадались по другому руслу, но Ларин и не надеялся, что Арсаку в одиночку удастся отогнать греков до моря.

«Сможет там устроить хорошую драку, чтобы греки не перебросили свободные силы, и то ладно. Солдат для этого у него достаточно. Конница поможет. Остальное сами сделаем, — подумал Леха, чуть задержавшись взглядом на двух триерах у дальнего берега. В трюмах этих кораблей находилась катапульта Архимеда, разобранная на части и заботливо прикрепленная, — а до этой штуки еще дойдет черед. Дайте, как говорится, срок».

Неожиданно с носа квинкеремы раздался вопль впередсмотрящего матроса, за которым приглушенный ропот прокатился по кораблю, на десятки голосов повторяя тоже самое слово:

— Греки!

Ларин мгновенно развернулся и бросил взгляд вперед. Из-за поворота реки, которая огибала сильно выдававшийся мыс, показались греческие триеры, пять кораблей, перегородившие самое узкое место реки. На берегах с обеих сторон копошились пехотинцы, облепившие валуны,

— Приготовиться к бою! — приказал адмирал Токсару. — Сообщи нашим триерам, чтобы выдвигались вперед. Пусть следят за моим сигналом. Как только загорится первый корабль, пусть атакуют остальные.

Токсар кивнул, а Ларин вновь устремился на нос корабля, пробираясь через расступавшихся перед ним морпехов.

Когда квинкерема прошла еще метров сто и стало видно чуть

дальше, Леха заметил, что за строем греческих кораблей находился не то мост, не то наплавная переправа, устроенная тем же сиособом, что и скифская. Там тоже виднелись солдаты, суетившиеся вокруг баллист, установленных прямо на деревянный настил. А на берегу скопилось множество конницы. Русло в этом месте сильно сужалось, правда, затем снова становилось шире. Но о том, чтобы пройти это узкое место без боя и речи не было.

— Две линии. Глубоко эшелонированная оборона, можно сказать, — сплюнул Ларин, останавливаясь рядом со своей ракетной установкой, — ну да ничего, прорвемся. Все горшки зарядил?

— Все, — подтвердил Каранадис, от предвкушения залпа, больше похожего на смертельный эксперимент, позабыв про свой страх и в радостном возбуждении сжимая огниво, — поджигать фитили?

— Давай! — не раздумывая, махнул рукой Леха и вдруг заметил почти сразу за наплавным мостом небольшое возвышение, на котором была выстроена приземистая башенка. Позади нее угадывался еще один отворот реки, перегороженный большими лодками. А вокруг этого места было полно пехотинцев.

«Неужели мы уже добрались до той самой протоки? — удивился Леха, припоминая карту — Похоже, А если так, то полдела уже сделано. Осталось только пробить эту оборону».

В любом случае ответ на этот вопрос могла дать только разведка боем, которую он так долго ждал.

— Давай, Каранадис! Жги, кудрявый! — орал Леха, пританцовывая с мечом в одной руке позади «ракетной установки», пока грек нервными движениями один за другим поджигал фитили.

Передовая триера греков мощными рывками устремилась вперед. Не сходя с места, скифский адмирал уже слышал окрики их гортатора, подгонявшего своих гребцов. Но и его квинкерема шла вперед полным ходом. Бросив взгляд назад и в стороны, Ларин заметил, как вторая скифская квинкерема пристроилась позади, а триеры почти сравнялись по скорости с флагманом. Две линии кораблей разделяло уже не более сотни метров, когда до адмирала донеслись дикие крики по правому борту. Бросив взгляд на ставший пологим берег, Леха заметил, как из леса показалась скифская конница в сверкающих доспехах и атаковала конное охранение переправы, окатив его градом стрел.

— А вот и Аргим, — удовлетворенно пробормотал Ларин, — молодец, вовремя прибыл.

Первым ударом скифам сломить сопротивление не удалось,

их встретила отборная и неожиданно многочисленная конница греков, — закованные в доспехи катафрактарии. Завязался жестокий бой. Но следить за его развитием адмиралу было некогда, корабли неприятеля быстро приближались. А то, что он задумал, должно было потрясти всех. Если, конечно, боги будут на его стороне.

«Помоги мне, великий Тамимасадас!» — пробормотал скифский адмирал, глядя, как догорают фитили у «ракет». Все четыре орудия были направлены строго на передовую греческую триеру, позади которой летела на веслах еще одна, попадая, как надеялся Ларин, в зону обстрела, хотя границы этой зоны не представлял даже Каранадис. Кроме залпа в крепости, они всего дважды испытывали эти боеприпасы, но оба раза это были одиночные «пуски». Слишком много времени уходило у оружейника на изготовление взрывчатой начинки одного такого летающего горшка. Но Леха приказал себе верить, что все получится.

И все же, вспомнив о разрушениях в собственной крепости, решил принять меры предосторожности. Оглянувшись назад, он увидел, что морпехи стоят почти за его спиной, готовые броситься на неприятеля, когда завяжется абордажный бой. Ведь против них выступало сразу два корабля.

— Отведи бойцов ближе к корме! — приказал адмирал, а когда командовавший ими сотник с удивлением воззрился сначала на него, а потом на выраставшие на глазах триеры, уже готовые протаранить их борт, рявкнул вдогонку: — Быстро!

Скифы в недоумении попятились, но Леха не стал вдаваться в долгие объяснения, а вместо этого схватил за отворот туники Каранадиса, засмотревшегося на горевшие фитили, и отшвырнул его назад метров на пять. А потом, перехватив взгляд командира греческих морпехов, отбежал и сам, остановившись лишь у баллисты.

«Раз, два, три, — считал Леха, глядя на свою установку, которой давно полагалось сработать, четыре, пять… неужели погасло…» Над головой уже свистели ядра, а позади него раздавались первые стоны, — греки пустили в дело свои метательные машины. И тут в установке что-то сверкнуло, раздался сдвоенный хлопок, и огненный смерч вырвался из двух стволов. Почти одновременно два огненных шара просвистели по воздуху над водой и ударились точнехонько о палубу головной греческой триеры. Сразу вслед за этим последовал мощный взрыв, превративший всех и все, что там находилось в огненный фонтан. Третья «ракета» тоже стартовала удачно, но следов ее попадания Леха не увидел, поскольку она улетела куда-то сквозь

море огня, закрывшее горизонт. Полуразрушенная, объятая пламенем триера мгновенно лишилась хода и стала забирать носом в сторону, расходясь с квинкеремой.

Восхищенный ропот пронесся по рядам морпехов.

— Я же тебе говорил, этот оружейник дружит с богами! — донесся до адмирала из-за спины разговор морпехов. — Не зря мы взяли его с собой.

«А где же четвертый выстрел? — как-то отстранение подумал Леха, приглядываясь к покореженной установке, которую так перекосило, что ее жерла уже смотрели в собственную палубу, — ведь Каранадис должен был зарядить четыре снаряда».

И тут он увидел четвертую «ракету». Выкатившись из треснувшего ствола, она лежала в двух шагах от места крепления передней мачты. А ее фитиль преспокойно догорал.

— Говорил же я тебе, сволочь, — повернулся с абсолютно спокойным видом адмирал к оружейнику, ликовавшему вместе с морпехами в двух шагах от него, — отрезай фитили ровнее.

Грек перевел на него удивленный взгляд, но ответить не успел. «Ракета» зашипела и, откатившись в сторону левого борта, взорвалась прямо на палубе. Взрывом оторвало все ограждения, снесло надстройки, проломило палубу, а десяток солдат выбросило за борт, обдав их пламенем. Леху взрывной волной отбросило назад, прямо в гущу морпехов, повалив первые ряды. Это случилось буквально за мгновение до того, как находившуюся слева баллисту опрокинуло на то самое место, где только что стоял бравый адмирал. Палубу мгновенно заволокло дымом. Отовсюду послышались стоны и ругань.

Чертыхаясь, наступая на конечности валявшихся рядом солдат, Ларин вскочил на ноги и осмотрелся. На носу бушевал настоящий пожар, зияли проломы в палубе, но жертв было не слишком много. К счастью, он вовремя отогнал всех солдат ближе к корме. А ожидаемого столкновения со вторым греческим кораблем пока не произошло.

«Странно. Видимость нулевая, но боги пока хранят нас, — пронеслось в мозгу слегка ушибленного о палубу адмирала, — надо срочно что-то предпринять, этак мы в дыму налетим на кого-нибудь. Мы же теперь сами отличная мишень».

Оттолкнув оказавшегося на пути бойца, Ларин добрался до правого борта и попытался глянуть вперед. Первое, что он увидел, — объятую пламенем греческую триеру, которая потеряла ход. Она дрейфовала по течению. По палубе еще носились матросы, но большинство солдат, побросав оружие, уже плавало в воде, спасаясь от огня. Барахтаясь, греки тонули, один за другим уходя на дно. Однако это была не та, флагманская триера, что

спешила на таран. А другая, шедшая следом.

— Попали, е-мое! — радостно крикнул Ларин, пытаясь отыскать взглядом своего оружейника, и отыскал: тот прятался за ближайшей баллистой, бешено озираясь по сторонам, — и в эту попали. С первого раза. Ай да Каранадис!

Результаты залпа были впечатляющими. Вторая ракета, прежде чем поразить цель, пролетела метров триста, не меньше. Оглянувшись назад, Леха заметил и первый корабль греков, вернее, догоравший развороченный остов. Дымовая завеса накрыла половину реки, но из-за нее одна за другой выскакивали скифские триеры, тараня ошеломленных греков. Первая линия обороны была мгновенно смята, лишь два корабля неприятеля оказывали сопротивление у правого берега реки, пытаясь остановить наступление. И Ларин с удивлением отметил, что между ним и наплавным мостом больше никого нет. Охваченная пламенем квинкерема, набрав ход, стремительно неслась прямиком к нему. Но неожиданно весла перестали с плеском опускаться в воду, корабль, качнувшись вперед, «притормозил», а на палубе показался ошарашенный гортатор.

— Что случилось? — спросил он, увидев Ларина в нескольких метрах от уцелевшей лестницы. — Мы тонем?

— Не останавливаться! — рявкнул на него адмирал. — Набрать ход! Будем таранить этот мост!

Получив нагоняй от самого адмирала, покинувший свой пост гортатор буквально провалился обратно под палубу, и вскоре десятки весел вновь разогнали корабль до нужной скорости. Гребцы старались, несмотря на дым, валивший вовсю и уже сочившийся из-под палубы. Благодаря их усилиям квинкерема была уже рядом с мостом, где Леха мог отчетливо разглядеть своих врагов.

Греки заметались у баллист, осознав, что этот огромный корабль не собирается останавливаться. В воздухе вновь засвистели ядра — в отчаянной попытке остановить флагмана скифского флота. Прилетая сквозь дым, застилавший небо впереди, обривая с палубы морпехов, они проламывали обшивку, превращали людей в кровавую кашу. Но Ларин уже поймал кураж и, не обращая внимания на падавших вокруг него солдат, вернулся на корму.

— Правь прямо на мост! — коротко бросил он Токсару, не меньше морпехов ошеломленному взрывом, который изуродовал весь нос квинкеремы. — Никуда не сворачивать! Идем на таран!

— Я хотел потушить пожар, — только и успел проговорить Токсар, пригибаясь под пролетевшим над его головой ядром.

— Некогда, — оборвал его Ларин, — да и нечем. Лучше

держись, сейчас столкнемся.

Полыхающий корабль на полной скорости врезался в наплавной мост. От удара морлехи, не видевшие, что происходит впереди, попадали на палубу, а многие посыпались за борт в воду. Человек пять неожиданно для себя, пролетев сквозь огонь на носу, вместе с горящими обломками «катюши», оказались на мосту среди греков. Квинкерема между тем словно острый нож вспорола деревянный настил, чуть замедлила свой ход, но, к изумлению Ларина, державшегося за кормовое ограждение, продолжала двигаться дальше. И вскоре, со страшным скрежетом развалив часть моста и подмяв иод себя обломки лодок, вновь оказалась на открытой воде.

— Хреновые из вас строители! — крикнул Леха по-русски грекам, сновавшим внизу. — Не родились еще те, кто сможет остановить Леху Ларина!

От удара прогоревшие носовые балки обрушились вниз, и вдруг стало лучше видно, что творится впереди. Но сам по себе пожар униматься не хотел, ведь горела уже почти вся верхняя палуба под ногами.

Квинкерема, едва не черпая носом воду, продолжала двигаться по реке, но как-то боком, закладывая большой вираж в сторону правого береге, на котором разворачивалось конное сражение Аргима и греческих катафрактариев. Слева Ларин увидел вражескую триеру, находившуюся в засаде за небольшим островком, а теперь спешившую к нему навстречу. Но тягаться с греками в своем нынешнем виде эта квинкерема уже не могла. Таран был почти разрушен, а вся огневая мощь израсходована. Да, кроме того, пожар уже стал настоящей проблемой. Огонь начал вырываться из весельных портов по обоим бортам, дойдя почти до середины. Адмирал понял, что его корабль обречен и может стать легкой добычей для греков в этой акватории, пока не подоспеют свои.

— Что там у вас случилось? — набросился Ларин на вновь появившегося из-под палубы гортатора. — Почему корабль идет боком, как хромая лошадь?

— Во время тарана мы из-за дыма не успели убрать часть весел с правого борта, и они сломались, — доложил командир гребцов, — мы еле можем удерживать такой ход, но недолго. Дым уже почти не позволяет дышать.

Ларин в ярости схватился за акинак. Гортатор отшатнулся, но Леха не собирался его убивать. Он лихорадочно искал решение, что делать дальше с обреченным кораблем, и вдруг нашел для него достойную смерть.

Они уже почти обогнули небольшой мысок с возвышением,

на котором стояла та самая приземистая башенка, которую он увидел издалека. Позади нее — Ларин не ошибся в предположениях — открывался довольно широкий и явно рукотворный канал, который был вырыт перпендикулярно основному руслу. Он мог вести только к заливу, на дальнем берегу которого располагалась торговая гавань Истра. Самый короткий путь в сердце обороны врага. Греки это понимали, И потому вход в канал был перегорожен тремя рядами бирем и лодок поменьше. С первого раза протаранить эту запруду было невозможно, но зато можно было ее сжечь. Ларин бросил взгляд на свой полыхающий корабль. Лучшего брандера нельзя было и желать.

— Правь вон туда, — приказал он Токсару и, обернувшись, посмотрел на мост, где шла битва. — Наш корабль уже не жилец. Будем пробивать путь для остальных.

Токсар кивнул и подал знак воину, стоявшему у рулевого весла.

— Как застрянем, выводи своих гребцов наверх, — приказал Леха гортатору, — мы все спустимся на берег и погоним греков посуху. Морским пехотинцам приготовиться!

Командир морпехов, тоже стоявший рядом, обрадовался этому приказу, казалось, больше других. Они уже подожгли два греческих корабля, проломили наплавной мост, а пехотинцы еще так толком и не вступили в бой, хотя потери уже понесли.

Не успел корабль взять еще правее, уходя от приближавшейся с кормы триеры, как над головой Ларина просвистело ядро из баллисты. Адмирал пригляделся, — греки, обосновавшиеся на башне, решили дать отпор скифам. Но баллиста здесь был всего одна, и Леха даже рассмеялся этой жалкой попытке остановить его корабль, — видно, греки никак не рассчитывали на столь быстрый прорыв обороны. Запрудившие все подступы вокруг этого места пехотинцы, уже выстроились в некое подобие фаланги по обоим берегам, видя, что орудия квинкеремы молчат, да и сам корабль объят пожаром.

— Давай, давай! — процедил Ларин сквозь зубы, поторапливая гребцов и рулевого. — Еще чуток — и пробьемся!

Он обернулся назад, не обращая внимания на свистевшие вокруг ядра и стрелы, заметив, что брешь на мосту позади расширилась и сквозь нее прошла вторая квинкерема, а за ней триера. Оба корабля бросились наперерез грекам, желавшим атаковать Ларина на воде. Увидев этот прорыв, капитан греческой триеры приказал развернуть свой корабль и бесстрашно принял бой со скифами.

Но подробностей Ларин уже не видел. Берег и линия бирем,

перегородившая протоку, приближались. Со страшным грохотом горящий скифский корабль ударился в нее и, подмяв под себя первые корабли, заполз на вторую линию, где со скрипом остановился в каких-то пяти метрах от свободной воды. Несколько обгорелых брусьев упало на соседние лодки, разбросав повсюду тлеющие головешки.

— Отлично, — проговорил Ларин, выхватывая меч и поднимая щит, — остальное сделает огонь. А нам пора потрудиться на берегу. За мной солдаты! Каранадис, держись рядом!

Глава пятая
Юлия и Бодастарт

— Хвала богам, прорвались, — выдохнул Могадор, уперевшись руками в носовое ограждение.

Чайка молча кивнул, рассматривая открывшуюся панораму города. С борта квинкеремы, которая направилась к одному из дальних пирсов, чтобы пришвартоваться, Федор заметил суматоху, царившую в городе. Вернее, той его части, которая непосредственно прилегала к бухте. Слева по борту за насыпным молом, где располагалась торговая гавань, виднелось множество лодок и «круглых» торговых кораблей. Три судна ошвартовались буквально на глазах Чайки, миновав спасительные ворота незадолго до посланцев Сицилии. Впрочем, паники никакой не было. На большинстве «торговцев» шла обычная разгрузка и погрузка товаров. Вереницы рабов выстроились от складов к низким округлым бортам, перетаскивая туда и обратно тюки с зерном и амфоры с вином и маслом. И даже начавшийся грохот приступа, казалось, не изменил пока хода событий.

Наметанным глазом Чайка заметил, что большинство торговых кораблей были собственно карфагенскими, несколько судов принадлежали египтянам и еще каким-то представителям африканских или островных территорий, а вот о греках теперь не было и речи. Не считая жителей Сиракуз, конечно. «Интересно, — промелькнуло в мозгу у Чайки, — кто же теперь будет считаться карфагенскими купцами, наши торговые люди или те?»

Впрочем, этот вопрос был далеко не главным из тех, что волновал командира двадцатой хилиархии. Оторвав взгляд от торговых пирсов и складов, Федор скользнул им по военной гавани. Несмотря на явное нападение, дремавшие у пирсов грозные военные корабли тоже не торопились принять бой в открытом море. На первый взгляд их здесь было ничуть не меньше, чем римлян, а, скорее всего, больше. Но лишь у четырех крайних квинкерем Чайка пока заметил какое-то шевеление, похожее на ответную военную активность. Там, на до боли знакомой каменной пристани, выстроились морпехи в темно-синих панцирях, готовясь взойти на корабли. Позади них из казарм строем выходили еще несколько спейр, направляясь к другим кораблям.

— Скажи рулевому, чтобы взял левее, — приказал Могадор выросшему рядом с ним офицеру, — будем приставать вон там.

Проследив за указующим перстом капитана, Федор понял, что корабль из Сицилии ожидают почти на самом краю военной гавани, где столпилось несколько фигурок — не то офицеров, не то представителей портовых властей. Но дела Могадора его больше не интересовали, свою задачу — доставить Чайку в Тарент — он выполнил блестяще. Дальше их пути должны были разойтись. Федор намеревался сразу же посетить дворец Ганнибала, узнать последние новости и сообщить свои. Но, едва подняв глаза на скалистый берег, усеянный особняками знати, и заметив чуть в стороне от дворца Ганнибала свой дом, выстроенный в греческом стиле из светлого известняка, понял, что сначала нанесет визит именно туда. Служба службой, но хозяйку этого трехэтажного особняка, с колоннами у входа, портиками и широкой террасой с видом на море, Федор мечтал увидеть гораздо больше, чем новоявленного царя или тирана Испания, Сицилии и Южной Италии, которого даже не знал пока, как называть.

Сам Могадор и другие офицеры на Сицилии продолжали называть его по-прежнему просто главнокомандующим. Это означало, что Ганнибал не торопился с заявлениями, и Чайка его понимал. Объявлять себя суверенным правителем, на его взгляд, следовало на фоне громких военных успехов, а таких за последнее время было не много. Вот если бы захватить Рим или сам Карфаген… Впрочем, — выбор сделан. И того, что должно было свершиться, уже было не отвратить.

— Да и не мое это дело, — пробормотал Федор вслух, привычно отгоняя глубокие мысли, — угадывать промысел богов.

Он осекся на полуслове и посмотрел в сторону Могадора, но капитан уже направился обратно на корму, отдавая по ходу дела какие-то распоряжения и осматривая повреждения. Подвергшись обстрелу римских баллист, квинкерема серьезно пострадала в бою, но все разрушения приходились на верхнюю палубу. Крупных пробоин в бортах не было, и после небольшого ремонта она вполне могла вступить в сражение.

— Прощай, — коротко бросил Федор капитану, первым направившись по сходням вниз, когда огромный корабль со скрипом притерся к пирсу, — ты отлично воюешь.

— Кто знает, — ухмыльнулся Могадор, скрестив руки на груди своего доспеха, — может быть, еще свидимся.

— Все в руках богов, — кивнул Федор, которому нравился этот боевой капитан, — и, конечно, Ганнибала. Хочу успеть к нему до того, как он отправится в очередной поход.

— Интересно, что за весть ты ему привез? — проговорил уже в спину Федору сицилиец. — Раз так спешишь.

Но Чайка больше не обернулся и не ответил. Он зашагал вниз, застучав подкованными подошвами башмаков по доскам деревянного настила. Федор и сам не знал еще, как назвать эти вести. На хорошие они не тянули, а быть вестником, приносящим плохие новости, не очень хотелось. Впрочем, выбора у него теперь не было. «Сначала к Юлии, а там будь что будет», — решил бравый командир хилиархии.

Уверенным шагом он прошел мимо удивленных чиновников, не обратив на них никакого внимания и не выказав особого почтения. Скользнув по лицам, Федор решил, что никого из них не знает и не стал выяснять, зачем они здесь собрались. Явно не его встречать.

Пройдя мимо них, Чайка направился к выходу из военной гавани, где был вынужден назвать себя начальнику караула из морпехов. Тот отлично знал героя римской кампании и даже был наслышан о том, что Федор отплыл куда-то в сторону Испании.

— С возвращением, — ухмыльнулся офицер, оглядывая единственный потрепанный корабль, возвышавшийся за спиной Чайки. Видимо, он также помнил, что отплывало из Тарента таких кораблей великое множество. Целый караван, который сгинул где-то за морями. И заранее посочувствовал Чайке, не выглядевшему триумфатором. Впрочем, Федор не выглядел и побитым, а потому не нуждался в сочувствии нижестоящих офицеров.

— Ганнибал в городе? — поинтересовался он.

— Да, — кивнул офицер, — говорят, с утра был в своем дворце. А что это за суматоха началась у нашей гавани?

— Римляне, — коротко бросил Федор и, миновав караул, зашагал по узкой улочке, уводившей его меж складов и лавок в сторону кварталов местной знати, возвышавшихся на скалистых холмах.

— Римляне? — переспросил командир морпехов с таким удивлением, словно впервые слышал это слово. — Давненько их здесь не было.

Но Чайка уже не слышал его. Едва не переходя на бег, он проскочил припортовые кварталы и оказался на широкой улице, что вела ко дворцу верховного главнокомандующего, разветвляясь перед ним на несколько улочек поменьше, застроенных особняками зажиточных купцов. Здесь, на перекрестке, он повстречал отряд из африканских пехотинцев, маршировавших от дворца Ганнибала. Отряд направлялся в порт, но не к кораблям, а в направлении стены, защищавшей город с моря, где уже шла нешуточная драка. Командир был знаком Федору и даже отсалютовал ему, но в разговор вступать не стал.

Слишком торопился выполнить какой-то приказ. Чайка его за это не винил, он и сам торопился. Только в другую сторону.

Однако проскользнуть домой незамеченным ему так и не удалось. Как ни крути, а жил он по соседству с военачальниками, каждый из которых знал его в лицо. Если дворец самого Ганнибала он еще смог обойти стороной, то особняки командиров хилиархий тянулись вдоль всей улицы, и почти у каждого из них сейчас толпились офицеры, с которыми Федор был вынужден здороваться и раскланиваться. А в конце улицы он едва не столкнулся нос к носу с самим Атарбалом, успев буквально на минуту разминуться с командиром африканских пехотинцев и его свитой. Дошагав до собственного особняка и нырнув в пространство между колонн, Федор в изнеможении опустился на ступени лестницы, дававшие благословенную тень.

— Отлично, полгорода скоро узнает, что я прибыл, — усмехнулся он, вытирая пот со лба и прислонившись спиной к одной из прохладных колонн, — не удивлюсь, что кто-нибудь доложит и самому Ганнибалу, и для него мое появление не станет неожиданностью.

— За спиной остановилась какая-то тень. — Хозяин? — раздался робкий мужской голос, говоривший по-финикийски, но с греческим акцентом. — Вы здесь?

Федор обернулся не вставая. Это был грек-переводчик, которого Чайка сам нашел перед отплытием для Юлии. Прекрасная римлянка изъявила тогда желание немедленно перестроить половину дома, для чего ей требовалось посещать лавки купцов, где она покупала все необходимое, даже не зная языка.

— Да, это я, — кивнул Федор, поднимаясь во весь рост над тщедушным слугой.

— Вы вернулись, — обрадовался грек, по лицу которого Чайка понял, что все это время активная хозяйка не давала ему роздыха, а он предпочел бы ходить на рынок с Федором, который не тратил на это занятие полдня, да еще лишая его удовольствия поторговаться, — хозяйка будет рада.

— Где она? — уточнил Федор и оглянулся назад, услышав топот копыт по камням. Из верхнего города к морю спускался отряд конницы Магарабала.

Не дождавшись ответа, он шагнул внутрь, оказавшись в обширной прихожей, совмещенной несколькими широкими ступенями мраморной лестницы с парадным залом. Юлия явно не теряла времени даром. Сломав одну из стен еще до отъезда Федора, она разрушила стену соседней комнаты, отчего и без того не маленький зал для приема гостей стал еще больше.

«Теперь здесь можно разместить на постой целую спейру, — ухмыльнулся Федор, остановившись на ступенях и разглядывая рисунок, изображавший цветущее поле на стенах парадного зала. Он понимал, как скучно было здесь его любимой женщине, раз она развернула такую активность. — Хорошо еще, что снаружи дом не сильно изменился. Впрочем, я еще не все видел».

Позади него послышался шум проскакавшей конницы и почти сразу вслед за этим с верхнего этажа раздался высокий голос, от которого у Федора побежали мурашки по коже.

— Клеопп, ты не знаешь, что это за шум в гавани? — громогласно вопросила римлянка, появляясь на верхней площадке лестницы, что вела в спальню. — Мне кажется, там идет настоящее сражение.

Юлия была великолепна в своем невесомом платье из зеленой материи, облегавшей ее стан и оставлявший открытыми руки и плечи. Тонкая золотая цепь на шее оттеняла ее рыжие кудри. Хотя она старалась одеваться как знатная финикийская женщина, в ее манерах по-прежнему сквозили привычки дочери римского сенатора. Порывистая, смелая и очаровательная. Именно такой образ навсегда отпечатался в памяти бывшего опциона. Именно он и свел его тогда с ума, заставив совершить безумный поступок. Но Чайка ни о чем не жалел. Ради этого стоит жить.

— Хозяин вернулся, — робко заметил из-за спины Федора грек.

Услышав это, Юлия опустила глаза вниз и, вскрикнув от радости, хотела броситься вниз. Но у Федора были другие планы. Он сам в два прыжка взлетел по лестнице и сжал ее в объятиях, не дав вымолвить и слова. А затем подхватил на руки и понес в спальню, толкнув ногой дверь.

Когда та отворилась, вернее, отлетела в сторону, из-за нее послышался визг испуганной служанки. Та поливала цветы в комнате своей хозяйки и была удивлена неожиданным появлением Федора не меньше Юлии. Едва увернувшись от массивной двери, служанка отпрыгнула на несколько шагов назад и, прислонившись к стене между двумя вазами с раскидистыми цветами, замерла от страха. В этом доме никто не позволял себе такого, и она решила, что ворвался грабитель. Но, рассмотрев запыленного воина в доспехах, который держал на руках ее госпожу, постепенно оттаяла.

— Выйди! — приказал Федор, кивнув на дверь. Он был не в силах больше сдерживать свои эмоции, едва завидел постель.

Служанка, все поняв, мгновенно испарилась, прикрыв за собой дверь. А Федор, с грохотом опрокинув одну из ваз на пол,

добрался по черепкам до кровати и рухнул на нее вместе с хохотавшей во все горло Юлией.

— Какой ты нетерпеливый! — ласково проворковала она, когда он принялся сдирать с нее зеленое платье, не тратя время на лишние разговоры. — Ты же разнесешь весь дом!

«Станешь тут нетерпеливым, когда столько месяцев провел без женщины», — подумал Федор, но вслух сказал другое.

— Я скучал, — проговорил он, припадая губами к ее обнаженному плечику, показавшемуся из-под приспущенного платья, — а дом, ерунда! Ты его отстроишь заново.

Может быть, стоит принять ванну с дороги, — предложила Юлия, слегка поморщившись от прикосновения запыленных губ, но не отстраняясь. Она и сама ужасно соскучилась по его рукам, Чайка ощутил это сразу. А потому продолжил гладить ее стан, сжимая все крепче, и Юлия быстро таяла.

— Некогда, — отмахнулся Федор, присев на краю кровати и сдергивая с себя панцирь с помощью Юлии. Ножны фалькаты уже валялись в углу. — Меня ждет Ганнибал. Я только что сошел с корабля и должен был сразу отправиться к нему на прием. Но…

Юлия молчала, позволив ему выговориться. Только прилегла на бок, как бы давая Федору вдоволь налюбоваться своей обнаженной фигурой. Золотые волосы разметались по хрупким плечам. Скомканное платье бесформенным куском материи лежало на полу. Чайка, лишь увидев эти соблазнительные обводы, позабыл обо всем на свете.

— А будет ли Ганнибал доволен тобой? — подзадоривала его римлянка; — Я слышала, начался приступ и ты, вероятно, должен быть там.

— Война подождет, — нашелся, наконец, Федор, отбрасывая в сторону тунику и, словно лев на добычу, бросаясь на Юлию, — я слишком долго воевал и жил без тебя. Больше не могу.

Они предавались неистовой страсти почти полчаса. Да так, что кровать издавала натужные скрипы, слышные во всех концах огромного дома. То и дело Юлия пыталась унять своего мужчину, нашептывая ему на ухо, что слуги услышат все эти звуки.

— Да и пусть слышат, — отмахнулся Федор, которого было не остановить, — пусть завидуют. Мне до этого нет дела.

И, снова повалив римлянку на постель, вошел в нее.

Затем они провели в объятиях еще несколько сладостных минут и теперь расслабленно лежали, отдыхая и глядя в потолок. Легкий ветерок прошелестел по комнате, потревожив листья многочисленных растений, которыми так любила украшать свое жилище Юлия. Только сейчас Федор заметил, что окна в комнате были открыты во внутренний дворик, где вся прислуга могла

спокойно наслаждаться «радиопостановкой „Возвращение хозяина"».

«Ну и пусть», — вновь усмехнулся Федор, осознав, сколько веселых минут доставил своим слугам. Он погладил по волосам утомленную любовными ласками Юлию, что положила свою головку ему на плечо и дремала со счастливым видом.

Когда с улицы донесся стук копыт очередного отряда кавалерии, проскакавшего мимо, Федор понемногу пришел в себя. Штурм, похоже, продолжался.

Пора было и наведаться к Ганнибалу, пока его не опередили.

Осторожно высвободившись из объятий, Федор разыскал исподнее и стал одеваться. Когда он натягивал обратно свою грязную тунику и потрепанный панцирь, Юлия очнулась и попыталась задержать его взглядом.

— Мне нужно много тебе рассказать, — пробормотал Чайка, борясь с новым искушением, — но… об этом после. Расскажу, когда вернусь.

Юлия молча улыбнулась.

— Где Бодастарт? — поинтересовался Федор, осознав, что еще не видел сына.

— Учится верховой езде, — проговорила римлянка, с трудом возвращаясь к обычной жизни, — он в полях у городских стен вместе с тремя слугами.

Парень был еще не таким взрослым, чтобы осваивать эти премудрости, но Чайка не стал спорить с женой. Чем бы дитя ни тешилось, как говорится. Впрочем, теперь он вернулся и сам проследит за тем, как идет воспитание будущего воина.

Кое-как одевшись, Федор шагнул к двери и под его ногой хрустнул глиняный черепок от разбитой в порыве страсти вазы.

— Скажи служанке, пусть приберется тут, — бросил он на прощанье, усмехнувшись, и загрохотал башмаками по лестнице.

У выхода стояло несколько слуг, в том числе и переводчик Клеопп. Поправив с помощью грека амуницию, Федор старался не замечать улыбок, которые едва сдерживали служанки.

— Скоро ли госпожа прикажет отправиться рынок? — набрался смелости поинтересоваться Клеопп. — Перед вашим приходом она как раз собиралась туда.

— Не знаю, — отмахнулся Федор, выходя сквозь дверной проем, украшенный статуями героев, — она сама тебе скажет, когда захочет.

Поправив фалькату, он надел шлем, сбежал по лестнице и едва не столкнулся с группой из трех всадников, как раз подъехавших к портику. На одном из коней, перед слугой с гордым видом восседал Бодастарт в серой тунике, державшийся

за гриву животного.

— Отец! — закричал мальчуган, едва завидев широкоплечего воина.

Федор остановился посреди улицы как вкопанный, вновь позабыв про визит к главнокомандующему. Слуга, коренастый ливиец, спустил ребенка с коня и тот, едва оказавшись на мостовой, с разбегу запрыгнул на шею отцу, обняв его.

Прижав к себе сына, Федор позволил себе несколько секунд нежности и лишь потом оторвал его руки от себя, поставив обратно на камни.

— Я должен идти, — объявил он сыну, — ступай к матери и жди меня вместе с ней. Я скоро вернусь.

— А ты не уплывешь опять от нас так надолго? — обескуражил его вопросом черноволосый мальчуган, глядя прямо в глаза.

— Нет, — ответил, немного растерявшись, Федор, — я только что приплыл и никуда не собираюсь. Беги в дом.

А когда обрадованный Бодастарт с воплями ворвался в особняк, Федор посмотрел на лошадей, пробормотал: «Это очень кстати» я приказал слуге, который привез его сына, спешиться.

— Я возьму твою лошадь, — сообщил он, запрыгивая в седло, — авы двое поедете со мной во дворец Ганнибала. Нужна же мне хоть какая-то свита.

Глава шестая
Крепость на холме

С полуобвалившегося борта пылающей квинкеремы до палубы биремы, притертой к ее борту, было на глаз чуть меньше трех метров, но Ларина это не остановило. Не дожидаясь, пока сбросят канаты и спустят лестницы, адмирал первым спрыгнул вниз, увлекая за собой людей. Приземлился удачно, перекатился через плечо и, подняв щит, отбил им пущенную с берега стрелу. Пригнулся, спрятавшись за невысоким бортом, осмотрелся. Греки не стремились атаковать скифских морпехов на палубах многочисленных лодок и бирем, запрудивших гавань, а предпочитали встречать их градом стрел, поджидая на берегу. Там они выстроились в линию и ждали, прикрывшись щитами.

— Быстрее! — подгонял своих солдат Ларин, размахивая мечом, словно жезлом, и уворачиваясь от стрел. — Быстрее на берег, пока нас тут не перестреляли!

Впрочем, была еще перспектива сгореть заживо. Костер за спиной разгорался первостатейный, да и ветер разгулялся. Дул с реки аккурат вдоль протоки, тянувшейся между двумя рукотворными насыпями чуть ли не до горизонта, который был ограничен лишь холмами. Но Ларина это не слишком беспокоило. Он не собирался отсиживаться среди этих обломков кораблекрушения.

Большинство скифских морпехов, хлынувших по сброшенным сходням вниз, ручейками уже перетекали с палубы на палубу связанных вместе кораблей, уворачиваясь от стрел. Правда, удавалось это не всем. То тут, то там слышались стоны раненых и убитых, плеск от падавших в воду тел.

Многие следовали примеру бравого адмирала и сигали вниз на палубы вздыбленных после удара квинкеремы суденышек. Рядом с Лариным уже приземлилось человек семь из таких морпехов. Они остановились в нерешительности, поглядывая на затянутого в панцирь командира, который не спешил к берегу, разглядывая посреди начавшейся драки протоку. Она уходила далеко и терялась меж плоских холмов, по хребтам которых, кажется, шли две дороги.

На том берегу, что они обогнули, стояла крепостица — несколько башенок, соединенных невысокой каменной стеной, с одной большой башней посередине. Из нее то и дело выплевывала ядра баллиста, пытаясь сдержать атаку скифов.

«Ерунда, — подумал Леха, заметив Каранадиса, все еще толкавшегося на палубе объятой пламенем квинкеремы, — пробьемся. Главное, чтобы Аргим вовремя появился со своими ребятами или подошли наши корабли. Остальное дело привычное».

Каранадис никак не мог влиться в поток мор мехов, перемешавшихся по сходням, а прыгать по добно своему хозяину он боялся.

— Ану-ка спустите сюда мне этого умника! — крикнул морпехам Ларин и недвусмысленно указал на Каранадиса. — А то он там и сгорит. Да поживее!

Двое морпехов, пригибаясь, вернулись к борту и прокричали что-то своим сослуживцам, еще остававшимся на палубе. Те, не раздумывая, схватили запаниковавшего оружейника, обвязали его канатом вокруг пояса и мгновенно спустили, а точнее сбросили вниз, придерживая за конец веревки. Оказавшись на палубе рядом с Лариным и не получив стрелу в бок, грек был несказанно рад. Но освободившись от пут, первое, о чем он напомнил Ларину, была погибшая в огне «катюша».

— Эх, жаль сгорела наша установка, — проговорил Каранадис, поглядывая на полуразвалившийся корабль, — зато какой был взрыв.

— Да, залп вышел отличный, хвалю, — не задержался с похвалой Ларин, невольно вспомнив недавние события у моста, — нуда ничего, новую построишь.

— Да где же я?.. — начал было выдвигать требования грек, но адмирал оборвал его, пригнувшись под очередным ядром и заставив пригнуться изобретателя.

— Если выживешь, — закончил мысль Ларин, разгибаясь. — Ладно, после поговорим.

И обернувшись к морпехам, которые все еще ждали его приказа, добавил, указав на тщедушного Каранадиса:

— За мной, воины! Этого стеречь и охранять. Головами отвечаете.

И словно позабыв про оружейника, бросился к берегу, прыгая с лодки на лодку. Когда до земли оставалось метров пять, он услышал звон оружия — это скрестились мечи скифов и греков, сгрудившихся у самой кромки. Берег здесь был высокий и обрывистый, но к счастью не совсем отвесный. Да и заполнявшие канал суда служили естественным мостом, по которому скифы, хоть и не плотными рядами, но добрались до земли. Они спрыгивали на траву и карабкались по ней вверх, нападая на гоплитов. А подразделения лучников, остановленные командирами заблаговременно на палубах нескольких бирем,

поддерживали их «огнем». И все равно морпехам приходилось туго. Греки уже изрубили не один десяток солдат, а пробить оборону все не удавалось. Но другого выхода у них не было. Позади бушевало подбиравшееся пламя.

Увидев, как греческий гоплит мощным ударом по шее едва не отделил голову от тела его солдата, Ларин пришел в бешенство и, оказавшись впереди своих людей, сам напал на того грека, рубанув его мечом. Гоплит легко отразил выпад адмирала. Но Ларин в ярости наносил удар за ударом по щиту, ногам и рукам противника до тех пор, пока не достал-таки грека в бок, когда тот раскрылся на секунду. Гоплит согнулся от боли, а Ларин, подскочив, добил его коротким ударом в шею снизу, — почти так же, как минутой раньше тот сам разделался со скифом. Грек выронил щит и рухнул вперед, прямо на Леху. Но адмирал успел отскочить в сторону и вклиниться в образовавшуюся брешь, вонзив меч еще одному гоплиту в бок.

— Вперед! — заорал он, чувствуя, как ему в затылок дышат морпехи. — Не отставать!

Заколов еще нескольких оборонявшихся, скифы расширили проход в первом ряду и вклинились в него, развивая успех. Чуть в стороне, на правом фланге морпехам под командой своего собственного командира удалось также прорвать оборону и потеснить гоплитов с берега, приблизившись к главной башне. Совсем близко бился Токсар, прикрывая спину своего адмирала.

Умело орудуя мечом и отбиваясь от ударов противника щитом, Ларин продвигался вперед по холму сквозь строй греков и не мог не заметить, что серьезные силы против них выставлены только в первых рядах фаланги. Ее задние ряды, те, что примыкали к небольшой крепости, состояли из легковооруженных воинов-копейщиков. Их видели и скифские лучники, продолжавшие посылать стрелы через головы своих соплеменников.

«На первый взгляд их тут человек двести, — размышлял Ларин, скрещивая свой клинок с мечом очередного гоплита, в шлеме с белым плюмажем, — не так уж и много, нас почти столько же. Прорвемся».

Он нанес удар в лицо своему противнику, но промахнулся. Острие звякнуло по нащечнику, а бородатый грек в ответ ткнул своим мечом Ларина в грудь, но угодил в наплечник.

«Квиты, — подумал Леха, продолжая отстра-ненно размышлять, методично работая мечом, — еще удар и мы прорвемся к башне, а захватив высоту, станем здесь хозяевами. Главное, чтобы Аргим пробился сюда, а к ним подмога не подошла».

Все это вполне могло случиться. На переправе и с другой стороны холма греков было еще предостаточно. Кроме того, скифский адмирал, несмотря на все разведданные, не имел понятия, сколько же их здесь в точности находилось. Конных и пеших. Но, не в его характере было отступать, ввязавшись в драку. Эта протока, — а он уже почти не сомневался, что это именно та протока, что была нарисована на карте, — была им нужна. И они не уйдут отсюда, пока не получат то, что хотят.

Гоплит ему попался опытный. Вертелся как юла, несмотря на тяжелый щит и доспехи. Даже срубил, словно насмехаясь, часть перьев с плюмажа Ларина, чем разозлил и без того не расположенного к шуткам скифского адмирала.

— Ну, держись, скотина! — рявкнул он, и навалился на гоплита щитом, стараясь столкнуть с места; Но грек стоял прочно, и немного выше Ларина, полностью используя свое преимущество. Адмирал чуть отступил на шаг и тут же клинок грека вновь просвистел над его головой. Леха присел, расставшись еще с несколькими перьями, но заметил, что противник чуть выставил вперед ногу. И, не мешкая, нанес резкий удар по голени, подрезая сухожилия. Удар был сильным. Грека не спасли даже поножи. Издав вопль, он выронил щит и рухнул на одно колено, а Ларин вонзил ему свой меч в плечо, распоров кожаные лямки панциря.

За это время они смогли подняться по холму метров на десять и полностью оттеснить греков от берега. Оглянувшись на секунду, адмирал успел заметить, что пожар, вызванный квинкеремой-брандером, ширился, охватывая все новые суда в центре канала. Пламя бушевало уже от основного русла реки до свободной воды канала. На мгновение Лехе показалось, что горит сама река.

— Возьми людей и обойди их справа, у башни! — приказал Ларин Токсару, заметив, что на том направлении гоплитов заметно поубавилось и в дело вступила легкая пехота. — Пробейся к башне. А здесь я сам управлюсь.

Баллиста в башне, хоть и была, похоже, всего одна, не умолкала, продолжая крушить скифские порядки. Артиллеристы здесь были умелые. И это сильно раздражало адмирала.

Токсар отразил выпад гоплита, предназначенный Ларину, заколол его точным ударом и, кивнув, стал пробираться назад, по дороге отдавая приказания бойцам. Уже схватившись с очередным греком, Ларин заметил, что его помощник с отрядом пехотинцев и лучников пришел на подмогу командиру морпехов. И тотчас же оттуда послышался дикий рев атакующих скифов, которые свалили последних гоплитов и набросились на

копейщиков, защищавших подступы к башне и главным воротам.

— Ну и нам пора, — пробормотал Леха.

— Разделавшись с противником, он вскинул меч. увлекая бойцов в атаку, — скифы, за мной!

Лучники, выстроившиеся у самой воды за спинами атакующих бойцов, окатили последние шеренги греков стрелами, умертвив многих и заставив запаниковать остальных. Бойцы Ларина предприняли новый приступ, и их вопли ярости слились воедино с криками морпехов Токсара, атаковавших башню. Скифы навалились по всему фронту, чуя, что победа близка и греки дрогнули.

Сдерживая натиск, оставшиеся гоплиты стали пятиться в сторону небольшой крепости, освобождая берег и теряя множество людей. Ларин увидел, как позади них открылись ворота и греки, потеряв надежду на победу, стали искать спасения за невысокими стенами. Они хлынули туда потоком, атакуемые со всех сторон. Те, кто отворачивался, чтобы быстрее оказаться в крепости, тут же получали стрелу в спину.

— Не позволяйте им закрыть ворота! — вопил Леха, щедро раздавая удары пятившимся гоплитам. — Ворваться в крепость на плечах неприятеля!

Несколько рослых скифских воинов, опередив своего командира, выполнили приказ буквально. Разделавшись со своими поединщикам, они вбежали в крепость раньше еще остававшихся снаружи греков и набросились на охранников, оттесняя тех от ворот. Греки, видя, что дело плохо, вновь выстроились в линию и перекрыли короткий проход между двумя сараями, что обнаружился сразу за воротами.

Но все было тщетно. Зарубив всех, кто еще сопротивлялся перед воротами, морпехи, поймав кураж, быстро выбили защитников с этого плацдарма, и бой растекся по закоулкам небольшой крепости. Отовсюду слышались звон оружия, стоны и крики. Греки были обречены, хотя последние защитники сопротивлялись яростно. Они дорого продавали свои жизни и, взобравшись по лестнице на невысокую стену, где еще шел бой. адмирал увидел множество трупов своих солдат. Скифы усеяли весь берег вперемешку с греческими гоплитами.

— Да, половины команды как не бывало, — пробормотал Леха, бросив быстрый взгляд в сторону канала, где догорал его корабль.

Но предаваться скорби было еще рано, по стене к нему приближались сразу два копьеносца. Один из них упал, не добежав, — его «снял», выстрелив почти в упор, поднявшийся следом лучник. А вот второй успел нанести удар копьем и, если

бы не реакция самого адмирала, лежать бы ему среди своих мертвых солдат. Но Леха успел пригнуться, прикрывшись щитом, пропустить над плечом острие копья и вонзить свой меч в живот греку, распоров легкий кожаный панцирь. Тот охнул и, выронив копье, на мгновение остановился в шаге от Ларина, их взгляды встретились. Ярость в глазах грека быстро сменялась выражением опустошения.

— Передай привет своим богам, — сплюнул Ларин и, выдернув окровавленный меч, ударом ноги отправил мертвого грека в полет со стены.

А когда его тело безвольным мешком приземлилось на груду трупов, вновь осмотрелся и, не увидев больше близкой опасности, перевел взгляд на башню. Там тоже все подходило к развязке. Воины Токсара окружили ее и сбросили вниз всех греческих гоплитов и артиллеристов. Сам Токсар, разглядев Ларина на стене, стал размахивать руками, сообщая о том, что выполнил приказ.

— Вижу, вижу, — пробормотал Леха, устало вытирая пот со лба, — крепость наша. Теперь понять бы, что дальше.

Он вложил меч в ножны и направился к башне, резонно рассудив, что первым делом надо было окинуть взглядом окрестности. Проходя мимо ворот, адмирал заметил Каранадиса, осторожно, вслед за охранниками, которым была поручена его жизнь, входившего в захваченную крепость. Оружейник озирался по сторонам, дергаясь от каждого резкого звука и ожидая, что на него кто-нибудь нападет из уцелевших греков,

— Так ты еще жив? — пошутил адм и рал, останавливаясь напротив перепуганного оружейника. — А я-то думал, тебя твои соплеменники давно приговорили…

Но когда и без того бледный Каранадис еще больше потемнел от такой шутки, Ларин поспешил его успокоить. «Еще даст дуба от страха, кто мне тогда новую установку построит», — подумал он. И, похлопав по плечу умельца, добавил:

— Не боись, Каранадис» крепость уже маша. Смотри веселее. Пойдем-ка со мной на башню, глянем, что там творится в округе. Может, пригодишься.

И, сделав жест охранникам, чтобы тащили безвольного грека за ним, зашагал дальше между приземистых построек, то и дело переступая через тела мертвых гоплитов, которыми была усеяна вся крепость. Морпехи сего корабля продолжали осматривать потаенные углы этого сооружения, довершая «зачистку».

— Ну, что тут у нас? — поинтересовался Леха, поднимаясь на башню, откуда открывался вид во все стороны.

— Сюда идет греческая пехота, — вытянул руку в сторону

Токсар, уже давно пребывавший на башне, — скоро они будут здесь и тогда нам придется туго.

Леха остановился позади одного из зубцов и под его прикрытием осмотрел местность, окружавшую холм. Начал он, правда, с пожара. Протока позади продолжала пылать. «Жаль корабль, — невольно вздохнул адмирал, разглядывая догоравший остов некогда мощного судна, почти сожранный пламенем, — но зато хорошую службу успел сослужить. Еще немного и проход по воде будет свободен».

Прежде чем повернуться в ту сторону, откуда наступал враг, Леха скользнул взглядом по реке. Там шел бой между его кораблями и единственной греческой триерой, оказавшейся позади моста. Ее капитан был отчаянным смельчаком. Он атаковал скифскую триеру и выиграл это единоборство, протаранив корабль из флота Ларина. Триера скифов завалилась на левый борт, и с холма было отчетливо видно, как безвольно обвисли ее весла, а матросы и солдаты отчаянно цепляются за ограждения, чтобы не упасть в воду. Греки же хладнокровно расстреливали их из луков. Однако, к счастью, избиение длилось не долго. Квин-керема скифов, сделав быстрый разворот у самого берега, настигла греческий корабль и протаранила его в кормовой части. Все это произошло на глазах адмирала.

— Ай да молодцы, — обрадовался Ларин и в сердцах даже погрозил греческой триере кулаком, — вот так вот, знай наших!

За мостом дымили два огромных факела — подожженные метким выстрелом из установки Каранадиса корабли греков. Еще пара триер плавала кверху брюхом с зияющими пробоинами, правда, чьи это корабли, собственные или неприятельские, Леха рассмотреть не смог, далековато было. На мосту тоже все было в порядке, его протаранили уже в двух местах, высадив десант там, где греки сопротивлялись сильнее всего, и разорвав сообщение между двумя берегами. Баллисты на полуразрушенном мосту уже молчали, бой шел на мечах. А его средняя часть, метров двадцать длиной, отделившись после тарана от основной, медленно дрейфовала по течению в сторону крепости. На ней Ларин разглядел даже человек десять гоплитов, но их судьба не сильно волновала адмирала, поскольку в образовавшийся проем вошли оставшиеся триеры скифов.

— Отлично, — пробормотал себе под нос адмирал, прикрыв ладонью глаза от солнца, — скоро они будут здесь, если что — помогут.

И перевел взгляд на сушу, прилегавшую к мосту и крепости. Здесь, однако, все выглядело не так радужно. Сразу за мостом стоял отряд гоплитов, человек триста, державший прилегавшее

побережье и перекрывавший путь насушу тем морпехам, что высадились на нем. Командир греческого отряда постоянно отправлял к месту боя подкрепление и скифы никак не могли пробиться на сушу. Мост стал для них западней.

Еще один большой отряд пехотинцев, числом не менее полутора тысяч, вытянувшись вдоль линии холма, охранял подступы со стороны верховий реки. А перед ним, на равнине, что граничила с лесом, Ларин заметил большие массы конницы, передвигавшейся в разных направлениях. Это было примерно там, где он наблюдал атаку всадников Аргима. По всей видимости, там шло конное сражение, но каков результат, было пока не ясно. Отделившись от основного отряда, в сторону захваченной крепости быстро двигался отряд гоплитов. Греки послали на ее освобождение человек триста отборных пехотинцев, с которыми, правда, не было никаких метательных машин.

Расстояние между этим отрядом и стоявшей на холме крепостью было не больше километра. Только теперь Ларин осознал, как ему повезло, — прорваться в тыл неприятельской группировки и быстро захватить опорный пункт. Случись это чуть позже или окажи ему греки более стойкое сопротивление, и доблестный экипаж брандера мог бы сейчас плавать в протоке.

— Ну, шансы пока есть, — смекнул бравый адмирал, оглядывая стены небольшой крепостицы, — надо закрыть ворота и продержаться до подхода наших кораблей или конницы. Сколько у тебя осталось людей?

Токсар наморщил лоб, даже вытер рукой пот и доложил;

— Человек восемьдесят наберется после боя. Вместе с ранеными.

— Хорошо, — кивнул адмирал, — и у меня выжило человек сорок. Отобьемся. Давай лучников на стены. Закрыть все ворота… вы, кстати, свои не повредили?

— Выбили пару балок, когда врывались.

— Укрепи на скорую руку. И проследи, чтобы все было готово к обороне. Лично.

Пока Токсар выполнял приказание, Ларин осмотрел имевшееся на башне хозяйство. Баллисты здесь было целых две. И боеприпасы к ним имелись. Не много, но были. Одна, правда, была выведена из строя при захвате. Кто-то из скифов разрубил топором веревку, скреплявшую раму у основания, и баллиста завалилась на бок Носами торсионы были не повреждены.

— Сумеешь починить? — как бы невзначай спросил Ларин у Каранадиса, но прозвучало это скорее как приказ.

Надо только найти подходящую веревку, — кивнул оружейник, осмотрев повреждения. Занявшись делом, он сразу

позабыл про свой страх.

— Бери двоих солдат и переверни мне хоть всю крепость, но чтобы вторая баллиста заработала, когда гоплиты будут под стенами.

Отряд греков добирался до крепости не больше двадцати минут, хотя и двигался по пересеченной оврагами местности. С этой стороны у подножия стен и почти до самой воды был вбит ряд частокола, затруднявший продвижение. Судя по всему, в это укрепление попадали либо с реки, к которой шла дорога из башни, либо со стороны канала, где по береговой насыпи шла еще одна дорога в сторону далеких холмов. Глядя» как приближаются гоплиты, Ларин невольно скользнул взглядом по протоке.

«Не принес бы черт еще кого по воде оттуда, — поймал себя на мысли адмирал, — или посуху. Тогда придется туго. Обороняться со всех сторон мы не сможем. Скорей бы морпехи с кораблей подошли».

Вторая квинкерема, довершив разгром на море, уже направлялась сюда. Вслед за ней приближалась и пара триер. Но когда гоплиты, перебросив через частокол лестницы, что принесли с собой, и, прикрывшись щитами, стали подбираться к стенам, адмирал заметил, что им вслед отправлен еще отряд.

— Человек двести, — на глаз определил Ларин, — смотри, Токсар, как нас уважают.

Токсар, вновь находившийся в башне, молча хмурил брови, посматривая на расставленных вдоль стены людей. Лучники уже начали посылать стрелы в гоплитов, но пока без особого успеха. Стрелы отскакивали от больших круглых щитов, с выемками под копье.

— Давай! — махнул рукой Токсар артиллеристам, давно развернувшим баллисту в направлении холмистой равнины.

Глухо взвизгнули торсионы, заставив раму ходить ходуном, — ядра здесь оставались только тяжелые, но Ларин не жаловался, они великолепно подходили для ближнего боя. Первое же ядро угодило в гущу пехотинцев и пришибло насмерть нескольких гоплитов. Удар был такой силы, что Ларин успел заметить, как послетали шлемы с их голов.

— Прямое попадание, — похвалил адмирал артиллеристов со своего корабля, которые теперь старались в башне, — ну, ты закончил?

Последние слова относились к оружейнику, который возился с веревками у поврежденной баллисты.

— Почти, — пробормотал Каранадис, затягивая узел в самом низу, — еще немного.

Глава седьмая
Новый тиран

С трудом пробившись сквозь плотные шеренги маршировавших в сторону бухты войск, постоянно отходивших от дворца главнокомандующего, Федор проскакал во двор, запруженный солдатами. Здесь он спешился, бросил поводья одному из слуг и, приказав ждать, направился прямиком к главному входу, но был остановлен начальником караула. Раздувшийся от собственной важности гвардеец, в сверкавшей на солнце кирасе, потребовал от него назвать себя и сообщить, зачем он хочет попасть на прием к Ганнибалу.

— Федор Чайка, командир двадцатой хилиархии, — с трудом сдерживая себя, процедил он сквозь зубы, недовольный таким приемом, — только что прибыл из… Испании. Я должен немедленно попасть к Ганнибалу. А что касается моего дела, то о нем я сообщу лично ему. Так что поторапливайся, чтобы не пожалеть о том, что задержал меня слишком долго.

Начальник караула, не встречавшийся ранее Федору, с удивлением уставился на запыленного вояку, который разговаривал с ним как со своим слугой. Он был явно задет, но, смерив Чайку пристальным взглядом, убедился в том, что тот не шутит и явно имеет право так говорить.

— Я доложу, — наконец проговорил он, направляясь наверх по лестнице.

Федору пришлось ждать на солнцепеке еще минут десять, прежде чем он смог попасть во внутренние залы дворца. И вот теперь он стоял перед Ганнибалом, облаченным в свою любимую черную с золотом кирасу, который прохаживался вдоль стола, уставленного яствами и кувшинами с вином. Неожиданный штурм не смог перебить аппетит главнокомандующему, но Чайку он не спешил пригласить к столу, как раньше. Вместо этого пуниец встал и сам начал измерять пространство шагами, разглядывая мозаичный пол.

— Что-то ты не слишком торопился, — сказал Ганнибал, подходя к огромной двери, что вела на балкон, с которого открывался отличный вид на бухту Тарента, — я заметил, как пришвартовался корабль, и ждал гонцов раньше. И все же я рад тебя видеть.

— Пришлось заглянуть домой, немного привести себя в порядок, — неумело соврал Федор, окинув взглядом свою

грязную амуницию, — ведь я давно не был здесь и не знал, к кому на прием тороплюсь.

Эта грубая лесть, конечно, не смогла обмануть Ганнибала, но сделала свое дело. Он лишь ухмыльнулся и не стал начинать расспросы о Юлии, сменив тему разговора.

— С каких это пор. Чайка, ты стал беспокоиться о том, что я подумаю о твоем облачении? — проговорил пуниец, выходя через открытую дверь на балкон и жестом приглашая гостя последовать за собой, — мы уже давно знаем друг друга и такие мелочи не должны смущать тебя. Ты, вероятно, слишком долго общался с карфагенскими сенаторами, для которых парадное платье важнее рваных доспехов. Для меня все по-прежнему не так.

Чайка невольно вздрогнул, приняв ответный упрек и намек относительно его пребывания в Карфагене, о котором пуниец не должен был знать. «А может быть, уже знает? — проскочила досадная мысль в голове бравого командира. — И все, что я собираюсь ему рассказать, ему известно? Шпионов у Баркидов в столице должно быть не мало».

Ганнибал остановился у ограждения, устремив взгляд единственного глаза в сторону прибрежных вод, где курсировали римские квинкеремы. обстреливая укрепления бухты из своих орудий. Грохот сражения и крики доносились даже сюда.

— А что до моего нового титула, на который ты так прозрачно намекаешь, — вновь заговорил он. не оборачиваясь, — то, назовись я хоть царем всего Обитаемого мираэто не помешает мне общаться с моими военачальниками. Армия. Чайка, всегда была и будет моей главной опорой, а ее офицеры моими боевыми товарищами.

«Кто бы сомневался», — не смог сдержать улыбки Федор, проследовав за своим покровителем. Честно признаться, такой ответ был ему по душе, даже если пуниец и лукавил. Но Федор действительно не первый день находился рядом с этим человеком, а кроме того, уже был глубоко втянут в интриги Баркидов, чтобы понимать, — без опоры на армию у него действительно ничего не выйдет.

— Говоришь, ты едва проскочил под носом у римлян? — уточнил Ганнибал, продолжая рассматривать сражение, которое уже перекинулось на стены. Легионеры в некоторых местах смогли вскарабкаться на укрепления и даже захватить одну из башен. К счастью, не из тех, что управляли цепью. На остальных участках защитники не позволили кораблям подойти так близко, чтобы высадить пехотинцев на стены.

— Мне повезло, — кивнул Федор, тоже присматриваясь к разраставшемуся сражению, — у нашего сицилийского корабля

оказался отличный капитан. Мы даже успели потрепать парочку римских квинкерем.

Несмотря на реальность прорыва, Ганнибал казался абсолютно спокойным. На помощь к защитникам уже двигались внушительные силы пехотинцев Атарбала. Кроме того, с десяток квинкерем направилось к выходу из бухты, с явным намерением отогнать римлян подальше от стен и дать им бой на воде. Ганнибал не собирался просто отсиживаться в крепости.

— А что сейчас происходит вокруг? — спросил Федор, бывший не в курсе последних событий. — Наслышан, пока я был в Испании и Африке, здесь произошло много изменений.

— Все в порядке, — ответил Ганнибал, отлично поняв вопрос Чайки, — верные мне силы удерживают половину Италии и почти всю Сицилию, да это ты и сам видел. Мы готовимся к новым сражениям, но римляне до сих пор не рисковали переходить в наступление.

— Кто же тогда эти вояки? — позволил себе усмехнуться Федор, кивнув в сторону римских легионеров, которых защитники Тарента то и дело сбрасывали со стен, но они с упорством рыжих муравьев продолжали карабкаться наверх по лестницам.

Наверняка кто-то из тех, кого разослал повсюду Марцелл, для того чтобы беспокоить меня в моих же владениях. Он сейчас вновь управляет флотом и старается досадить мне.

Ганнибал перевел взгляд со стен на лицо Федора и добавил:

— У Рима сохранился большой флот, а большая часть моих кораблей находится в Испании и Африке. Флотоводцев не хватает. Поэтому море даже вокруг моих берегов сейчас неспокойно.

Море сейчас везде неспокойно, — проговорил Федор, вспоминая свое путешествие из Италии в Испанию, а оттуда, с небольшой задержкой на берегу, в Африку и обратно. — Они хотят захватить город?

— Скорее просто напомнить мне, что Рим еще жив, — отмахнулся Ганнибал, — никаких сухопутных приготовлений вокруг Тарента нет. Все легионы, способные атаковать меня, заняты охраной Рима и подступов к нему. Но не будем больше об этом.

Ганнибал развернулся спиной к морю и наш иец сделал жест, приглашавший Чайку к столу.

— Этот приступ отобьют без нас, — сказал он, возвращаясь в зал и усаживаясь в кресло, — а нам е тобой есть что обсудить и без этого малозначительного сражения. Марцелл явно просчитался, думая меня испугать. Зря только погубил столько

легионеров.

Ганнибал взял свою наполненную вином чашу и кивком предложил сделать то же самое Федору, мгновенно позабыв о римлянах. Так словно их и вовсе не существовало. А Федор поймал себя на мысли, что Ганнибал, как и подобает стратегу, замыслившему большое дело, просчитывает свои ходы на много месяцев вперед. Для него этот внезапный штурм не более чем досадное недоразумение, которое, впрочем, тоже вписывается в ту картину передела мира, которую он себе нарисовал уже давно.

Наполнив самостоятельно свою чашу — слуг при таких разговорах Ганнибал не терпел, — некоторое время Чайка молчал, не зная с чего начать свой рассказ. В голове роились всякие беспокойные мысли о судьбе Гасдрубала и его армии, где он оставил своих друзей, о Карфагене и сенаторах, которые теперь стали врагами. А Ганнибал не торопил его, наслаждаясь вином, словно на свете не было более важного дела, чем отпробовать прекрасного греческого вина во время штурма города. Но Федор задумался надолго и Ганнибал все же решил подтолкнуть его к разговору.

— Ну, как поживает мой брат, ведь ты доставил письмо? — заметил он таким тоном, словно речь шла о простом сообщении, доставляя которое Федор совершил увеселительную прогулку по морю.

— Доставил. Затем мы вместе с ним отплыли в Африку и высадились в Нумидии с большой армией, перед которой, казалось, никто не устоит, — выдавил из себя Чайка, решив не растекаться мыслью по древу, а сразу перейти к сути. — Хотя, когда я говорил с Магоном, он пытался уверить меня в обратном и сказал, что судьба Баркидов уже решена.

— Ты говорил с Магоном? — брови Ганнибала поползли вверх, от неожиданности сообщения он даже перестал пить вино, едва не поперхнувшись. — Мой брат настолько доверился тебе, что послал на переговоры?

— Не совсем так, — пробормотал Федор, отпивая пересохшими губами глоток вина и размышляя о том, не слишком ли он прямолинеен в вопросах политики. — Гасдрубал послал меня за подкреплением, что прибыло вслед за нами из Испании и высаживалось на побережье. А там меня захватили люди сенатора и вывезли в Карфаген. Стек пор я не видел ни вашего брага, ни его армии.

— Но тебя все же не казнили как изменника, — заметил на это пуниец, быстро уловив суть и тем самым подтверждая все, что рассказал Федору сенатор Магон, — значит, тебе удалось бежать?

— В тот день, когда сенатор Магон удостоил меня последнего

приема, еще никто не знал о том, что… — Федор на мгновение умолк, подбирая слова.

— О том, что я перестал подчиняться сенату и объявил себя независимым властителем, — помог ему Ганнибал, — о том, что я стал главным врагом старого Карфагена.

— Да, — кивнул Федор, — об этом не знал никто… включая меня.

— Но тебя не казнили, — вновь напомнил Ганнибал, ничуть не смущаясь тем, что, используя Федора «втемную», подверг его жизнь новой опасности, не считая обычной войны.

— Нет, — ответил Федор, выпив для храбрости еще вина и опуская свободную руку на колено. — Но совершенно неожиданно мне пришлось делать выбор.

— И с чем же ты прибыл ко мне? — вдруг как-то отстраненно поинтересовался Ганнибал, и Федору даже показалось, что тот скользнул взглядом по его оружию.

«Уж не думает ли он, что я предатель и пробрался сюда, чтобы убить его? — от такого предположения Федор едва не выронил бокал и даже выпустил его из пальцев, поставив на стол, — а может быть, проверяет. Когда перед человеком встает действительно серьезный выбор, неизвестно, что он сделает. В такой ситуации люди меняются».

— Я сделал выбор, — проговорил с нажимом Чайка, — и вернулся в Тарент. С той стороны моря у меня теперь нет ничего.

Он допил вино, проглотил пару оливок и отломил кусок от хлеба, отправив в рот хрустящую корочку. Пуниец немного помолчал, рассматривая сидевшего напротив командира двадцатой хилиархии, и Чайка почувствовал, что лед недоверия, возникший внезапно, еще не полностью растаял.

— Значит, Магон отпустил тебя? — предположил Ганнибал, закончив свои размышления. — На это у него могли быть свои причины. Я помню, что однажды ты спас ему жизнь. Но никак не предполагал, что он будет столь благосклонен к людям своего злейшего врага, даже после того как он перестал играть роль друга. А теперь дело обстоит именно так.

Федор ничего не ответил, продолжая молча жевать. Едва он оказался за богато накрытым столом, его вдруг охватил такой дикий голод, словно Чайка не ел уже целый месяц. «Нервишки пошаливают, — подумал он, отправляя в рот пригоршню орехов вслед за такой же пригоршней сушеных фруктов, и спросил сам себя: — Боишься, друг, что вместо награды за Испанию тебя отправят на виселицу?»

— Так о чем вы говорили с Магоном? — поинтересовался Ганнибал, откидываясь в кресле. — Уверен, разговор со столь

высокопоставленным человеком позволил тебе узнать много нового о тайной жизни Карфагена. В том числе и обо мне.

Было видно, что Ганнибал заинтригован. Он не хотел открыто признаваться в этом, но история Федора, который должен был находиться в Испании, а по воле судьбы неожиданно угодил из огня да в полымя, явно заинтересовала Великого Пунийца. «Ладно, расскажу, — решил Федор, — а там будь что будет».

— Он рассказал мне, что я уже давно служу врагам Карфагена, которые теперь подняли мятеж, показав свое истинное лицо, — проговорил Чайка, набравшись смелости, — но том, что семья Барка рискнула пойти против своего народа. А также, что очень скоро всем Баркидам прилет конец.

Подняв глаза, Федор заметил» как Ганнибал сжал пальцы в кулак, отдернув руку от чаши и едва не опрокинув несколько блюд на пол.

— Все так, — кивнул пуниец, глядя сквозь Федора, — только он забыл сообщить тебе, что в этой новой войне народ пойдет за мной, а не за сенатом, который вьет из него веревки. Продолжай. Что еще рассказал тебе этот «защитник» народа?

Он сказал, что теперь Карфаген готов на открытый союз с Римом в войне против мятежных войск, — заговорил Федор, избавившись наконец от скованности, — что Гасдрубала, который пришел в Африку вовсе не для того, чтобы подавить мятеж Масиниссы, в глубинах Ливии ждет огромная армия, которую сенат собрал тайно от всех. Управляет ею какой-то спартанский наемник. Он разобьет Гасдрубала, не позволив ему дойти до самого Карфагена.

— Спартанец? — удивился Ганнибал, устремив на Федора пристальный взгляд. — Он назвал имя?

— Нет, он не был настолько откровенен, — ответил Федор, немного довольный тем, что ему удалось-таки удивить всезнающего Ганнибала, — сказал только, что армия большая, и она должна остановить Гасдрубала.

Ганнибал забарабанил пальцами по столу.

— Спартанцы, пусть сейчас ине времена царя Леонида» хорошие военачальники. А у метрополии давние связи со Спартой.

Федор невольно вспомнил о том, что учителем воинского искусства молодого Ганнибала тоже был спартанец. Об этом знали все приближенные.

— Карфаген уже прибегал к такому решению во время первой войны с римлянами и мятежей, что случились вслед за ней, — продолжил вещать Ганнибал, откинувшись в кресле. — Тогда это оказалось эффективной тактикой. Но сейчас, кто бы ни руководил

этой армией, мы разобьем ее, будь командир хоть трижды спартанцем. Мой брат один из лучших полководцев Обитаемого мира, сравнимый с диодохами царя Александра.

— А еще, — добавил Федор, немного наклоняясь вперед и посмотрев перед тем через окно на бушевавшее сражение, отзвуки которого долетали даже сюда, — Магон сказал, что в каких-то портах стоит, дожидаясь сигнала, новый мощный флот, также построенный тайно. Он готов по первому приказу сената обрушиться на мятежников, где бы они ни находились.

Похоже, сообщение о новом усилении своих противников на морс, тоже не обрадовало Ганнибала, но здесь он не подал виду.

— Об этой угрозе мне известно, — заметил Ганнибал, напуская на себя вид правителя, осведомленного обо всем, что происходит в отдаленных уголках его государства, — впрочем, как и об армии, которой грозит мне твой приятель Магон.

«Ну да, — невольно усмехнулся Федор, — теперь он будет считаться моим приятелем».

— Значит, стоит ожидать в ближайшее время высадки крупных сил с моря, — произнес Чайка вслух и добавил, кивнув в сторону бухты. — Возможно, это только начало.

— Возможно, — кивнул пуниец, окончательно взяв себя в руки, — я уже говорил тебе о том, что положение на сухопутных фронтах меня не так беспокоит, как на море. Никакой огромной армии, пока Гасдрубал топчет ливийские поля, сенат сюда не переправит. А с римскими легионами я справлюсь и своими силами, как не раз уже бывало прежде. Даже если у меня будет вдвое меньше солдат, чем у Рима.

Ганнибал умолк на мгновение, а потом вдруг резко изменился в лице, словно простил командира двадцатой хилиархии за «непреднамеренное предательство». Поняв его взгляд, Федор решил, что проверка окончена, и поспешил вновь наполнить чаши вином.

— Ты хорошо послужил мне в Испании, Чайка, и сделал даже больше, чем я ожидал, пусть и не сознавая того, — начал свою речь со странного комплимента Ганнибал, подняв чашу с вином. — Война есть война, и я не мог тебе открыть всего раньше. Но наши операции в метрополии начались именно так, как я и рассчитывал, а ты, несмотря на заявления Магона, неожиданно принес мне важные сведения. Я рад, что ты жив, и не останусь в долгу. Я возмещу тебе все, что ты потерял в Карфагене, и уверен, ты не раскаешься в том, что принял мою сторону.

— Неплохо бы, — подумал про себя Чайка, — а то я немного поиздержался во время путешествия в Африку».

— В нашей новой стране не будет места жадным

сенаторам, — продолжал откровенничать Ганнибал, — всем будет управлять народ и армия. И такие преданные воины, как ты, в ней будут жить очень хорошо.

«Значит, все-таки тиран, — подумал Федор, не осмеливаясь перебить своего почти что венценосного собеседника, — а семья Барка станет новым царским родом».

— За испанский поход я дарю тебе еще одно имение с рабами в наших новых землях, недалеко от Панорма.

— Благодарю, — наклонил голову Федор, невольно подумав, что сейчас иметь землю на Сицилии, которая всегда была и скоро может снова стать ареной кровопролитных сражений не так уж выгодно, но не отказываться же от такого подарка. В ближайшие месяцы спокойствия не будет ни по эту сторону моря, ни по другую. Так что подарок был не так уж плох. А можно ли на нем разбогатеть будущее покажет. Во всяком случае, одаривая Чайку землей на этом благодатном острове, Ганнибал получал еще одного подданного, который будет вынужден с оружием в руках защищать там свою собственность, способствуя укреплению его власти. Ничего не поделаешь, там, где большие деньги, от политики не уйти.

— Я также велю выдать тебе вдвое больше золота, взамен того, что ты скопил за время походов и оставил в Карфагене, — добавил Ганнибал, глядя на Чайку, — ведь твой жадный друг Магон вряд ли позволил тебе покинуть город со своими деньгами?

— Он милостиво разрешил мне покинуть его живым, — ответил Федор, невольно усмехнувшись, — это главное.

После того как выйдешь отсюда, зайдешь к моему казначею, он все устроит, — не моргнув глазом удвоил состояние своего подданного Ганнибал, — золота и серебра сейчас достаточно, даже после выплаты наемникам. После того как я перестал делиться им с метрополией, испанские рудники исправно поставляют его сюда, так что долго ждать тебе не придется.

«Может быть, попросить выгнать со службы того зарвавшегося начальника караула, чтобы знал, с кем спорить, — подумал Федор, услышав, как все его прошлые потери возмещены, а состояние выросло на глазах, но на радостях махнул рукой. — Да ладно, пусть живет».

— Благодарю, — поклонился Чайка, — я не заслужил такой милости.

Новый тиран пропустил эти слова мимо ушей. Они немного помолчали. Ганнибал доел кусок копченого мяса, размышляя о чем-то своем. Федору тоже было о чем подумать. Например, что делать со всеми этим деньгами, свалившимися на него буквально

с неба. И еще о том, когда он сможет увидеть свое новое имение на Сицилии. Все это были приятные размышления, погрузившись в которые, он совершенно забыл, что идет война.

— Как ты помнишь, врагов у меня предостаточно, — вывел его из сладостных грез Ганнибал, вновь заговорив о делах, — и больше всего их в Карфагене. Но и здесь, после того как я объявил себя независимым правителем, их только прибавилось. Греция почти объединилась для того, чтобы отогнать наших союзников скифов, и теперь от них мало толку. Иллур надолго завяз на Истре. Да и македонцы Филиппа тоже убрались обратно в свои земли.

— Значит, двойного наступления на Рим с севера и юга пока не будет? — бестактно поинтересовался Федор.

— С севера стоят верные мне кельты, — заявил Ганнибал, немного поморщившись от слов Чайки, напомнивших, что не все в этой жизни происходит так, как хочется даже такому сильному военачальнику, как он, — но без помощи конницы скифов римлян им не одолеть. Они и так едва успевают отбивать римские атаки в районе Генуи, где их флот в последнее время постоянно высаживает десантные силы, стремясь отобрать назад эти земли.

Федор замолчал, почувствовав, что Ганнибал клонит к чему-то важному.

— Я уже говорил тебе о том, что главная опасность для меня исходит сейчас из самого Карфагена. Но я не могу отправить на помощь Гасдру-балу свои силы, пока не закончу новый набор среди местных кельтов и кельтов Испании. А для этого мне нужно выиграть время. Кроме того, на море господствует римский флот, а флотоводцев, как ты помнишь, у меня не хватает.

Ганнибал отодвинул чашу с вином и вновь подошел к двери, сквозь которую неслись шумы отдаленного сражения. Бросив взгляд на битву произнес, не оборачиваясь:

— Почти треть офицеров флота осталась верна Арваду и его хозяевам в сенате, отведя свои корабли в Лилибей. И если твои слова верны, то их можно считать пособниками римлян, которые скоро вступят в войну на их стороне. А римский флот и так почти что господствует в водах Италии. Но настал час показать им, что море тоже должно быть моим. Поэтому, пока идет набор новой армии, я должен нанести быстрый удар по римскому флоту. И ты мне поможешь в этом.

— Я? — не удержался от восклицания Федор, чуть не поперхнувшись оливками. — Но ведь я же командир хилиархии. Пехотинец.

Поймав безмолвный сигнал от Ганнибала, Федор тоже встал из-за стола и приблизился к нему.

— Позволь спросить, Чайка, — неожиданно усмехнулся Ганнибал, — где твоя хилиархия?

— Идет сквозь пески Нумидии, — опустил голову Федор, добавив: — Без меня.

Он слегка загрустил, вспомнив о друзьях, которые воевали без него и, возможно, считали его предателем.

— Вот именно, так что ты ей ничем не поможешь. О твоей хилиархии позаботится мой брат, — заверил его Ганнибал, — а ты нужен мне здесь. Ведь раньше ты неплохо справлялся и с ролью флотоводца. Чего стоит одно плавание в Испанию. Ты же довел корабли до Нового Карфагена.

От такой незатейливой похвалы попахивало обычной уловкой, но Федор все же воспрял духом. Доброе слово, оно и командиру хилиархии приятно.

— Когда мы отобьем этот штурм и отгоним римлян от стен, — перешел к делу новый тиран, — ты встанешь во главе флота из двенадцати квинкерем и десятка триер, вместе с которым пройдешься вдоль всего побережья Италии от Тарента до самой Генуи и обратно. Ты будешь вступать в сражения со всеми встречными римскими кораблями и, даже если тебе придется потерять большую часть кораблей, ты должен доказать Риму, что спокойные времена на море для них закончились. Отныне я буду беспокоить римский флот везде. А Рим должен проститься со своим господством в этих водах.

Федор молчал, переваривая услышанное. Похоже, ему выпало очередное смертельное задание, с парой дюжин кораблей терзать весь римский флот, который был наверняка в несколько раз больше. «Похоже, придется думать и действовать, как пираты, — невесело размышлял новоявленный флотоводец, — а что делать. Где наша не пропадала, как-нибудь выкрутимся».

— Первым делом ты зайдешь на Сицилию, где согласно моему приказу возьмешь еще пять кораблей, — добавил Ганнибал таким тоном, словно пытался донести до Федора особую важность его миссии. — Вернешься, как позволят боги.

— Будет исполнено, — поклонился Чайка.

Глава восьмая
Ответный ход

Гоплиты на этот раз попались упорные. Они лезли и лезли наверх, не считаясь с потерями. Леха Ларин с настороженностью наблюдал из башни, как все труднее становится его людям сбрасывать атакующих греков со стен.

«Еще немного — и прорвутся, — решил адмирал, глядя, как очередная лестница была отброшена от края стены, и гоплиты, роняя щиты и мечи, посыпались с нее на камни, как спелые бананы с пальмы, — ребята упертые. Скорее бы подкрепление подошло».

Он скользнул взглядом по берегу реки, от которого он был отрезан вот уже почти час, и с удовольствием отметил, что две триеры и квинкерема, разделавшись с греками у моста, направляются на выручку к своему адмиралу. Но, бросив взгляд вперед, поверх шлемов осадивших его греческих гоплитов, тут же погрустнел. Сюда двигался еще один отряд, не меньше, чем двести человек. Объединившись с теми, кто уже находился под стенами греки могли добиться победы.

Адмирал отчетливо помял, что им хватит сил отразить нападение морпехов и взять крепость, если, конечно, боги не захотят еще раз помочь скифам в этом сражении за протоку. Судя по всему, греческий командир, который вел бой с конницей

Аргима за холмом, очень дорожил этой небольшой крепостицсй, что еще раз уверило Ларина в абсолютно верном решении напасть на нее и захватить в первую очередь.

«Удержать бы ее теперь, — подумал адмирал, снова вперив взгляд в гоплита, карабкавшегося по лестнице вверх, — чтобы не зря столько жизней положить. Помоги мне, Тамимасадас!»

Стоявший чуть впереди него лучник выпустил стрелу в этого гоплита, но немного промахнулся. Пущенная стрела отскочила от греческого щита, не поразив хозяина.

— Дай мне! — не выдержал Леха, вырывая лук у бойца.

Он быстрым движением приладил стрелу, натянул тетиву и, вдохнув, отпустил. Стрела ушла в полет с легким шелестом, а через мгновение гоплит, уже заколовший одного из защитников и запрыгнувший на стену, вдруг резко дернулся. Выронив щит и меч, он с криком схватился за шею, из которой торчала скифская стрела. Его крик быстро перешел в предсмертный хрип, с которым греческий воин перевалился через стену и упал на головы своим

собратьям.

— Метко, — похвалил Токсар, стоявший в двух шагах.

— Рука пока тверда и глаз острый, — подтвердил адмирал и добавил извиняющимся тоном, словно сам удивился своей меткости. — Давно не упражнялся. Последнее время все большее баллистами да другими приспособлениями дело имею.

Вернув лук своему бойцу, адмирал приблизился к одной из баллист, которая только что выпустила очередное ядро по неприятелю, угодив в саму гущу.

— Следующим выстрелом пусти правее, — приказал Ларин артиллеристам, взмыленным от такой спешной стрельбы, — вон, видишь, там их командир стоит в блестящем шлеме? Вот его нужно взбодрить… напоследок.

— Эх, мне бы сюда хотя бы пару горшков с зажигательной смесью… — размышлял вслух Каранадис, вздрагивавший каждый раз, когда баллиста, взвизгнув торсионами, отправляла в полет очередное ядро, — мало бы им не показалось.

— Это верно, — не стал спорить Леха, пронаблюдав, как артиллеристы в спешном порядке натягивают торсионы и прицеливаются, согласно его указаниям, — жаль, сгорела наша установка.

— Да это что, — отмахнулся Каранадис, — ее можно восстановить быстро. Это не сложно. Вот, где взять столько горючей смеси, чтобы новые заряды приготовить?

— А ты местные подвалы все осмотрел? — ответил Леха вопросом на вопрос.

— Нет, — мотнул головой оружейник, — когда же мне их было осматривать, еле успел кожаные ремни отыскать да баллисту починить до подхода этих…

Он чуть оыло не сказал «греков», и адмирал невольно усмехнулся. Прожив среди скифов уже долгое время, Каранадис и себя стал считать едва ли не скифом. Правда скакать на коне и стрелять из лука он и не думал учиться, но остальных греков ругал исправно. Впрочем, это Леху не удивляла то, что он успел узнать о греках, оказавшись здесь, убеждало его в разобщенности самых цивилизованных обитателей берегов теплого моря. Они никогда не жили одним народом подобно скифам, а всегда стремились отделиться друг от друга. Город от города. И в этой новой войне только нашествие скифов и заставило их действовать сообща. Если бы не это, то представители разных полисов и сейчас с удовольствием резали бы глотки своим соседям, которых и не думали считать собратьями.

— Вот и займись этим сейчас, — кивнул головой Леха, — все равно от тебя тут толку мало. Спустись в подвал башни. Может,

отыщешь чего.

Каранадис настороженно посмотрел на атакующих греков, которые то появлялись над стеной, то вновь исчезали с нее, словно сомневаясь — подходящий ли сейчас момент. Но ослушаться приказа не посмел и направился вниз по узкой лестнице. На всякий случай Ларин все же отправил с ним троих бойцов в качестве телохранителей. «Мало ли что тут может произойти, — поразмыслив, решил адмирал, — или там, в подвале, провалится в какую-нибудь яму, где я потом такого оружейника найду?»

И действительно, не успел оружейник скрыться из глаз, как грохот оружия усилился неимоверно, — греки» увидев, что к ним двигается еще один отряд, бросили в бой все силы, которые и так превосходили скифский гарнизон в несколько раз. Стрелы засвистели над головой адмирала и его верного помощника, что не помешало Ларину увидеть, как сразу в трех местах гоплитам удалось пробить оборону и взобраться на стену.

— Ну теперь пойдет забава, — прохрипел адмирал, выхватывая свой меч. — Токсар, продолжай обстреливать их из орудий, а я на стену.

— Осталось всего пять ядер, — уныло проговорил бородатый скиф, указав на опустевшие корзины для боеприпасов.

— Тогда, как отстреляешься, давай за мной! — махнул рукой Леха, уже спускаясь по лестнице в сопровождении четырех бойцов. — На стены. Как можешь, держи эту башню и ворота. Скоро должны подойти наши.

Ответа Токсара он не услышал из-за криков и звона оружия, который уже заглушал все звуки вокруг. Едва оказавшись на стене, адмирал преодолел по ней не более двадцати метров, как вдруг увидел в двух шагах шлем гоплита, показавшийся над ее гребнем и, подскочив к нему, хорошенько приложился мечом по плюмажу. Вскрикнув, грек исчез внизу, но на его месте тут же появился другой. Прикрываясь щитом, он проворно карабкался по лестнице вверх.

— В очередь, сукины дети! — заорал адмирал и нанес два удара, стремясь рубануть и этого по голове. Но не удалось. Грек отбил оба удара и, оттолкнув Ларина, оказался на стене прямо перед ним.

Отступив на несколько шагов вдоль зубцов стены, грек остановился и приготовился отразить новую атаку Ларина, но адмирал немного задержался на месте. Услышав позади себя стоны, Леха резво обернулся и не поверил своим глазам. Трое из четырех его охранников уже корчились в предсмертных судорогах, заколотые греческими бойцами, которых там было уже

целых пять. Чуть вдали Леха разглядел сразу две лестницы, по которым в крепость беспрепятственно проникали гоплиты. Лишь один скиф еще прикрывал его спину, но и он был вскоре убит. Адмирала угораздило спуститься с башни в тот самый момент, когда нападавшие пробили самую большую брешь в ее обороне. Оказавшись на стене, греки и не думали тут долго задерживаться. Часть из них бросилась по лестнице, что вела со стены между двумя пристроенными к ней сараями, вниз, на улицу поселения. Еще несколько бойцов устремилось но стене в сторону ворот, где столкнулись с солдатами Токсара.

— Придется повозиться, — сплюнул Ларин, поднимая свой щит, когда последний скифский воин упал рядом с ним, — перехожу в оборону.

Чуть впереди греки, поднявшись по другой лестнице, тоже заполонили уже почти всю стену. И за спиной его поединщика вскоре могло образоваться подкрепление из четырех рослых бородатых гоплитов. Теперь положение адмирала становилось еще хуже. Скифы отступали по всему периметру, скрываясь между строений, но ему отступать уже было некуда. Справа стена, из-за которой непрерывно лезли все новые и новые гоплиты, слева длинная крыша сарая, находившаяся метра на три ниже стены.

Прикинув, что к лестнице назад не пробиться, греки уже на ней, Ларин принял решение атаковать впередистоящего. Лестница, что виднелась между ним и остальными греками, еще была свободна. Хотя было ясно, что это не надолго. Не сходя с места, Леха чуть пригнулся и вдруг совершил неимоверный прыжок вперед. Приземляясь, он прикрыл голову щитом и нанес отвлекающий удар по ноге гоплита, а когда тот переместил вес на другую ногу и чуть отступил, уходя от ударов снизу, ударил и по ней, взмахнув мечом еще раз. Грек саданул клинком в ответ по щиту, но отступил, потом еще и, наконец, оказался на дальнем краю стены, у невысокого ограждения.

Тогда Ларин резко распрямился и, выбросив руку, нанес удар в грудь слегка раскрывшегося бойца. Угодил в плечо, но и этого хватило. Грек взвыл от боли, когда, вспоров кожу наплечника, острие меча вонзилось в его тело. Правая рука бойца обвисла, выронив меч, левой он пытался защититься, удерживая щит. Но Ларин, примерившись, пнул грека ногой прямо в щит, и тот, пробив хлипкое ограждение, рухнул вниз на крышу сарая, сломав себе позвоночник.

— Крыша крепкая, — как ни в чем не бывало пробормотал адмирал, заметив, что упавший на нее грек, не провалился внутрь амбара.

Следующая мысль пришла сама собой, когда он заметил, что

единственная ведущая вниз лестница уже занята гоплитами. Более того, эти гоплиты с разъяренным видом приближались с обоих концов стены к адмиралу. Долго не раздумывая, он отбросил щит и прыгнул вниз, сжимая в руке лишь клинок.

«Только бы выдержала, — пронеслось у него в мозгу, пока он, сгруппировавшись, летел к хлипкой на вид крыше, — не хотелось бы сломать себе ноги и так глупо попасть к ним в плен. Вряд ли они меня пощадят» .

За эти короткие мгновения Леха успел многое передумать, но, к счастью, крыша выдержала, и он, перекатившись через голову, остановился в двух шагах от мертвого грека, что лежал в пыли, раскинув руки. Вопль разочарования, раздавшийся откуда-то сверху, послужил ему знаком, что он ушел. Во всяком случае, гоплиты не последовали за ним. Не став дожидаться, пока это произойдет или кто-нибудь пустит в него стрелу, Ларин бросился вперед и перевалился на другую сторону двускатной крыши. Там, прикрываясь ее гребнем от возможных стрелков, следивших за ним со стены, он прополз вдоль нее еще метров пять. Затих в метре от края крыши, осмотрелся. Сквозь щели в нос ему все время бил какой-то смоляной запах. «Лодки они свои здесь смолят, что ли, — подумал адмирал, соображая, что же делать дальше, — рыбаки, твою мать».

Судя по всему, греки овладели уже почти всей внешней стеной. Шум драки переместился внутрь крепости и не смолкая грохотал вокруг башни, где, как заметил Ларин, все еще мелькали скифские доспехи. «Токсар держится, молодец, — подумал Леха, услышав, как внизу под ним по узкому проходу простучали тяжелые башмаки. — надо бы к нему обратно пробиться».

За проходом виднелась еще одна крыша похожего сарая. Ларин примерился, не сможет ли перемахнуть туда по воздуху, чтобы не встречаться лишний раз с гоплитами. Но расстояние было слишком велико и даже в минуту опасности его тело было на такое не способно. Это он понял сразу. «Ладно, придется спускаться, — решил Леха, — больше тут нечего вылеживать».

И, выждав небольшое затишье, спрыгнул вниз наудачу. Ему вновь повезло. Он оказался между двумя отрядами греков, которые разделяло метров пятнадцать. Их щиты и копья сверкали уже совсем близко. Но ему даже хватило времени перемахнуть через улочку, нырнув в щель открытой двери сарая. Здесь царил полумрак, стояли какие-то длинные столы, а на вертикальных столбах были развешаны сети. Воняло тут еще хуже, чем в первом сарае. Какой-то гнилой рыбой или дегтем. Бочки имелись. Не успев толком осмотреться, Ларин метнулся в дальний конец

сарая н надежде найти потайную дверь, но уткнулся в глухую стену. Пнул ее один раз, потом другой, но стена хоть и задрожала от его мощных ударов, но не рухнула. «Приплыли», — успокоил себя Леха, видя, как метнулись к двери тени с копьями в руках. И отступив дальше в темноту, спрягался за стоявшей там телегой.

Глава девятая
Тирренское море

Два дня, которые ушли на подготовку флота к отплытию, пролетели незаметно. Все это время Федор метался между гаванью, где проводил смотр кораблям, и своим особняком, используя любой перерыв в делах, чтобы уединиться со своей любимой в ее спальне. Прислуга, получившая возможность регулярно слышать их бурное общение через открытое окно, не могла нарадоваться такому развлечению. Но Федор вообще перестал обращать внимание на такие условности. Ему предстоял опасный поход, из которого он мог вообще не вернуться. Вот новоиспеченный наварх и старался взять от жизни все. Напоследок, — как он иногда грустно шутил.

Уже в который раз судьба, едва вернув его домой, к любимым людям, словно смеялась над ним и вновь разлучала, бросая в неизведанное. Но Федор старался не роптать, так уж складывалась жизнь. Другого варианта у него теперь не было. Вообще.

Послезавтра на рассвете новоиспеченный наварх должен был покинуть гавань Тарента и отправиться с «карательной экспедицией» наводить ужас на римский флот. Эта акция устрашения вызывала у Федора смешанные чувства, когда он вспоминал о количестве предоставленных ему кораблей. Их было немногим больше, чем в римской эскадре, убравшейся восвояси после неудачного штурма. Но недостаток вооружения Федор, как истинный русский, намеревался возместить смекалкой.

Сильно подняло ему настроение золото Ганнибала, действительно выданное без промедления казначеем согласно указанию тирана. Дюжина бочонков и ящиков под охраной солдат перекочевала после аудиенции из каменных подвалов замка в подвалы особняка Федора. В связи с чем, отплывая в дальние края, Чайка нанял себе еще двадцать охранников, расселив их во флигелях вместе с прислугой. Мог себе это позволить. А золотой запас запрятал в самое дальнее подземелье. Половину золота вообще замуровал, не погнушавшись для такого дела лично взять в руки инструменты и не допуская к этому никого из слуг.

— Подальше положишь, поближе возьмешь, — пробормотал Федор, отряхиваясь от земли и каменной пыли, испачкавшей всю одежду, — кто его знает, что в жизни может случиться. А это золотишко я отыщу, даже если весь дом рухнет. На черный день

хватит.

Закончив тайную операцию, Федор отряхнулся и выбрался по узкой лесенке на «верхний» уровень своего обширного подвала, завалив проделанное отверстие камнями. Заставив затем все это место бочками с вином и кувшинами с маслом, хозяин имения остался доволен. Выглядело при свете факела все так, как будто здесь никто и не работал. А без света вообще ничего не найдешь. Но впервые в жизни Чайка поймал себя на мысли, что стал опасаться потери своего неожиданно приобретенного состояния. И вроде бы он его заслужил, но все равно большие деньги рождали новое беспокойство, с которым ему приходилось свыкаться уже второй раз в жизни. А еще Чайка подумал, что в той, прошлой жизни, такое вообще с ним никогда не случилось бы.

После того как он переоделся, привел себя в порядок и, наскоро перекусив, собирался провести остаток дня и ночи накануне отплытия флота в спальне Юлии, к нему явился гонец от Ганнибала. Это был офицер его личной гвардии, такой напыщенный и гордый, что своим видом напомнил Федору королевского пажа. «Да, — не мог не отметить Чайка новых настроений „при дворе", — все течет, все меняется».

Когда «паж» удалился, он с удивлением взял свиток, запечатанный личной печатью Ганнибала, и осмотрел его, ожидая очередных тайных инструкций. Ему казалось, что все детали операции они уже давно обсудили. На печати имелось изображение Ганнибала, которое теперь чеканилось на всех серебряных и золотых монетах, поступавших из Нового Карфагена. Однако, решившись сломать печать, Чайка обнаружил там дарственную на свое имение в Сицилии. Ему отходил изрядный кусок земли на побережье возле Панорма. А также вилла, принадлежавшая раньше кому-то из местных богачей, столь неразумно поддержавших римлян или сенат Карфагена. Место был ему, в общем, знакомо. Проплывал мимо неоднократно. Панорм лежал как раз на пути из Рима Карфаген в обход западного побережья благодатного острова. Тот факт, что чуть дальше по берег в одном дне пути располагался Лилибей, еще подвластный Карфагену и давший приют его военному флоту, Чайку не смущал. Более тоге Федор, невольно усмехнувшись, лишний раз убедился в безошибочном расчете Ганнибала, — едв получив дарственную и еще даже не увидев имения, он уже был готов драться за свою землю.

— Когда отплываешь? — тонкие руки Юлии обняли его сзади, а к спине прильнула теплая грудь

— На рассвете, — пробормотал Федор, все еще стоявший в

задумчивости у порога, — вот взгляни, что мне прислал благодетель.

Юлия, по-домашнему одетая в длинную белую тунику, перехваченную расшитым золотом пояском, взяла свиток и пробежала его глазами. Она уже отлично читала и писала по-финикийски.

— У нас появилось новое имение, — проговорила она с удовольствием, — не считая денег. Ганнибал ценит тебя, дорогой.

— И не маленькое имение, любовь моя, — невольно заметил Федор, вспомнив прилагавшиеся размеры, — земли там предостаточно, чтобы заниматься сельским хозяйством. В пять раз больше, чем здесь.

— Тогда я разобью там сад, — решила Юлия. А Федор, перехватив ее взгляд, догадался, что она мысленно уже обустраивает новое семейное гнездышко.

— Подожди, — поговорил он, обнимая девушку и увлекая за собой наверх, — займемся пока неотложными делами. Сад подождет.

Беспрепятственно покинув гавань Тарента — на волнах кое-где еще плавали крупные обломки от потопленных во время неудачного штурма римских судов, — караван направился в обратный путь к Сицилии. Рассеянно глядя на эти следы кораблекрушения и чистый горизонт, Федор жалел лишь о том, что не успел в этой суматохе толком пообщаться с сыном. Лишь разок прошелся с ним по городу и покатался на лошади. Бодастарт, несмотря на свой возраст, уже неплохо держался в седле. А когда видел, что отец смотрит за ним, то лез из кожи вон, чтобы показать все свои таланты. Он так сильно старался, что один раз едва не свалился с лошади на камни мостовой. Сейчас Федор вспоминал об этом с легкой грустью, — уже давно став отцом, он никак не мог принять участие в воспитании сына. Впрочем, по местным обычаям, он еще никуда не опоздал. Бодастарту еще полагалось проводить время на женской половине, и лишь через год он должен был начать осваивать премудрости военной жизни. Да и то лишь в случае, если того захочет отец, который мог решить судьбу сына иначе, сделав его купцом, например. Или поспособствовать, чтобы сына взяли в храм, сделав потом жрецом Баал-Хаммона. И хотя в каждом деле, особенно в жреческом, всем заправляли касты, при наличии связей это было возможно. Во всяком случае, так поступали в Карфагене, где не каждый отец делал своего сына воином. Хотя Бодастарту, сыну воина, ближе всего было именно такое будущее. И Федор ничего не имел против.

— Вот вернемся, — заметил вслух Федор, — там и решим.

— О чем ты? — уточнил Могадор, стоявший неподалеку.

Федор вновь совершал плавание на его корабле. Узнав о том, что предстоит военная операция с участием сицилийской эскадры, — и откуда он только получил сведения, не мог понять Федор, ничего не говоривший о новом задании своему знакомому капитану, — Могадор сам попросился участвовать в ней.

Поразмыслив недолго, Федор согласился. Могадор уже доказал ему свое умение вести морские сражения и, в отсутствие Бибракта с его «Агригентом», Чайка не видел ничего плохого в том, чтобы сделать флагманом сицилийскую квинкерему. Так что, когда все было готово к отплытию, он вновь поднялся на борт спешно отремонтированного корабля. Эта квинкерема носила название «Ликс», что привлекло интерес Федора еще, когда он впервые поднялся на нее. Название словно предрекало долгие путешествия, хотя в душе Чайка надеялся вернуться раньше, чем приказывал Ганнибал. Очень уже хотелось пообщаться с семьей.

— Не бери в голову, — отмахнулся Чайка и, постепенно входя в роль наварха, суровым взглядом обвел следовавшие за ним из Тарента корабли. Всего в это плавание отправилось двенадцать квинкерем и пятнадцать триер. Даже больше, чем Ганнибал рассчитывал отправить сначала. В Мессане флот должен был пополниться еще пятью триерами. А кроме того, в последний момент Ганнибал вспомнил о Сиракузах.

— Можешь заглянуть на денек к Ферону, — скорее посоветовал, чем приказал Ганнибал во время последнего разговора на эту тему, — все равно по пути. Он сильно ненавидит римлян и, думаю, согласится отправить с тобой еще одну эскадру. А может быть, даже сам поучаствует.

Новый тиран опять оказался прозорлив. К удивлению Чайки, ему даже не пришлось отклоняться от курса. На подходе к проливу, когда уже показался Регий, они встретили большую эскадру сиракузян под командой самого Ферона, и Чайка смог сделать ему предложение, не посвящая греческого наварха во все детали. Надо сказать, посвящать было особенно не во что. Чайка собирался действовать по наитию, благо маршрут был проложен самим Ганнибалом.

— Сам не могу отплыть с тобой, — ответил бывалый вояка на это предложение, — меня ждут дела в Сиракузах. Нынче у нас неспокойно, со дня на день ждем вторжения… карфагенян. Но то, чем ты собираешься заняться, дело стоящее. Давно пора потрепать римский флот под носом у сената. Так что я, пожалуй, отправлю с тобой семь триер под командой Евсида.

На том и порешили. Семь остроносых греческих триер примкнули к каравану финикийцев, пополнив «быстроходную»

часть до двадцати двух единиц, А вновь оказавшись в Мессане, Федор экспроприировал у местного коменданта помимо пяти заранее оговоренных триер — показав ему приказ главнокомандующего, — еще две квинкеремы. Дело намечалось большое. В итоге остров покидал довольно внушительный флот. А комендант остался еще и без своего лучшего флотоводца, корабль которого представитель Ганнибала избрал своим флагманом. Но комендант был не в обиде. Зато в лице Федора и через посредство Могадора у него появился выход на самого тирана, и потому комендант расценил возможную потерю двух квинкерем как повод, чтобы заслужить внимание Ганнибала.

Вспомнив о вчерашнем коротком разговоре с комендантом, в котором Чайка не удержался и справился о судьбе Йехавмилка, он опять невольно стал серьезным. Йехавмил к так и не согласился признать Ганнибала своим правителем. Его отправили на каменоломни, однако по дороге он бежал, убив охрану. И теперь стал врагом, в том числе и Федора. «Ну что же, — примирился Чайка с этим известием, рассматривая морские волны, — в гражданской войне бывает и так. Хотя лучше бы нам не встречаться больше. Жаль будет его убивать. Пусть уж лучше он погибнет от чужой руки».

— Первая целы Липарские острова, — сообщил Федор Могадору, когда Мессана осталась позади, — пора навестить это прибежище потерявших страх римлян.

Желание посетить первым делом Липарские острова было вполне логичным и не вызвало у моряка, прекрасно знавшего здешние воды никаких вопросов. Ведь, несмотря на то, что центральный остров ближайшего к этому побережью Сицилии архипелага, на котором собственно и находилась Липара, был в руках карфагенян Ганнибала, остальные два безлюдных острова часто служили прибежищем римских кораблей. Не говоря уже о более мелких островках и просто больших скалах, делавших этот архипелаг отличным плацдармом для нападения на Сицилию. Римляне, долгое время владевшие этими островами» мечтали снова завладеть Липарой — единственной укрепленной гаванью с небольшим городком за ней, — чтобы возобновить свои набеги.

— Только в этом месяце мы отбили уже два нападения на город, — сообщил Могадор, всматриваясь в марево, поднимавшееся над волнами от солнечных лучей разогревшегося к полудню светила, — и в обоих сражениях принимали участие мои корабли. Когда мы повстречали римлян у самой Мессаны… Тогда, когда впервые встретились. Они тоже наверняка пробрались туда, после того как заночевали иа одном из здешних островов. Так что давно пора навести здесь порядок, только у нас

не хватало собственных сил.

Федор кивал, размышляя. «Ликс», плавно переваливаясь с волны на волну, шел вперед. Море было спокойным.

— Значит, у нас немало шансов повстречать там римлян. Это хорошо, — проговорил он, принимаясь вслед за капитаном рассматривать лазоревую поверхность воды, сквозь которую то и дело сверкали чешуей стайки рыбок, — начнем с этих островов. Прочешем все, даже мелкие скалы, не заходя в саму Липару. А если никого не найдем, отправимся дальше. Все равно эти острова лежат на нашем пути. Общий курс на Ал ери ю.

Теперь уже капитан кивнул, давая понять, что этот город на Корсике им хорошо знаком. Курс, намеченный Федором, проходил строго вдоль побережья Италии, но пока на значительном расстоянии от него. Впрочем, римляне давно считали эти воды своими внутренними.

Архипелаг почти вытянут в линию. Первым появится безлюдный остров, — сообщил на всякий случай Могадор, видя, что наварх явно занят обдумыванием действий, — вокруг много скал. Дальше остров, на котором стоит Липара.

Когда мы будем там? — уточнил Федор, наваливаясь грудью на ограждение борта.

— К вечеру, — ответил Могадор.

Тогда пошлем вперед триеры, — решил Чайка, — дайте сигнал на остальные корабли, чтобы эскадра Евсида, когда покажется первый остров, обошла архипелаг слева, а наши триеры справа. Мы сами пойдем за ними.

— Немедленно сделаю, — подтвердил приказ Могадор.

— Ну вот и отлично, — расслабился Федор, которого от сильной жары клонило в сон, а по раскрасневшемуся лицу тек пот, — я пойду, отдохну пока. Если появятся римляне, буди.

Плавание до Липарских островов было недолгим, но Федор успел выспаться. Ему не помешала даже слегка усилившаяся качка, от которой снасти квинкеремы ужасно скрипели, ветер был «на грани дозволенного», но «Ликс» все еще шел под парусами. Когда же он, прекрасно выспавшись, никем не потревоженный выполз на палубу, нахлобучив шлем на взъерошенные волосы, то с удивлением разглядел настоящее морское сражение в нескольких сотнях метров слева по борту. Сразу две карфагенские триеры нависали над одним суденышком, полным до боли знакомых рыжих панцирей, и вот-вот должны были разнести его в щепки. Позади них уже тянулся длинный шлейф из деревянных обломков. Кое-где над водой вздымались руки утопавших солдат. Пятерым легионерам повезло больше. Схватившись за мачту, они качались на волнах.

— Это что такое? — спросил он у Могадора, который не сходил со своего места на корме.

— Обнаружили три биремы римлян, — сообщил как ни в чем не бывало капитан корабля, который уже передвигался на веслах вдоль плоского скалистого острова, — накрыли стоянку. Они попытались уйти, но наши триеры их быстро догнали. Я решил, зачем зря беспокоить, — все равно добыча пока мелкая. Не стоит волноваться из-за них.

— Тоже верно, — пробормотал Федор, вглядываясь в то, что происходило с последней уцелевшей биремой.

А про себя подумал: «Этот малый далеко пойдет. У него талант не только капитана, но и штабного работника. Думаю, мне его послали боги, чтобы добиться успеха в этом безнадежном предприятии».

Между тем погоня входила в завершающую стадию. Триеры, словно заправские морские хишники, уверенные в своих силах, не торопились таранить, а гнали свою добычу прямиком на скалу, торчавшую из моря в пятидесяти метрах впереди. Римский капитан все время пытался свернуть с этого смертоносного курса, бирема рыскала носом, но ему не давали. Да и скорость у его преследователей была гораздо выше.

— Нет, — пробормотал Федор, — не уйдет. Мои ребята дело знают. Придется выбирать, дорогой. Выбор у тебя простой, либо на камни, либо под таран.

Когда до скалы оставалось метров двадцать, римский капитан решил предпринять последнюю попытку. Тем более что даже Федору показалось, — правая триера чуть отстала и перед ней образовался спасительный зазор. В него и решил проскочить римский капитан. Но это оказалось лишь ловко подстроенной ловушкой. Когда бирема, заложив крутой поворот, попыталась выскочить из смертельной колеи, на мгновение всем показалось, что римлянам это удастся. Их суденышко протащило уже почти весь свой корпус мимо тарана, и римляне готовы были воспрянуть духом, но в последний момент хищник, совершив невероятный прыжок по волнам, настиг свою дичь. Таран карфагенского корабля врезался в кормовую часть, просто развалив би рему на части. Разрубил, как топор рассекает полено. Удар был страшный. Корабль римлян треснул посередине корпуса и почти исчез под килем триеры, которая прошлась по нему сверху, «вдавливая» в воду.

Легионеры оказались в воде, барахтаясь и отчаянно цепляясь за жизнь. Но следом за первой к ним подошла вторая триера, с которой тех, кто цеплялся за обломки, добивали лучники.

— Отныне я буду беспокоить римский флот везде, —

повторил слова тирана Федор, глядя, как ушел на дно последний легионер, и, обернувшись к капитану, уточнил: — Что происходит с другой стороны острова?

— Греки пока не дают о себе знать, — ответил Могадор, — последний раз я видел корабли Евсида в разрывах между скалами, когда мы подходили к этому большому острову. Надеюсь, что все спокойно.

Раз римляне нашлись здесь, то могут быть и там, — резонно предположил Федор, глядя, как «поохотившиеся» триеры, не возвращаясь в строй каравана, продолжили свое плавание вдоль скалистых берегов острова в поисках новых жертв.

Возможно, — не стал спорить с начальством Могадор, — хотя для нападения их тут было слишком мало.

— Это так, — согласился Чайка, прохаживаясь по палубе и потягиваясь, чтобы размяться, — вероятно, разведчики. Совсем обнаглели эти римляне, плавают у нас под носом как у себя дома.

— В любом случае, скоро первый остров закончится, и мы увидим невдалеке Липару. А заодно, уверен, и наших греков.

— Что ж, — кивнул Федор, — подождем, раз осталось недолго.

Большой скалистый остров, казавшийся безлюдным и непригодным для жизни, — хотя Могадор обмолвился, что пара рыбацких деревень на нем все-таки есть, — вскоре действительно стал закругляться. А потом и вовсе оборвался вертикальной горой, вдоль которой не было ни одной мало-мальски подходящей бухты для стоянки судов. И, едва остров остался позади, Федор разглядел греческую эскадру. Все семь триер спокойно плыли вдоль него, огибая остров с указанной стороны, согласно приказу.

— А это, значит, и есть Липара? — вскинул Чайка руку, указывая на другой гористый остров, чье основание тонуло в мареве, словно в тумане.

— Да, город с той стороны, где идет Евсид, — подтвердил Могадор, выжидательно глядя на Федора, который разглядывал окрестное море, где кроме его кораблей не было никого, если не считать нескольких рыбацких лодок, болтавшихся на волнах между островами.

— А до третьего острова далеко? — уточнил он, все еще пребывая в сомнениях.

— Не очень, — расплывчато ответил Могадор, — минуем ночью.

— Не подходит, — решил Чайка, — надо и его осмотреть. Так что будем ночевать в Липаре. Отдай сигнал остальным кораблям.

Когда эскадра, вновь соединившись, прибыла в гавань

Липары, ее там встречали с особой помпой. А когда комендант узнал, что прибыл сам представитель нового тирана, то выделил ему лучшие комнаты. Федор, приняв почести, неожиданно для себя не стал отказываться и ночевать вместе со своими солдатами на корабле.

«Да, вот так пообщаешься с Ганнибалом в новом качестве и от народа недолго оторваться», — пожурил он себя, осмотрев выделенные ему апартаменты на верхнем этаже особняка, прижавшегося к скале. Апартаменты были что надо, с отличной спальней, обставленной массивной мебелью и видом на море. Не успел он обосноваться, как ему тут же накрыли стол, предложив отличный ужин, а комендант оказался столь скромен, что не стал набиваться к нему в собутыльники. И Федор был ему за это благодарен. С непривычки он устал от нескольких морских путешествий подряд и сейчас был рад хоть немного отдохнуть на берегу. Тем более что следующий раз берег должен был показаться не скоро.

Любоваться морем можно было не только через окно, но и с небольшого балкона, словно ласточкино гнездо, нависавшего над стеной. И Федор, взяв кувшин с вином и закуску, вышел на него, чтобы полюбоваться закатом.

Солнце медленно опускалось за море, приближая время прохлады. Отпив вина, Чайка скользнул взглядом по крышам и городским улицам, на которых еще виднелась слабая торговая суета, которая должна была лишь оживиться к вечеру. Высокая у моря крепостная стена охватывала все прибрежные постройки и тянулась вдоль города, понижаясь у скал.

Липара была небольшим городом. Обычная, на взгляд Чайки, островная колония, расположенная вокруг довольно узкой бухты, едва вмещавшей две дюжины кораблей. К моменту появления здесь Федора со своими судами, там уже стояло «боевое охранение» колонии из четырех триер и двух бирем, а также несколько круглых торговых кораблей и еще множество мелких рыбацких судов. Поэтому в гавань смогла войти лишь незначительная часть крупных судов, включая флагмана эскадры, а остальным пришлось ночевать на внешнем рейде. Но и это было лучше, чем в открытом море.

Комендант подтвердил, что в последнее время римляне здесь частые непрошеные гости, и своих сил ему едва хватает, чтобы оборонять главный остров. Так что он будет благодарен посланцу Ганнибала, если он отучит римлян от этих визитов. Федор пообещал, сказав, что именно за этим он здесь и появился.

Ганнибал хочет навести порядок на водных путях своей державы, — гордо заявил он, спускаясь с корабля в гавань.

Вслед за вами прибудет еще флот? — осмелился поинтересоваться комендант» с надеждой осмотрев и пересчитав прибывшие корабли. — Или вы намерены справиться с римлянами этими силами?

Чайка смерил его презрительным взглядом, и комендант быстро уразумел, что высокопоставленному гостю не стоит докучать лишними расспросами. Поэтому остаток вечера он провел за чашей вина в одиночестве. Отлично отдохнул. А когда настал час отправляться дальше, находился в приподнятом настроении.

Глава десятая
Почти победа

Пока ворвавшиеся греки переворачивали в сарае все вверх дном, срывая сети и опрокидывая столы в поисках беглеца, Ларин уже прикидывал, как продать жизнь подороже. И вдруг, взглянув на свои пальцы, которые цеплялись за край телеги, до него дошла странная мысль. «А через дверку-то такую дуру не закатить, — пронеслось у него в голове, — тут нужны ворота пошире».

И, затаив дыхание, Леха, глаза которого к тому времени уже привыкли к темноте, стал высматривать ворота. В углу стояло целых две телеги, которые действительно сквозь узкую дверку, в которую он успел проскочить, было никак не протащить. Значит, их просто не могло не быть.

«Смотри, Леха, смотри!» — подбадривал себя адмирал, обшаривая взглядом темные углы длинного сарая, пока греческие гоплиты методично крушили все вокруг. Их было пятеро. Двигались они от двери во все стороны одновременно, но два солдата с копьями были уже всего в пяти метрах.

Ларин понимал, что у него оставалось не больше нескольких секунд.

Сарай стоял на наклонном месте. И, судя по количеству сетей, здесь занимались рыболовными делами. Даже пара лодок имелась в дальнем конце. «Вероятно, должен быть спуск к воде, — прикидывал Леха, все крепче сжимая меч и бросая короткий взгляд на ближнего гоплита, который как раз заглядывал под длинный стол в нескольких шагах, размахивая копьем, — как-то все это сюда затаскивалось. Странно, что я не вижу ничего, похожего на ворота. Их просто не может не быть».

Свой шлем Леха потерял, когда прыгал с крыши, поэтому помпезный плюмаж его не мог выдать. Но и без шлема он не был прозрачным. Гоплит, облаченный в полные доспехи, поднял голову, и взгляды их встретились. По лицу грека начала расплываться плотоядная улыбка охотника, загнавшего дичь в угол. Но за секунду до этого Ларин наконец увидел то, что искал. Дверь была. Вернее широченные ворота. Но ими, наверное, давно не пользовались, так как они были тоже завешены сетью, под которой угадывался здоровенный засов. До них было метров десять. Другой конец сарая. Проход вдоль стены был перегорожен телегой, за которой прятался Ларин, столом и лодкой. Сети, к счастью, висели на столбах параллельно стенам, то есть местами

отделяли его от гоплитов. Дальше, у самых ворот было свободно. Сразу за ними несколько бочек.

Решение пришло мгновенно. Идею просто пробиться обратно Леха отбросил сразу, на улице слышался лишь топот пробегавших мимо греческих солдат, а за интересующей его стеной раздавались звуки сражения. Значит, там еще были скифы. И пробиваться нужно было только туда. Сквозь стену, во что бы то ни стало.

Напрягшись, резким движением он опрокинул телегу — и откуда только силы взялись, — в которую тут же вошло острое копье. Пока удивленный такой прытью грек выдергивал его, Ларин легко перемахнул через телегу и рубанул его по лицу мечом. Гоплит упал, не успев поднять щит. Зато другие успели заметить его.

Когда Леха взлетел на стол, чтобы преодолеть по нему пару метров до столба и растянутой за ним сети, ближний гоплит метнул копье. Только мгновенная реакция спасла адмирала от встречи с богами. Сделав шаг по столу, он нырнул вперед и, перекатившись, рухнул на дно лодки, больно ударившись и даже выронив меч. Лодка была не достроена, и скамеек здесь, к счастью, еще не было, поэтому он упал прямо на спину. Копье влетело вслед за ним, вонзившись изнутри в борт всего лишь в нескольких сантиметрах от головы и даже распоров доснех на плече. Ларин, скосив глаза, смог различить тускло блестевший наконечник.

— Ах ты, скотина, — выругался Леха, приходя в ярость и двумя руками хватаясь за копье, поскольку меч не мог отыскать, — на пару сантиметров пониже и пригвоздил бы меня, как кабана.

Качнув лодку, он опрокинул ее на бок и вывалился на грязный пол. Не теряя драгоценных секунд, адмирал резво вскочил на ноги, перехватив покрепче трофейное копье. Ни щита, ни меча принем уже не было. А метнувший в него копье гоплит уже находился на столе. Другой пытался сорвать мешавшую добраться до Ларина сеть. Третий и четвертый бросились в обход сети, стремясь перехватить его на свободном пространстве у стены.

— Забирай свое копье! — крикнул Ларин и метнул его в гоплита, который был отличной мишенью. Издав чавкающий звук, наконечник вошел в плоть. Грек выронил бесполезный щит и обеими руками схватился за древко, словно хотел выдернуть копье из своего тела. Но это ему не удалось. Он покачнулся и рухнул со стола в сеть, сорвав ее с креплений.

Сквозь открывшуюся брешь немедленно прилетело второе

копье, но Ларин видел бросавшего и успел уклониться. Копье вонзилось в стену позади. Когда это произошло, Леха уже был у ворот. На полу, среди хлама у лодки, он успел разглядеть свой меч и вновь подхватил его. Не обращая внимания на гоплитов, что огибали дальний край сети и завалов, Леха резким движением сорвал ту сеть, что закрывала ворота, и увидел засов, покоившийся на массивных скобах. Отбросив меч, он схватился за балку и уже хотел рвануть ее, чтобы отбросить в сторону. Однако в этот момент внутренний голос шепнул ему, что лучше пригнуться. Едва Ларин сделал это, как очередное копье вонзилось чуть повыше засова.

— Как же вы меня достали! — взревел Ларин, вновь хватая меч и разворачиваясь к гоплитам. — Я вам что, бегущая мишень, что ли?

Матерился он по-русски и греки его не понимали. Но им это было без надобности. Леха хотел уже броситься на своих обидчиков, к которым вот-вот должен был присоединиться третий, уже огибавший завалы, но быстро прикинул шансы и замер. Он был без щита и шлема, с одним мечом. А к нему приближались два гоплита в полном вооружении, и лишь один из них лишился копья. Резким движением Ларин сорвал со стены остатки сети, перехватив ее в левую руку.

— Ну что, сволочи, — поинтересовался Леха, — поиграем в гладиаторов?

Осторожно приближавшиеся греки — несмотря на отсутствие половины доспехов у Лехи, к этому их вынуждала судьба двух мертвых гоплитов — прикрылись щитами и подбирались с двух сторон. Ларин не стал дожидаться, пока они припрут его к стенке. Он метнул сеть в того, что был с копьем, опутав его сверху донизу, а второму опрокинул под ноги стоявшую рядом бочку ударом стопы. Оба грека отскочили назад. Но если первый вообще рухнул, пытаясь выпутаться, то второй лишь отступи л на несколько шагов. Леха не стал бросаться на них. Вместо этого за отпущенные секунды он, развернувшись, сдернул засов с одного из креплений. Балка с гулким стуком рухнула на камни. Но на второе крепление времени не хватило.

Развернувшись, Ларин принял удар меча и с большим трудом отвел его от головы. Затем нанес свой по шлему. Грек отразил щитом. Его следующий выпад едва не распорол адмиралу бок, скользнув по панцирю. А Лехин удар пришелся на щит, которым грек хотел прижать его к стене. Извернувшись и отпрыгнув обратно к лодке, Леха успел задеть его острием по ноге, пустив кровь из бедра. Грек взвыл от боли и остановился на мгновение.

Ларин, бросив быстрый взгляд по сторонам, увидел, что

третий гоплит уже приближается к ним, размахивая мечом. А тот, что был опутан сетью, вот-вот выпутается. Пора было заканчивать со всем этим. Не ровен час, в полумрак сарая могли нагрянуть новые гоплиты. Леха бегло осмотрелся вокруг в поисках нового оружия защиты и обнаружил ее прямо под своими ногами. Это был отличный заостренный кол, который до этого подпирал лодку вместо стапелей.

— Задержался я тут с вами, — пробормотал Леха и перешел в наступление, схватив кол в левую руку.

Им он отбил пару ударов гоплита, который так и не сумел перерубить крепкую древесину. Зато сам адмирал виртуозно провел серию отвлекающих ударов, а последним лишил грека щита.

— Получи! — выдохнул Леха и попытался насадить грека на кол, словно вампира, но не вышло: Удар в живот лишь отбросил его к воротам, заставив те содрогнуться, но не пробил панциря. Тогда адмирал рубанул гоплита по шее уже мечом. Этот удар достиг цели. Боец, обливаясь кровью, сполз на грязный пол и затих.

— А это тебе! — крикнул Леха, выдергивая копье, все еще торчавшее из створки приоткрытых ворот, и метнув его в того грека, который почти выпутался из сети. Гоплит, получив копье в бок, охнул и перестал дергаться.

К тому моменту, когда последний воин оказался в двух шагах, Леха успел сдернуть тяжелый второго крепления и швырнул его в набегавшего грека с воплем «На, подержи!». Гоплит прикрылся щитом, но обтесанное бревно было таким тяжелым, что отбросило его назад. Покачнувшись, гоплит все же устоял. Но Ларину большего было и не надо.

Подхватив меч, ударом ноги он распахнул ворота и выскочил в открывшуюся брешь. Солнечный свет на миг ослепил его, но, прищурившись, Леха увидел, что стоит на небольшой площади, с которой дорожка ведет прямо к обширному навесу без стен. Крыша навеса покоилась на мощных столбах, меж которыми виднелись телеги. К площади примыкало еще несколько сараев, лишь позади них адмирал увидел ворота, которые недавно сам штурмовал. До реки отсюда было еще прилично, метров двести.

Справа адмирал заметил шеренги гоплитов, которые вытесняли с площади остатки скифов. Под навесом, между телегами, засели скифские лучники, стрелявшие в атакующих греков. Один из них, заметив адмирала с мечом в руке, вдруг резко развернулся и пустил в него стрелу. Это было так неожиданно, что Леха даже не успел среагировать. Он уже приготовился расстаться с жизнью, но стрела просвистела мимо

плеча и вонзилась в чье-то тело позади него. Обернувшись, Леха заметил грека, который выскочил из ворот и собирался напасть на него сзади. Стрела остановила его на полпути.

— Уходим к башне! — приказал Ларин, мгновенно оценив ситуацию и заметив, что на башне и подступах скифы еще успешно оборонялись.

Повинуясь приказу возникшего словно из ниоткуда адмирала, морпехи стали пятиться и отходить вслед за ним в указанном направлении. По дороге им пришлось пробиться сквозь заслон гоплитов, но, потеряв половину солдат и уничтожив всех, кто стоял у них на пути, скифы все же пробились.

Завидев отступающих, оборонявшиеся открыли им ворота в стене, впуская оставшихся в живых внутрь небольшого возвышения, служившего цитаделью. Центром обороны до сих пор была башня, куда Леха направился первым делом.

— Ну, как у нас дела? — поинтересовался он с невозмутимым видом, возникая рядом с Токсаром, словно вернулся из увеселительной прогулки.

— Мы уж и не думали увидеть вас в живых! — радостно воскликнул бородатый скиф, разглядывая изорванный и окровавленный доспех Ларина. — Греки повсюду!

И он обвел рукой крепость. Леха проследил за указующим Перстом и понял, что Токсар не преувеличивал. После его отступления из центра почти вся крепость, за исключением башни и главных ворот, уже находилась в руках гоплитов. Их круглые щиты и красные плюмажи растеклись по всем закоулкам небольшой крепости. Однако он тут же увидел то, чего Токсар, поглощенный отражением непрерывных атак с горсткой бойцов буквально у себя под ногами, еще не заметил. С далекого холма, блестя на солнце чешуей доспехов, лавиной стекала скифская конница.

— А вот и подмога! — просиял Ларин. — Глянь-ка вон туда!

Но не успел Токсар перевести взгляд, как со стороны берега реки послышался еще один дружный вопль и Леха увидел атаку морпехов, высадившихся с трех кораблей. Этот удар опрокинул стоявшую перед ними фалангу гоплитов, заставив ее отойти под самые стены окруженной и почти захваченной крепости.

Обернувшись на этот вопль, грет, еще находившиеся под стеками, заметали приближавшуюся конницу. Судя по их нервным жестам, он никак не ожидали такого развития событий. Победа уплывала из рук.

— Вот так вот! — сплюнул Леха на камни, уклоняясь от пролетевшего над головой копья. — Сейчас мы покажем вам, где раки зимуют,

Токсар, стоявший рядом, ничего не понял из сказанного адмиралом, поскольку Леха в последнее время завел привычку материться только по-русски. Но мудрый скиф уже давно находился при адмирале и не обращал на эти причуды командования никакого внимания.

Глава одиннадцатая
Огонь и вода

Последний крупный остров в архипелаге они осмотрели на рассвете, обогнув его, как и первый, одновременно с двух сторон. Но если здесь и были вчера римские разведчики, то они уже успели убраться восвояси. Во всяком случае, самый тщательный осмотр возможных мест стоянки ничего не дал.

— Держи курс на Алерию, — приказал слегка разочарованный Федор, ожидавший, что морское сражение на рассвете его слегка развлечет. Он был бодр, и воинственный дух наварха уже требовал выхода, — не завидую я тем римлянам, которые первыми повстречаются у нас на пути.

Объединившись и вытянувшись в две линии, корабли направились указанным курсом. Горизонт был чист, волнение слабое, но ветерок, дувший со стороны Африки, позволял идти флоту под парусами. Для того чтобы преодолеть быстрее нужное расстояние, Чайка пренебрег маскировкой. Так прошло почти полдня, а римляне все не показывались. Ближе к вечеру корабли финикийского флота были уже где-то напротив Неаполя. Здесь Чайка приказал перегруппироваться.

— Передай сигнал на остальные суда, — заявил наварх, услышав от капитана примерные координаты их местонахождения и вглядываясь в дымку по правому борту, которая могла означать только отдаленное побережье Италии. — Первыми в голове колонны, двумя группами, пойдут эскадры триер. Наша и греческая. По семь кораблей в каждой. Их задача начинать бой.

Могадор кивнул, поправив переброшенные через плечо ножны фалькаты.

— Затем, на расстоянии пяти корпусов, все квинкеремы в два ряда.

Федор помолчал немного, присматриваясь к зыбкой дымке, и закончил:

— Замыкают колонну, на том же расстоянии, оставшиеся восемь триер.

Не успел флот перестроиться согласно новой диспозиции, как над кораблем разнесся вопль впередсмотрящего:

— Римляне, слева по борту! Федор, разглядывавший в это время одну из кормовых баллист, у которой немного заедал торсионный механизм, обернулся на крик. Прямо по курсу и

слева он никого не обнаружил. Но чуть позади, отлично высвеченный лучами заходящего солнца, шел караван римских судов. Судя по направлению движения, римляне плыли в Капую или Неаполь, до самого Рима отсюда было еще далековато. Впрочем, это было уже не важно вскоре их курсы должны были пересечься и Чайка намеревался пустить на дно всех, кто плыл на этом караване, выполняя приказ Ганнибала

Когда корабли сблизились и римляне, плывшие абсолютно не таясь, рассмотрели наконец, чей флот перед ними, — до чуткого слуха наварха донесся трубный звук. Римляне готовились к бою. Однако Федора эти приготовления ничуть не страшили, — он уже видел, что перед ним торговый караван из пятнадцати круглых судов-зерновозов под охраной всего лишь восьми триер.

Вероятно, везут хлеб из Сардинии к осажденным войскам в Неаполь, а может быть, еще что съестное, — поделился предположениями с капитаном Федор и пошутил: — Но мы не дадим римлянам вдоволь наесться. Скорее позволим напиться. Приготовиться к бою!

Может быть, — осторожно заметил Могадор, разглядывая такое богатство, что само плыло к ним в руки, — захватить эти корабли и привести к Ганнибалу. Нам тоже римское продовольствие не помешает.

Федор смерил Могадора удивленным взглядом, но сдержался и нехотя пояснил:

— С таким обозом мы далеко не уйдем. Наша задача внушить римлянам страх и сделать так, чтобы они перестали спокойно спать, зная, что уже не хозяева в этих водах. Так что мы будем только топить.

Могадор быстро наклонил голову в знак того, что сболтнул лишнего. Впрочем, Федор не слишком его винил в этом. В других обстоятельствах этот караван иди то, что от него останется после бои, был бы неплохой добычей. Чайка мог бы отправить его под охраной хотя бы на Сицилию, а оттуда куда угодно. Но сейчас было не подходящее время для простой наживы. А, кроме того, пришлось бы разделять свой флот для того, чтобы обеспечить достойный конвой. Федор же считал, что его сила зависит исключительно от общей мощи собственного флота. Случись что — у римлян больше шансов получить здесь помощь по морю, чем у него.

— Приготовиться к бою! — повторил он. — Триерам в хвосте колонны атаковать неприятеля. Они ближе.

Караваны действительно шли почти параллельными курсами, и Чайка решил не разворачивать все свои корабли без особой необходимости, рассчитывая справиться теми, что находились в

арьергарде. Разбить охранение римлян у них должно было хватить сил.

— Еще четыре квинкеремы должны помочь им, а после победы таранить зерновозы, — произнес Федор, когда началась артподготовка и его корабли пошли на сближение с римскими, вытянувшимися вдоль строя зерновозов с одной стороны, — хвала богам, мы пока не встретили серьезного противника.

Однако победные настроения наварха, наблюдавшего с приличного расстояния на разыгравшееся сражение, вскоре сменились некоторой озабоченностью. Римляне бились насмерть, не подпуская финикийцев к зерновозам. Видно, груз был очень дорог им и его ждали на берегу с нетерпением. Чайка не удивился бы, если узнал, что приказ римлянам отдавал сам Марцелл. Эти триеры не были оборудованы корвусами и, умело маневрируя, уходили пока от таранных ударов, нанося противнику значительный урон своими баллистами. После получасового боя две его триеры уже горели, а одна потеряла ход, получив удар тараном в носовую часть. Успехи же карфагенян были почти не заметны, если не считать двух разнесенных в щепки зерновозов, на которые налетели триеры, в пылу атаки промахнувшись мимо римских кораблей.

— Это что такое? — взревел Федор, едва не подпрыгнув на палубе. — Там у меня моряки или кто? Немедленно разбить охранение.

Могадор передал сигнал командующего и к делу подключились квинкеремы. Им удалось поджечь два римских судна, а триерам наконец протаранить еще два. К исходу второго часа, когда солнце уже почти опустилось к поверхности моря, горели или пошли на дно все римские военные суда. Торговцы, видя, что им не пробиться в италийскому побережью, попытались развернуться и уйти обратно в сторону. Сардинии, но Чайка не дал им этого сделать. Кроме того, морские боги были явно на стороне финикийцев, — ветер почти стих, а зерновозы не имели весел, чтобы оторваться от преследования.

Его канониры, получив приказ, просто развлекались, расстреливая из баллист продовольственный запас римских легионов, а моряки триер делали то же самое, тараня беззащитных торговцев на полном ходу. Перед самым закатом от каравана осталась лишь парочка догоравших триер. Зарево от этих огней на почти спокойной глади моря — ветер давно стих — было видно хорошо и очень далеко. Глядя на него, Федор вместо чувства законной гордости от первого удачного сражения вдруг забеспокоился. Ему показалось, что со стороны Рима он увидел силуэты многочисленных военных кораблей, двигавшихся на

огни. В наступивших сумерках его сомнения лишь окрепли.

— Дело сделано, — объявил он Могадору и еще нескольким офицерам, что стояли вокруг него на корме «Ликса», — римляне получили первый урок, но надо двигаться дальше. Уходим отсюда. Ночевать будем в открытом море. Курс прежний.

И финикийский флот, не досчитавшись четырех триер, двинулся дальше, восстановив порядок, которым следовал перед боем.

Ночь прошла спокойно, но вот утро подтвердило худшие опасения Федора. Они находились уже неподалеку от Остии, — морских ворот Рима. А поскольку сам Рим был еще не взят войсками Ганнибала, то здесь просто не могло не быть римских кораблей. Чайка отлично помнил Остию. Именно сюда он когда-то приплыл, еще будучи опционом римских морпехов. Отсюда он отправился на виллу сенатора Марцелла, где увидел его дочь и потерял разум. Из этой же гавани он бежал в Карфаген. Так что, можно сказать, этот небольшой порт в устье Тибра сыграл в его жизни не последнюю роль. Впрочем, поднявшись на палубу, Чайка и не пытался рассмотреть его, — слишком далеко они находились от берега.

Едва рассвело, как финикийцы заметили позади эскадру. Присмотревшись, Федор насчитал не меньше двух десятков корпусов, а нелепые возвышения в носовой части не оставляли сомнений в их принадлежности*

— Римляне, — не особенно удивившись, констатировал наварх, — наверняка идут за нами со вчерашнего вечера. Не зря они мне примерещились еще на закате.

— Квинкеремы, — предположил Могадор, который рассматривал противника, приложив ладонь ко лбу, — все с абордажными мостиками

— Ну да, — протянул в задумчивости Федор, — и доверху набиты морскими пехотинцами.

— У нас солдат не меньше, — осмелился перечить Могадор, — думаю, мы справимся.

— Конечно, справимся, — усмехнулся Федор. — У нас просто нет другого выхода. Они нам его отрезали. Но не для того мы сюда пришли, чтобы сразу отступать. Так что передай приказ готовиться к бою. Пусть наши корабли развернут строй в линию.

Но не успел Могадор подозвать офицера, который служил при штабе наварха для подобных поручений, как раздался вопль впередсмотрящего. — Римляне впереди!

Резко развернувшись, Чайка вперил свирепый взгляд в море прямо перед кораблем и заметил примерно в километре еще одно соединение римлян, шедшее им наперерез.

— Обложили, сволочи! — сплюнул Федор, пересчитывая глазами неприятельские корабли.

Это было соединение примерно из дюжины триер, которые стремительно неслись вперед.

— Идем, как шли, не меняя строя! — процедил он сквозь зубы и, поймав удивленный взгляд капитана, добавил: — Будем пробиваться сквозь эти триеры, а если квинкеремы нас догонят, то довоюем и с ними. Сначала надо разделаться с триерами. Они более быстроходны и опасны. Но их меньше и… — Федор помолчал немного, присматриваясь к кораблям неприятеля, и закончил мысль: — И на них нет абордажных мостиков. Выполнять!

Могадор невольно вздрогнул, подозвал офицера и транслировал приказ наварха. Заиграли трубы, мачты с парусами исчезли на глазах, словно их и не было. Вместо этого открылись порты, из которых в воду вошли весла. По палубе забегали матросы, накрывая шкурами бортовые ограждения и часть самой палубы. Затем появились солдаты с ведрами на веревках. Зачерпнув забортной воды, они быстро окатили палубу, смочив ее для защиты от зажигательных снарядов. Отовсюду раздавались окрики командиров, под которые морпехи выстраивались вдоль бортов. Бряцая оружием, они быстро занимали заранее отработанные позиции.

Видя все эти приготовления, Федор понимал их необходимость. «Драка будет хорошая, — подумал он, глядя, как разворачиваются веером римские триеры для атаки, — жестокая драка, ну да ничего, пора и делом заняться. Вчерашнее сражение было так, для разминки».

— Пора и делом заняться, — повторил он уже вслух, бросив взгляд на капитана, управлявшего Ц кораблем.

— Пора, — согласился Могадор, поглубже надевая шлем на голову, — сегодня мы не останемся просто наблюдателями.

— Не останемся, — подтвердил Чайка, проводя рукой по золотым насечкам ножен фалькаты, — может быть, придется и самим клинком помахать.

Триеры действительно приближались значительно быстрее, чем конвой настигали квинкеремы. Командовавший этим соединением командир отчетливо понимал, что прежде чем ему на помощь придут квинкеремы, ему придется принять на себя всю мощь удара финикийского флота, где даже шедшие в авангарде триеры превосходили его количеством. Чтобы общие силы сравнялись, капитану римлян нужно было пожертвовать собой и остановить продвижение карфагенян, навязав им длительный бой.

Федор отдал приказ собственным триерам нанести первый удар. На его глазах началась ожесточенная перестрелка зажигательными снарядами из баллист, которая быстро закончилась, перейдя в серию молниеносных таранных ударов.

— Три-два, — пробормотал Федор себе поднос, увидев, как его корабли протаранили на одно судно больше. Но тут же римляне взяли реванш, насадив на таран еще две триеры. К его удивлению, даже после тарана римские корабли не стремились расцепиться с финикийскими. Напротив, с римских судов в небо летели абордажные крюки и на палубу карабкались морпехи. Буквально за пятнадцать минут прямо по курсу следования каравана образовалось несколько заграждений из связанных между собой кораблей, что вынудило оставшиеся финикийские триеры раздвинуть строй, чтобы обойти их. В образовавшиеся бреши тут же проскользнуло несколько римских триер и бесстрашно атаковали шедшие вторым эшелоном квинкеремы.

— Открыть стрельбу из всех баллист! — рявкнул Чайка. — Остановить их!

И проворчал себе под нос: «А этот римский капитан далеко не трус и воевать умеет*.:

Но римляне и в артиллерийской дуэли проявили недюжинное умение. Лавируя бешеными зигзагами, две триеры смогли избежать точных попаданий финикийцев и направились прямиком к «Ликсу», опознав в нем флагмана.

— Да они сюда плывут, — с неподдельным удивлением проговорил Федор и выругался по-русски, несказанно удивив капитана. — Твою мать! Как у себя дома, словно мои артиллеристы ослепли.

Баллисты «Ликса» не умолкали ни на мгновение, и канонирам удалось всадить несколько ядер в борта римлян, но казалось, что слова Федора только придали им уверенности. Обе триеры были уже возле флагманского судна и вознамерились таранить его. Спасло лишь мастерство капитана корабля и гребцов. Могадор успел повернуть «Лике» так, что таран одной из римских', триер лишь скользнул по металлической обшивке, а сама она со страшным скрежетом притерлась бортом. «Боже, храни наших корабелов!» — вознес благодарственную молитву богам Чайка, лишний раз вспомнив предусмотрительность финикийских конструкторов, защитивших корабль от таранных ударов металлическими плитами, что крепились у самой воды вдоль всего корпуса

Однако, чтобы избежать другого тарана, пришлось пожертвовать половиной весел.

Поняв, что они промахнулись, римляне в ярости пошли на

абордаж. Такого Федор давно не видел. Со всех сторон в небо взметнулись крюки с острыми концами и две триеры намертво «повисли» на обездвиженной квинкереме. На глазах Чайки несколько крюков угодили прямо в строй мор цехов, и окровавленные тела солдат подтащило к борту, словно загарпуненную рыбу.

— Держать строй! — разнеслась команда по всей палубе, и наварх увидел, как откуда-то снизу вдоль всего борта, словно тараканы из щелей, полезли римские легионеры. Палубы триер были гораздо ниже, но римляне находились в такой ярости, что их это не останавливало. Но и морпе-х и финикийского корабля не собирались отдавать своего преимущества в рукопашном бою. Сомкнув щиты, они с наслаждением рубили руки и головы римских легионеров, пытавшихся взобраться на борт. Так продолжалось довольно долго. Однако вскоре Федор, вокруг которого по приказу Могадора сгрудилось человек двадцать морпехов, заметил, что в стройных рядах его солдат то и дело образуются бреши, словно римляне до сих пор использовали баллисты. Приглядевшись, Федор понял, в чем дело.

На палубе триер, у того места, где должна была стоять мачта, было установлено сразу два стреломета. Хорошо знакомые Чайке по службе у римлян «скорпионы» через головы своих солдат «работали» по морпехам Карфагена. А когда наконец они пробили пару брешей, то в них немедленно вклинились легионеры, развивая наступление.

«Хорошая вещь, эти „скорпионы", — как-то отстраненно подумал Федор, глядя, как римляне пробивают себе дорогу по палубе его корабля сразу с двух сторон, — надо бы взять их на вооружение».

Но прилетевшая вдруг стрела из одного такого «скорпиона» едва не лишила Федора головы, отчего он тут же прекратил любоваться римской техникой. Длинная и массивная стрела вонзилась в грудь стоявшему слева бойцу, пронзив панцирь словно тряпку, и отбросила его метра на три. Это мгновенно отрезвило наварха, приведя в ярость. Он выхватил фалысату и бросился в гущу сражения, кипевшего уже по всей палубе, позабыв о том, что должен еще командовать и морской битвой.

— Останься здесь и следи за водой, — бросил он метнувшемуся было за ним Могадору, у которого при виде римлян тоже руки зачесались срубить несколько голов. — Если что, выдернешь меня!

Могадор нехотя остался. А Федор, забрав десяток морпехов, вместе с ними направился к левому борту, где римляне отвоевали себе уже довольно внушительный плацдарм. Там они оттеснили

финикийцев метров на пять от ограждения и, отбивая все контратаки, стояли насмерть, давая возможность остальным легионерам взобраться на верхнюю палубу. «Этак они смогут и захватить корабль, — смекнул Федор, поднимая круглый шит повыше, — у них же в два раза больше чем у меня солдат. Надо это исправить»

Он появился вовремя. Римляне, накопив уже достаточно бойцов на этом пятачке, перешли в контрнаступление. Не имея возможности вытянуться в линию, они сгрудились клином, на острие которого находился вездесущий центурион, и выдавили морпехов Карфагена почти на середину палубы.

— А ну осади назад, уроды римские! — заорал Федор и, вскинув тяжелую фалькату, с яростью обрушил ее на шлем центуриона

Римский предводитель, напрягшись, еле успел поднять вверх массивный скутум, на металлическое ребро которого и пришелся удар фалькаты. Удар был силен. Федор вложил в него всю ненависть к Риму и его солдатам, вторгшимся на его корабль. Скутум треснул, но не развалился. Фальката разрубила металлический кант, однако щит остался в целости. Зато центурион покачнулся и упал бы назад, если бы его не поддержали, подставив плечо, собственные солдаты. Но, откинувшись назад, он невольно раскрылся, обнажив панцирь. Этого Федору было достаточно. Без зашиты скутума центурион был для него словно голый, хотя его живот и облегал кожаный панцирь с ламбрекенами, а сердце защищала медная пластина.

— Получи — сплюнул он, делая короткий выпад острием фалькаты, и тут же услышал чавкающий звук. Испанский клинок прошел сквозь панцирь не хуже стрелы из «скорпиона».

Римлянин выронил щит, схватившись освободившейся рукой за живот, словно пытался остановить ручеек крови, что, пульсируя, выливалась на палубу из огромной раны. А Федор рубанул его еще раз по плечу и, оттолкнув мертвое тело ногой, крикнул ему вслед:

— Передай своим богам, чтобы всем центурионам выдавали кирасы. Без них вы слабее навозных мух!

Увидев быструю смерть своего центуриона, легионеры набросились на Федора с двух сторон, желая изрубить его на куски, но у них ничего не вышло. Отбив несколько ударов подряд, одного из нападавших он изящным движением насадил на изогнутый клинок фалькаты, а другого убил стоявший рядом морпех.

— За мной, воины! — заорал Федор, внезапно ощутив себя вновь командиром наступающей хилиархии. — За Ганнибала!

Сбросим этих ублюдков в море!

И, увлекая за собой морпехов, первым бросился в самую гущу сражения. Приметив легионера, который держал щит чуть ниже, чем следовало, Федор отбил его встречный удар и сам нанес мощный по плечу. Удар достиг цели. Наплечник просто срезало с плеча легионера, на котором появилась кровь. Римлянин покачнулся, но устоял, даже поднял щит повыше. Новый удар пришелся строго по шлему и оглушил его. В это время Чайка заметил, что позади бойца образовалась небольшая брешь — сразу двое римлян упали там замертво. Не теряя драгоценных секунд, Федор толкнул ногой его шит, и легионер, споткнувшись о тело одного из убитых, рухнул навзничь. Чайка вонзил фалькату ему в живот и, перепрыгнув через поверженного противника, схватился со следующим уже у самого борта.

После этой атаки, римляне были отброшены назад и почти рассеяны. А их прорыв у этого борта ликвидирован. Некоторые легионеры, спасаясь, даже сигали обратно на палубу своей триеры, откуда на них орали собственные офицеры, требуя вернуться назад. Федор увидел, как на его глазах римский опцион в ярости зарезал своего солдата, посмевшего спрыгнуть с палубы квинкеремы.

— Не отступать! — донесся до Чайки его крик по-латыни. — Мы должны захватить этот корабль!

— Ну уж хрен вам! — сплюнул Федор, отбивая слева удар гладия щитом и одновременно справа рассекая хлестким ударом панцирь римского легионера. — Не дождетесь! Это я сейчас приду к вам в гости.

Расправившись с одним из нападавших, Федор саданул по ребрам второго, а когда тот согнулся от боли, нанес удар ребром щита, заставив легионера перелететь через ограждение и рухнуть под ноги тому самому опциону. Римлянин поднял глаза, а когда заметил Чайку, они стали желтыми от злобы. Он замахал руками и стал кому-то указывать на него.

— Подожди, — проскрипел зубами Чайка, — скоро буду.

Федор огляделся по сторонам — его морпехи уже «разобрались» почти со всеми легионерами, — и он решил сам атаковать римскую триеру чтобы добить всех, кто там находился. Однако ему пришлось задержаться на минуту. Едва он успел взяться за ограждение, чтобы перепрыгнуть его как ощутил толчок, от которого вся палуба задрожала и послышался мощный скрежет. Вслед за этим прикрепленная с другого борта канатами вражеская триера вдруг пришла в движение и стала медленно отдаляться. Канаты трещали и лопались, а многие из них были уже перерублены морпехами Карфагена. Наварх заметил, что

проходившая мимо финикийская квинкеремана полном ходу зацепила металлическим багром римский корабль и потащила его за собой, избавляя команду «Ликса» от одной проблемы.

— Отлично! — воскликнул Федор, снова хватаясь за борт. — А с остальными мы как-нибудь управимся. Солдаты, за мной! Захватить триеру! Никого не жалеть!

В этот момент последний канат, сцеплявший его корабль с римской триерой, с треском лопнул, и палуба качнулась под ногами. Федор дернулся, чуть отклонившись в сторону. Это спасло ему жизнь. Мощная стрела просвистела буквально перед его лицом и унеслась в небо. Он повернул голову, заметив своих обидчиков, — у «скорпиона» прыгал от досады тот самый опцион, ругаясь и честя на чем свет стоит своих стрелков, не сумевших попасть в финикийского военачальника.

— Не дергайся! — крикнул ему Федор по-русски. — Я уже иду!

И, ухватившись за абордажную веревку, первым соскользнул на палубу римского корабля. За ним последовало несколько морпехов. Едва его кожаные башмаки коснулись палубы, Чайка метнулся к «скорпиону», но путь ему преградили сразу трое легионеров. Он смело врубился в стену красных щитов, что выросла перед ним, но, прежде чем пробился куда хотел, пришлось повозиться минут пять. Пока он наступал в одиночку, количество римлян утроилось. Но вскоре на помощь ему подоспели морпехи и силы сравнялись. Во время драки Федор бегло осмотрел палубу триеры — римляне потеряли много солдат, и сейчас здесь оставалось не больше трети легионеров.

— Это хорошо, — рассуждал сам с собою вслух Федор, приглаживая фалькатой чей-то шлем, — надолго мы здесь не задержимся.

— Ну, иди сюда! — крикнул он, переходя на латынь, когда все легионеры уже лежали мертвыми на палубе и между ним и тем опционом, что командовал артиллерией корабля, никого не осталось. — Теперь можем поговорить.

— Ты римлянин? — с удивлением заметил опцион, бросаясь к нему навстречу. — Предатель!

— В чем-то ты прав, — философски заметил на это Чайка, отбивая его удар и делая знак остальным морпехам с «Ликса» не вмешиваться в поединок, — но это уже неважно. Зря ты попался на моем пути.

Опцион нанес резкий удар в грудь, который Федор отразил уже изрядно измочаленным шитом. Затем римлянин нанес еще три удара подряд, в ярости молотя по щиту Чайки. И вдруг щит рассыпался на части в руках наварха.

— А! Вот тебе и конец! — обрадовался опцион, перехватывая меч покрепче и нанося новый улар в бок. — Сейчас я пушу тебе кровь!

— Это еще бабушка надвое сказала, — обескуражил его Чайка, вновь переходя на русский.

Он легко отразил этот удар, и затем, когда опцион вновь ринулся вперед очертя голову, схватил фалькату обеими руками и нанес разящий удар по ребрам. Римлянин едва успел прикрыться щитом, но фальката, скользнув по нему, вспорола рукав куртки. От боли опцион выронил скутум, который грохнулся на палубу.

— Ну и кто кому пустил кровь? — продолжал издеваться Федор, видевший, что его подопечные уже уничтожили все сопротивление на корабле и теперь посматривали на ход поединка. — Неужели у вас в Риме перестали делать настоящих солдат, и не нашлось никого, сильнее тебя?

Опцион пыхтел, пытаясь зажать рану, из которой ручьем текла кровь. Она стекала по распоротому рукаву кожаной куртки и капала на грязные доски палубы. Ремешок шлема опциона был разорван, отчего тот съехал на сторону.

— Как поживает Марцелл? — поинтересовался Федор и, взмахнув фалькатой, сшиб шлем с головы перепутанного римлянина точным движением.

Со всех сторон послышался издевательский хохот финикийских морпехов. Опцион в страхе и ярости отступил на несколько шагов к месту, где стоял «скорпион». Его обслуга была уже давно мертва.

— Куда же ты? — громко рассмеялся Чайка, медленно направляясь за ним. — Я еще не закончил с тобой разговор. Или ты способен убивать только издалека? Какие же вы римляне стали трусы.

Доведенный насмешками до полного отчаяния опцион издал дикий крик и, размахивая мечом, бросился на своего противника. Но Федор, не сделав ни одного лишнего движения, встретил его отточенным ударом в грудь. Опцион налетел на острие испанского клинка, пару раз дернулся и затих, опустившись на окровавленную палубу.

— Слабак, — сплюнул Чайка, с презрением посмотрев на мертвое тело опциона и словно призывая в свидетели стоявших рядом солдат, заметил: — Мельчают римляне.

Проходившая на большой скорости мимо квинкерема привлекла его внимание и вывела из секундной задумчивости. Федор вспомнил, что он еще и наварх, а потому должен следить за всей морской битвой. А битва уже разгорелась нешуточная.

Римские квинкеремы догнали его арьергард и там сейчас в небо взлетали огненные шары, а в нескольких местах валил дым от подожженных кораблей. Нужно было срочно понять, что происходит,

— Возвращаемся на корабль, — приказал Чайка стоявшему рядом офицеру. — Захватить эти «скорпионы» с собой. Пригодятся. А саму триеру сжечь.

Офицер кивнул и немедленно отрядил солдат для выполнения команды наварха. А Федор, больше не желая оставаться здесь, вскарабкался по ближайшей свисавшей с борта веревке обратно на палубу собственной квинкеремы. Проходя по ней в сторону кормы, наварх отметил, что во время сражения римлянам удалось вывести из строя две баллисты. «Зато мы вывели из строя два корабля, — усмехнулся про себя Федор, быстрым шагом проходя сквозь морпехов. которые осматривали раненых и убитых, — конечно, «скорпионы» это не баллисты, но хоть отчасти они возместят мне эти потери».

Подумав так, он оглянулся назад. Там его морпехи, обвязав веревками стрелометы, уже втаскивали их на палубу. А команда из десятка бойцов с факелами бегала по палубе римского корабля, стараясь запалить его как можно быстрее.

Глава двенадцатая
Кровавый закат

Ларин решил, что греки немедленно обратятся в бегство, однако по мере приближения морпехов и конницы скифов давление на цитадель только усиливалось. Гоплиты рвались из последних сил выбить оставшихся скифов из цитадели, чтобы занять их место. Последнее наступление было таким мощным, что бойцы греческих полисов — а здесь, судя по щитам, был сводный отряд гоплитов из Истра и Том — лезли на стены, не обращая внимания на стрельбу лучников. Их можно было понять: башню и прилегавшие к ней строения защищало едва ли три десятка бойцов во главе с адмиралом. Баллисты давно молчали. Греки практически уже отбили назад свою крепость, и если не дать морпехам прийти на помощь осажденным, то у них будет шанс продержаться до того момента, когда и к ним придет помощь. Откуда именно она могла прийти, Леха не знал, но могла. Дельта большая, как идут дела у Арсака на втором фронте известий еще не было, да и протока пока была заблокирована лишь со стороны реки. Если греки додумались послать в Истр гонца и там имелись какие-нибудь силы в резерве, то они могли прибыть в любую минуту, и тогда результат сражения никто не смог бы предсказать заранее. Оно и так, на взгляд Ларина, слишком затянулось.

— Хочешь поменяться со мной местами? — рявкнул он, подскакивая к ограждению башни, куда по веревке с крюком вскарабкался один гоплит. — Не торопись!

И хлестким ударом меча отправил грека в обратный полет к выложенной камнями улочке, что примыкала снизу к башне. Сорвавшись, грек пролетел положенные метры, рухнул на головы своим собратьям. Но не успел Леха разделаться с одним, как увидел другого, что карабкался чуть правее, закинув шит за спину. Не дожидаясь, пока падут более низкие укрепления, гоплиты предприняли штурм самой башни, не считаясь с потерями.

— Как меня достали эти альпинисты, — пробормотал Ларин, перехватывая клинок покрепче.

Однако второго гоплита «снял» лучник, но не стрелой, а своим топориком. Дождавшись, пока тот вскарабкается на самый верх.

В этот момент со стороны главных ворот раздались новые

крики, и ворота закачались. Морпехи снаружи продолжали наседать, но скифы в цитадели не могли впустить помощь, поскольку между ними и воротам и находилось еще человек пятьдесят гоплитов. Ларин понял, что им может не хватить совсем немного времени, чтобы дожить до встречи на Эльбе. Слишком уж яростно атаковали греки.

— Токсар, отзывай всех, кто выжил, сюда, на башню! — крикнул Леха своему помощнику, который только что зарубил очередного противника и ударом ноги сбросил его вниз. — Даже от ворот. Будем держаться здесь.

Обернувшись на крик командира, бородач кивнул. А затем сбежал по лестнице вниз, откуда вскоре вернулся с пополнением из семи человек. Среди них был насмерть перепуганный Каранадис, которого совсем не прельщала перспектива повстречаться с разъяренными соплеменниками. Пощады в случае победы греков можно было не ждать.

— Это все? — уточнил Леха, обводя взглядом остатки своих сил. На Каранадиса он даже не глянул,

— Все, — угрюмо кивнул бородач, — дверь внизу мы закрыли, сломать не смогут.

— Значит, будем ждать гостей здесь, — усмехнулся адмирал, чьи изорванные доспехи были измазаны кровью врагов, — подтащите баллисты к самому краю стены, пусть служат дополнительным прикрытием. Если что, приготовьтесь сбросить их вниз.

Был ли он сам ранен, Леха в пылу боя не чувствовал, руки-ноги целы и то ладно. Если выживем, разберемся. Пока часть солдат выполняла его приказание, оставшиеся уже отбивались от греков, которые, захватив близлежащие постройки и крыши, налезли вверх с утроенной энергией. Башня оставалась последним островком в море вражеских солдат, затопившем все остальные постройки крепости.

Когда над головами стали свистеть копья, которые гоплиты метали в них снизу в надежде поразить наугад, и двое солдат рухнуло замертво, убитые в спину, Леха приказал сбросить одну из баллист вниз.

— Навались! — скомандовал адмирал, первым хватаясь за раму из тяжелых обтесанных балок. — Отправим этот подарок гоплитам. Посмотрим, насколько крепкие у них головы.

Когда баллиста, тяжело перевалившись через зубцы, опрокинулась вниз, оттуда раздались душераздирающие крики. Осторожно, чтобы не словить копье в грудь, Ларин выглянул между зубцами и увидел человек пять мертвых гоплитов, что лежали в нелепых позах под обломками рассыпавшейся от удара

о камни машины.

— Это был ее лучший выстрел, — усмехнулся Ларин и вдруг услышал рев, а затем увидел, как внешние ворота опрокинулись и в крепость хлынули скифские морпехи, сметая на своем пути остатки греческих сил.

Одновременно с этим конница скифов достигла крепости и, вылетев наверх из оврага, попыталась сходу атаковать выстроенную вдоль стены для боя фалангу из оставшихся греческих гоплитов. Солдат хватило лишь на строй в четыре человека в глубину, но они выстроились за частоколом, который был преградой для конницы. Впрочем, это ненадолго отсрочило конец сражения. Конница окружила крепость и, заблокировав все пути отступления грекам, предоставила морпехам выгнать их из укрытия. Что те и сделали, предварительно выдавив гоплитов из самих стен. А уж когда пехота попала под удар всадников Аргима, то сражение, едва не выигранное греками, превратилось в разгром.

— Хвала богам, они успели вовремя, — выдохнул Ларин, опуская меч и прислоняясь к зубцу стены.

Но, едва переведя дух, адмирал уже раздавал новые приказания.

— Токсар, пусть немедленно узнают, здесь ли сам Аргим. Я хочу его видеть. Прикажи разобрать завалы на протоке, чтобы мог пройти флот. И заодно пришлите ко мне капитанов кораблей.

Он перевел взгляд на дымившиеся останки квинкеремы, отлично различимые отсюда, и пробормотал себе под нос:

— Нужно двигаться дальше.

Однако до самого вечера адмирал был вынужден оставаться здесь. Поговорив с Аргимом, который вскоре прибыл из-за холмов с известием, что ему удалось рассеять вражескую конницу, Ларин остался доволен. Совместная сухопутно-морская операция удалась на славу. Вся прилегавшая часть дельты Истра была очищена от солдат и кораблей неприятеля. Мост сожжен. А большой отряд гоплитов и конницы греков разбит наголову. Пленные офицеры из Том, которых допрашивал лично Ларин, не таясь, рассказали, что ошиблись, ожидая главный удар по другому руслу Именно там они расположили большинство своих сил. Нои здесь военачальники двух городов, совместными усилиями защищавшие протоку, ведущую к Истру, выставили для охраны канала достаточно Они были сильную армию. уверены, что остановят продвижение скифов, но просчитались. Прорыв Ларина сквозь наплавной мост, считавшийся неприступным, и особенно огненные струи, которыми он сжег несколько кораблей, произвели на оборонявшихся неизгладимое впечатление, даже

парализовав оборону в первое время.

— Вы что, не знали, кто командует армией? — куражился Ларин, упиваясь победой, унесшей сотни жизней и едва не стоившей жизни ему самому. — Вы думали, что я не смогу вышибить вас отсюда? Запомните, это земля скифов! Отныне и навсегда. И нам помогают боги. А ваши боги оставили вас.

Пока солдаты разбирали завалы, чтобы оставшиеся корабли смогли войти в протоку, адмирал провел разведку в близлежащих землях. Посланные вниз по реке конные разъезды доложили, вернувшись к вечеру, что река свободна как мини-кум на полдня пути. Никаких крупных сил неприятеля там не наблюдалось, лишь небольшие отряды всадников, которые отказывались вступать в бой. Но скифам все же удалось взять в плен нескольких из них. Эти пленные рассказали, что в глубине дельты произошло еще одно крупное сражение, но точных сведений о том, кто же выиграл его, у них не было.

Перед самым закатом, когда флот уже был готов двигаться дальше, неожиданно появились гонцы от Арсака. Они привезли Ларину послание о том, что состоялась ожесточенная битва с греками, в результате которой погибли почти все скифские корабли, но и греческий флот тоже был сожжен дотла. Лишь нескольким триерам удалось уйти в сторону моря. Всадники продолжают преследование противника берегом по всей дельте, где еще остаются разрозненные силы греческой пехоты и конницы. Сам же Арсак встал лагерем в среднем течении и ждет дальнейших приказов.

— Ну что же, — размышлял вслух Ларин, сидя на берегу у костра в компании Токсара и Аргима, — судя по всему, греки, получив хорошего пинка, отошли в сторону моря, либо вообще вышли в него и направились к своим городам, решив больше не защищать дельту. Арсак заставил отступить превосходящие силы врагов.

Адмирал пил вино и отдыхал, созерцая закат. Удивительно спокойный и безветренный вечер опускался на землю, словно боги давали возможность бойцам отдохнуть после жестокой битвы. Каранадис уже давно напился и спал мертвецким сном прямо на траве у канала. Он не смог спокойно вынести столько опасностей за короткий срок, угрожавших его жизни. Но Ларин и не винил оружейника. Особенно после того как услышал признание пленных офицеров насчет божественного огня, поразившего их корабли.

«Впрочем, новостей на этот счет еще не хватает, — подумал Ларин уже про себя, — может быть, все выглядит не так радужно и где-то в протоках еще скрываются триеры этих проклятых

греков. Но даже если и так, им не долго осталось там прятаться. Мы уже победили. Хребет сломали. Дельта, считай, моя. Осталось лишь кое-что подчистить».

Никакие соображения не могли теперь омрачить его победного настроения.

— Завтра на рассвете отправь еще отряд конницы на помощь Арсаку, — приказал Ларин скифскому военачальнику, который ведал всадниками, — здесь тоже оставим кое-кого. А все уцелевшие корабли на рассвете уйдут со мной дальше. Нужно атаковать укрепления Истра, пока они не подготовились к встрече.

— Отправлю, — кивнул Аргим, доедая ножку только что зажаренного барашка, — ты думаешь, что греки еще не знают о разгроме?

— Даже если и знают, — отмахнулся Ларин, — не беда. Они ведь уверены, что я пойду вниз к морю и еще долго буду воевать здесь. А я не буду. Это сделают твои всадники и Арсак. У него осталось пара триер и биремы. Ничего, пока хватит. От него больше ничего особенного и не требуется. Сиди себе и жди. Мое письмо должно было уже достичь Тиры, а это значит, что сюда уже плывет новый флот. Арсак продержится. Мы же тем временем неожиданно нагрянем под стены Истра. Так что, когда прибудет флот, он спокойно займет дельту и надежно запечатает ее. А там поглядим.

Уйдя в размышления, адмирал обернулся в поисках своего оружейника и рявкнул:

— Эй, Каранадис, где катапульта Архимеда?! Но, узрев пьяного грека неподалеку, усмехнулся:

— Спи, заслужил.

Глава тринадцатая
Остров Илва

— Как идет сражение? — поинтересовался Федор, останавливаясь на корме рядом с Могадором, неотрывно смотревшем в море.

— С триерами покончено, — не оборачиваясь, ответил капитан, словно боялся пропустить что-то очень важное, — мы потеряли пять кораблей, римляне все, что атаковали нас.

— А кроме того, им едва не удалось захватить наш корабль, — проворчал Федор, мельком осматривая волны прямо по курсу.

Там, сцепленные намертво, дымили три связки кораблей и плавало на боку еще несколько. В море плескалось бесчисленное количество легионеров, цеплявшихся за обломки. А кое-где и финикийских моряков, но их вылавливали проходившие мимо квинкеремы, добивая одновременно всех римлян, что попадались на пути.

— Так, путь свободен, — кивнул Федор, удовлетворившись увиденным, — что там у нас позади происходит?

— Их квинкеремы догнали нас. Римляне разделились на две части и напали на последние корабли каравана, — спешно пояснил Могадор, посматривая то на Федора, то на отдаленное сражение, — один удар пришелся на греков Евсида, другой — на сами квинкеремы. Сражение идет мощное.

— Сколько их? — уточнил Федор, пытаясь рассмотреть в дыму лавировавшие корабли противника.

— Трудно сказать, — протянул Могадор, — похоже, около двадцати квинкерем.

— Если так, — решил Федор, — то наши силы почти равны, и пройдет совсем немного времени, как мы опять вступим в сражение.

— Согласен, — кивнул Могадор, — слишком уж мощный удар они нанесли. Трудно сдержать.

— Ничего, сдержим, — отмахнулся Федор, напряженно всматриваясь в туманную дымку, которой полагалось быть италийским берегом, — главное, чтобы оттуда к нашим друзьям не подоспело еще какое-нибудь подкрепление. Вот тогда действительно придется туго.

Однако им повезло. Несмотря на то, что ожесточенное сражение продолжалось почти до самого вечера, подкрепление к

римлянам так и не подошло. Возможно, никто не знал, где римский флот встретился с финикийским. Ведь большая его часть преследовала караван Федора еще со вчерашнего вечера. Хотя, глядя на многочисленные дымы от полыхавших кораблей, поднимавшиеся до самого неба, Чайке казалось, что не заметить их место встречи было просто невозможно даже с берега. Из самой Остии. И потому наварх допускал, что, вероятнее всего, у римлян просто не нашлось в этот момент свободных кораблей, чтобы прислать на выручку своим эскадрам, уже принявшим участие в сражении. Иначе это давно бы уже произошло.

— Уверен, давно такого веселья не было у этих берегов, — насмехался Федор, понимая, что они медленно, но все же одолевают римлян в сражении, где особенно отличились греки Евсида. — Интересно, кто командует их флотом, уж не сам ли Марцелл?

— Флагман мы уже сожгли, — с гордостью поделился информацией капитан «Ликса», который все еще не вступал в новый бой, находясь чуть в стороне от главных событий, — никаких сведений больше не поступало. А сейчас вообще трудно что-либо разобрать.

— Жаль, — искренне огорчился наварх, погладив ножны своей окровавленной фалькаты, и добавил вполголоса: — Я бы с удовольствием с ним повстречался и поговорил по душам, как с тем опционом. Накопились вопросы.

Надо сказать, в схватке с двумя триерами «Ликс» получил небольшие повреждения, которые сейчас матросы пытались залатать собственными силами, к счастью, пробоин не было, и самым серьезным оказалась потеря большой части весел по правому борту. Но на любом корабле всегда имелся некоторый запас весел. Поэтому Могадор, занявшись этим, — пока наварх сам наблюдал и руководил ходом сражения прибывавших то и дело на лодках офицеров связи, восстановил ход «Ликса». Часть весел замелили на новые, еще часть передали с другого борта так, чтобы уравнять количество гребцов. Но некоторые весельные порты ближе к норма так и остались свободными» Так что в итоге флагман снопа был на ходу и мог выжимать почти нормальный ход. Достаточный для плавании, хотя и не вполне подходящий для маневрирования в бою.

Тем не менее «Ликсу» все же пришлось еще рвя столкнуться с римской атакой. Когда к исходу дни одна квинкерема противника прорвала строй охранения флагмана и попыталась нанести удар по нему. Римский корабль сам был уже но в лучшем виде да еще артиллеристы «Ликса» на этот раз оказались на высоте. В конечном итоге флагман двинулся навстречу противнику, на

палубе которого уже начался пожар и, совершив удачный маневр, добил его таранным ударом. Могадор лишний раз доказал свое умение управлять кораблем, в каком бы виде он не находился.

— Молодец, — похвалил своего капитана Чайка, когда римская квинкерема завалилась набок и с ее палубы в воду посыпались орудия и легионеры, — умеешь воевать.

Между тем жестокий бой продолжался еще некоторое время. Римляне, строй которых был разбит и рассыпан, тем не менее дрались яростно и подожгли почти половину кораблей финикийцем Поэтому, когда сражение все же завершилось. Федор не удержался от сарказма, разглядывая результаты морского побоища у берегов Остии. На первый взгляд на ходу оставалось не больше трети его флота, а то и меньше,

— Еще одна такая победа, — вздохнул он, и я останусь без флота. Передать на уцелевшие корабли: подобрать всех, кто еще жив, и немедленно уходить из этого района.

— Какой курс? — уточнил капитан, видимо не уверенный, что наварх решит продолжать плавание с такими силами.

Но Чайка не задержался с ответом.

— Курс прежний, — удивил его Федор, — мы еще не все дела сделали в этой акватории.

До самой темноты больше ни один римский корабль не появлялся. Проведя эту ночь в море, хвала богам шторма не случилось, следующие несколько дней они плыли вдоль берегов Этрурии. Плыли на значительном удалении, чтобы не мозолить глаза береговой охране. Воды были самые что ни на есть римские, те, которые они давно считали внутренними. И Чайка не без основания опасался встречи с еще одним большим римским флотом, но все же решил продолжить плавание в сторону Генуи. Очень уж ему хотелось и там хоть немного отметиться. Чтобы до Рима дошла весть» как в его водах, под самым носом у сената, от Сицилии до Северной Италии, запросто действуют корабли Ганнибала.

Этих кораблей после кровопролитного сражения осталось совсем немного — шесть квинкерем, включая «Ликес» и девять триер, две ив которых принадлежали грекам. Евсид был ранен, но жив и продолжал командовать своими кораблями. Федор лично похвалил его за храбрость и даже обсудил с ним возможность отпранки двух греческих триер обратно в Сиракузы, но Евсид отказался.

— Мы пойдем с вами до конца и либо вернемся со славой, либо погибнем вместе, — ответил раненый грек, так мне приказал Ферон.

Чайка не стал спорить. Да и грех было отсылать таких вояк,

которые утопили в прошлом бою не одну квинкерему римлян. Строго говора, после большого сражения Федор мог считать свою миссию выполненной. Бой произошел невдалеке от самого Рима, до которого весть дойдет вскорости. Кораблей противника было уничтожено достаточно. Да своих потеряно немало. Новая встреча с крупными силами не сулила ничего хорошего. И вес же что-то подталкивало Чайку плыть дальше. Внутренний голос нашептывал ему, что еще представится удачная возможность насолить римлянам и выйти живым. И он плыл дальше.

Берега Этрурии были ему немного знакомы, — но с другой стороны. Проходил он как-то по суше невдалеке от этих берегов, когда армии Ганнибала форсировала болота Клусия и неожиданно оказалась в тылу римских легионов, которые потом благополучно рассеяла у Тразиентского озера.

Этрурия. Как припомнил Федор, любивший в прошлой жизни почитывать книги по истории, именно атому государству в древности принадлежала маленькая деревенька под названием Рим. Затем по недосмотру парей эта деревенька окрепла, превратилась в город и начала войну за независимость. А потом стала порабощать соседей, почему-то тоже желавших жить независимо. Закончилось все порабощением самой Этрурии, ставшей затем римской провинцией.

«Да, — вздохнул Федор в тон своим мыслям, — не досмотрели тогда местные царьки за своими подданными. Глядишь, сейчас и проблем бы не было с этими римлянами. Пахали бы себе огороды, как в старину, и в ус не дули».

Через пару дней благополучного плавания, за время которого небольшой флот не встретил римских кораблей, они приблизились к довольно большому острову, берега которого казались пустынными. Дело было к вечеру. Погода начинала портиться. Над водой висела легкая взвесь, затруднявшая видимость.

— Попробуем пристать к берегу на ночевку, — объявил Федор, долгое время присматривавшийся к берегам острова.

— Пристать? — не поверил своим ушам Могадор, которого такая показная безрассудность даже подвигла на неповиновение. — Но ведь это римский остров. На нем наверняка есть деревни и, быть может, города, в которых стоят римские суда, не говоря уже о гарнизонах.

— Что это за остров? — спросил напрямик Федор, казалось, ничуть не испугавшись перспективы встретиться с римлянами на суше.

— Думаю, что это должен быть остров Илва, — предположил капитан, — если до сих пор мы держали курс на Алерию, то,

значит, немного сбились с него. Корсика уже совсем близко, если повернуть налево и обойти остров, то как раз и упремся. А если плыть направо, то можем вообще увидеть берег Этрурии. От Илвы до него совсем близко.

— Илва, — в задумчивости пробормотал Федор, словно смакуя это название, которое что-то ему говорило, — Илва… в двух шагах от Корсики.

И вдруг его осенило. Чуть позже этот остров будет называться Эльбой и здесь проведет свои последние дни один известный французский военачальник, после неудачного похода на Русь. Это обстоятельство еще больше убедило Федора поступить вразрез с логикой. В этом походе он вообще предпочитал не думать, а полагаться на интуицию. Вот и сейчас ему показалось, что обязательно нужно пристать к берегу.

— Мы будем здесь ночевать, — приказал он, — найди подходящую бухту, чтобы мы не сразу бросались в глаза, и приставай. Боги помогут нам.

Могадор смерил Федора изумленным взглядом, но перечить не стал, видимо решив, что наварх управляют те самые боги, которые до сих пор дарили им удачу.

И действительно, бухта нашлась довольно быстро. Она была узкая, но неглубокая и вполне удобная. Корабли Федора вошли в нее как раз перед самым закатом. Вытащив на берег суда, команды развели костры с разрешения Федора. Могадор продолжал молча выполнять команды, но по его лицу было видно — большего безрассудства он еще не встречал. Костры могли заметить с окрестных гор. Но Чайка успокоил его — опустившаяся облачность укроет их от посторонних взглядов и с моря и гор, а кроме того, скалы вокруг достаточно высокие. Но разведчиков велел разослать, осмотреться поблизости.

Бойцы вернулись через несколько часов, когда наварх уже собирался отойти ко сну. Выяснилось, что берег пустынен на несколько стадий в обе стороны.

— Ну и отлично, — решил Федор, — дальше исследовать остров будем завтра. А сейчас всем поесть, выставить патрули и спать. Моряки заслужили отдых.

Нельзя сказать, что Могадор и остальные моряки были против. Долгое плавание и ночевки в море изрядно утомили команды, которые жили на палубах уже вторую неделю. И этот отдых на берегу, пусть и посреди вражеской земли, они приняли с благодарностью.

На следующее утро разведчики нашли недалеко перевал и, вернувшись с него, сообщили удивительные новости. Оказывается, караван финикийцев заночевал на внешней стороне

хребта, внутри которого располагалась бухта, отлично различимая с перевала. А вокруг этой бухты раскинулся небольшой город.

— Город? — удивился Федор, словно и предположить не мог, что здесь бывают города. — Что же, это отлично. Я хочу на него взглянуть сам.

И отправился вместе с бойцами на перевал. Отгула он действительно увидел небольшой городишко, в бухте которого вольготно расположились две ни о чем не подозревавшие римские триеры и множество рыбацких лодок. Немало лодок уже вышли в морс и скоро должны были появиться и с этой стороны острова. Едва увидев все это, Федор понял, зачем боги привели его сюда.

«Вот он, отличный случай, — подумал Чайка, спускаясь вниз по тропе, — солдат здесь немного. Мы нападем и сожжем дотла это поселение. Это будет отличный сигнал Риму. А если все пройдет удачно, то до Генуи и не нужно будет пробиваться. Повернем назад».

Вислушав приказ наварха, Могадор просиял. Идея ему понравилась.

— Сжечь город прямо под носом у римлян — это отлично» — подтвердил он свое согласие с Чайкой, — это будет дерзко. И сенаторы просто лопнут от злости.

Выступаем немедленно, — приказал Федор, — налет на город должен пройти очень быстро. Сходу. Чтобы никто и не успел сообразить.

— Главное, чтобы другие римские корабли случайно не прибыли сюда, — поделился опасениями Могадор, когда они с Федором уже выходили на корабле из гавани, — с той стороны острова открывается пролив между Илвой и Корсикой, которым римляне часто пользуются, когда плывут в сторону Генуи. Пролив широкий, но они любят держаться вдоль берегов.

— Ничего, мы налетим быстрее ветра, — успокоил его Федор, — а те два корабля, что стоят в бухте, не будут нам помехой.

Как Федор напророчил, так все и случилось. Могадор лишний раз убедился, что боги любят наварха. Когда флот финикийцев неожиданно появился из-за скалистого мыса, первыми его встречали рыбацкие лодки. Федору врезалось в память морщинистое лицо старика, который в изумлении уставился на проходивший мимо военный корабль, распугавший ему всю рыбу. То, что на кораблях находятся лютые враги римлян, он понял лишь тогда, когда триеры ворвались в гавань. На рыбацкие лодки в море Федор приказал внимания не обращать. Основной улов

финикийцев ждал в городе.

Римские моряки, расслаблявшиеся на солнышке, тоже не сразу сообразили, кто приплыл к ним в гости. Ведь финикийский флот не появлялся в этих местах уже очень давно. А когда сообразили, было уже поздно. Обе римские триеры были протаранены и сожжены, для пущего удовольствия. А бросившихся врассыпную легионеров добивал высаженный десант. Ворвавшись в гавань, не имевшую крепостных стен и цепных ограждений, финикийские корабли обстреляли из своих метательных орудий все амбары и склады, вызвав там настоящее буйство огня. Небольшое укрепление, служившее местной цитаделью, тоже удалось захватить врасплох. Гарнизон там оказался небольшим и был уничтожен подоспевшими морпехами. Жители бросились наутек в горы, но Чайка не стал их преследовать. Основная цель нападения была достигнута.

— Ну что же, — с удовлетворением отметил Федор, глядя на пожарище, полыхавшее уже по всему городу, с борта «Ликса», — дело сделано. Караван с зерном уничтожен, большой флот разгромлен прямо напротив Рима, прибрежное поселение на главном морском пути сожжено. Хорошо погуляли. Можно и домой возвращаться. Ганнибал будет доволен. А Генуя подождет.

Уже покинув уничтоженный город и оставив Илву, Чайка заметил позади своего каравана на горизонте многочисленные силуэты римских квинкерем. Какой-то большой флот шел проливом вдоль корсиканских берегов. Но встречаться с ним Федор уже не имел никакого желания. Весь день они плыли открытым морем под парусами, стремясь оторваться. А наступившая ночь окончательно укрыла их от преследования.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Взять Карфаген!

Глава первая
Похитители

К стенам Тарента на этот раз «Ликс» приблизился лишь к вечеру. В тот час, когда приветливое южное солнце уже ласкает кожу, а не стремится ее сжечь. Терзавшая весь день моряков невыносимая жара спала. В предзакатных лучах скалистый берег, поросший кое-где деревьями, казался немного смазанным от накопившегося за день тепла, которое теперь отдавал обратно. Да и сам город, раскинувшийся на холмах, был окутан дымкой и от этого казался Федору, с наслаждением взиравшему на родные берега, еще более романтическим.

«Скоро я увижу Юлию и сына, — мечтал наварх, влюбленными глазами глядя на приближавшиеся крепостные стены, — обниму их. Как же я по ним соскучился со всей этой войной».

Скользнув взглядом по обветренному лицу Могадора, распекавшего матросов, он обернулся назад, где шли все уцелевшие после победоносного похода корабли. Тут Чайка поймал себя на мысли, что умудрился привести назад почти треть флота, побывавшего в ожесточенных боях. Две греческие триеры уже давно оставили их, отвернув к

Сиракузам, едва они миновали узкий пролив между Италией и благодатным островом. Но и без них корабли Чайки все еще представляли ощутимую угрозу для римлян, которых, к счастью, в прибрежных водах Тарента им не повстречалось.

В душе Федор уже хотел успокоиться, шагнуть на берег и оказаться в объятиях своей красавицы, позабыв обо всем, что случилось за последние недели. Однако, чем ближе караван подходил к берегу, тем больше Чайка почему-то испытывал беспокойство. Сначала смутное, а затем все более четкое. Когда же корабль оказался на расстоянии выстрела баллисты от морских ворот, наварх понял, что его так обеспокоило. Вся крепостная стена несла на себе следы мощных разрушений и пожара.

— Когда мы уходили отсюда, разрушений было гораздо меньше, — поделился соображениями Могадор, тоже заметивший все это.

А когда им стали лучше видны прибрежные кварталы, добавил, внеся в душу Федора смятение:

— Город в наших руках, но, похоже, на этот раз римляне

прорвались в гавань и навели там шороху.

Чайка впился пристальным взглядом в обгоревшие остовы бараков торговой гавани, когда корабль медленно преодолевал бухту, невольно отметив три полупритопленных «торговца», а затем перевел взгляд на застроенный особняками берег, в надежде, что туда-то римляне не добрались. Но и там повсюду были заметны следы войны. Два особняка, принадлежавшие высшим офицерам Атарбала, почти лишились внешних стен. А еще один был черным от произошедшего пожара и смотрел на мир пустыми глазницами своих окон, предъявляя всем остов обгорелой и обвалившейся крыши. К счастью, дом Чайки выглядел не пострадавшим. Федор осторожно выдохнул, но внезапно возникший страх все еще не покинул его.

В порту и на улицах тоже бросалось в глаза множество следов пребывания вражеских солдат в городе: перевернутые повозки, еще неубранные трупы людей и лошадей. Повсюду копошились специальные команды, разбиравшие завалы и приводившие город в порядок. Военный флот был на месте, хотя тоже выглядел потрепанным.

Этот новый штурм произошел совсем недавно, — высказал предположение Федор, пока «Лике» швартовался в военной гавани, — вернись мы на пару дней раньше и, возможно, смогли бы помешать римлянам.

Думаете, это сделали римляне? ~ уточнил Могадор, указав на берег, где по набережной местные жители везли на телегетрупы врагов. — Что-то говорит мне, что в этом штурме участвовали и другие войска.

Приглядевшись, Федор с удивлением отмстил, что на телеге вперемешку *с* телами легионеров лежали солдаты, одетые в кожаныедоспехи, очень похожие нате, что носила армия Карфагена. Вряд ли финикийцы стали бы относиться так неуважительно к собственным солдатам, особенно после смерти. А это могло означать только одно — в этом штурме участвовали карфагеняне, стоявшие за сенат.

«Неужели Магон уже привел свой план в исполнение? — еще больше напрягся Федор. — Надо немедленно посетить Ганнибала и все узнать. Хотя нет, сначала домой, убедиться, что с Юлией все в порядке».

— Ганнибал жив? — напрямик спросил Чайка морского офицера, который встречал их караван у сходней на набережной с охраной из десяти бойцов.

— Хвала богам, жив, — ответил офицер, даже вздрогнув от такого предположения, — хотя во время вчерашнего нападения сам водил войска в контратаку и снес немало голов римлян и

этих… изменников.

«Значит, Могадор прав, — промелькнуло в голове у наварха, — и посланцы метрополии уже побывали здесь».

— Вчерашнего? — уточнил еще более удивленный Федор, поправляя ремни амуниции, малость поистрепавшейся за время недавних боев. — Значит, мы опоздали всего на день. Он сейчас в городе?

— Да, — кивнул офицер, указав в сторону замка нового тирана, который издали выглядел непострадавшим, — должен быть у себя. Хотя мне он не отчитывается, так что вам стоит самому нанести ему визит, если пожелаете.

— Нанесем, — закончил разговор Федор и, обернувшись к Могадору, добавил: — Ты займись кораблями и людьми. А я должен посетить Ганнибала. Немедленно.

— Расскажите ему, как мы славно бились, — напутствовал наварха командир «Ликса».

— Непременно, — бросил Федор уже на ходу, покидая пристань.

Прогулка по улицам пережившего вторжение города ничуть не способствовала поднятию духа, скорее заставила Федора лишь больше обеспокоиться. Повсюду был слышен запах гари и видны следы крови. А кое-где еще валялись неубранные трупы. Проходя только по нижнему городу, Чайка насчитал штук двадцать таких. Особенно ему запомнился римский легионер, лежавший раскинув руки на ступеньках харчевни. Из груди его торчала рукоять кинжала. Хоть и не мечом, но, судя по всему, удар был нанесен с такой яростью, что пробил панцирь.

Повсюду суетились люди, перетаскивая трупы к кострам в отхожих местах, где они сжигались. Но убитых все равно было слишком много. «Да, жуткая была драка, — думал Федор, опережая очередную телегу с убитыми, которая приблизилась к костру, — видно» наши враги не на шутку вознамерились выкурить нас из Тарента».

Солнце скоро должно было зайти, и зажженные по всему городу костры только приближали ночь, сгущая сумрак вокруг. Однако до своего дома Чайка добрался еще засветло. Миновав полуразрушенные особняки соседей, у которых толпились уцелевшие слуги, разбирая завалы, Чайка наконец приблизился к своему дому. И чем ближе он подходил, тем медленнее становился его шаг.

Издалека особняк выглядел целым, но вблизи в глаза бросилось то, что скрыло от них расстояние. На колоннах портиков зияли свежие выбоины от камней и скользящих ударов мечом. Двери в особняк были выломаны.

Оказавшись у входа, Федор увидел согбенную фигуру, сидевшую на мраморных ступенях, и сразу узнал в ней Клеоппа. Плечи тщедушного слуги как-то странно подрагивали, хотя он не издавал ни одного звука. И лишь приблизившись вплотную, Федор понял, что он плачет.

— Клеопп… — осторожно позвал Чайка, словно боялся побеспокоить своего слугу, и вдруг заметил тело мертвой служанки, лежавшее между колонн. Она была изрублена в куски, а на ступенях под ней запеклась лужа крови.

Грек прекратил содрогаться и поднял голову, узнав этот голос.

— Хозяин… — ответил он также тихо, — вы вернулись. Слишком поздно…

— Что ты сказал?! — взревел Федор от страшного предчувствия, и, толкнув его рукой в грудь, повалил слугу на ступени.

Клеопп безвольно опрокинулся на спину, приготовившись к смерти. Он даже не стремился закрыться руками, когда Чайка, обезумев, выхватил фалькату и занес ее над головой слуги. Клеопп лишь смотрел немигающим взглядом мимо Федора в небо над головой.

— Говори, что здесь произошло! — потребовал Чайка, еле сдержав свою руку и больше всего на свете боясь услышать ответ.

— Солдаты… — прошептал слуга еле слышно, словно находился в полузабытьи, — они напали на наш дом и похитили госпожу с вашим сыном.

— Римляне?!!! — взревел Федор. — Римляне похитили Юлию?

Чтобы как-то погасить вспышку дикой ярости, Чайка изо всей силы саданул клинком по ступеньке, вышибая искры рядом с головой Клеоппа. Затем сознание его помутилось. Отбросив со звоном фалькату в сторону, Федор вбежал в дом и увидел картину дикого разрушения. Вся мебель была перевернута вверх дном, разрублена или просто разбита. Все вазы, так любимые Юлией, были опрокинуты на пол. Среди черепков лежало еще несколько тел убитых слуг и финикийских охранников, пытавшихся защитить его дом.

— Ю-ли-я!!! — прокричал Федор, и голос его разнесся эхом по пустым закоулкам огромного дома. — Сынок! Где вы?!!!

Взревев, словно раненый вепрь, Федор бросился наверх по лестнице, где ему была знакома каждая ступенька, и ворвался в спальню. Здесь среди раздавленных армейскими башмаками цветов, которые тоже валялись на полу, лежала еще одна мертвая служанка. Судя по разодранной одежде, над ней надругались

прямо здесь, на полу, среди грязи и обломков. А потом убили, перерезав горла

Потеряв дар речи, словно во сне, Федор долго бродил по комнатам и везде искал Юлию и сына, но не находил их. Он не помнил, как вышел из дома и вновь оказался на ступеньках. Здесь он принялся нервно ходить из конца в конец, и остановился лишь, когда едва не наступил подошвой башмака в кровавое месиво, оставшееся от тела служанки. Только тут он услышал, что Клеопп пробормотал фразу, не сразу дошедшую до его сознания.

— Это были не римляне, господин…

Чайка обхватил еще не отдавшую дневное тепло колонну и простоял так несколько минут. По его обветренному лицу текли слезы. И лишь затем переспросил, немного приходя в себя:

— Как это не римляне, старик? Кто же это был?

— Это были солдаты Карфагена, — ответил Клеопп, смотревший перед собой, — уж я-то знаю…

Я должен немедленно прибыть к Ганнибалу, — вдруг проговорил Федор, отделяясь от колонны. И удивился звуку своего голоса, раздавшегося в полумраке так буднично, словно ничего не произошло. — Немедленно.

Он разыскал фалькату и резким движением вернул ее в ножны. Поправил съехавший назад шлем. Затем посмотрел на Клеоппа, который поднялся после толчка хозяина, снова сел и продолжал теперь молча сидеть, глядя в сгущавшийся сумрак улицы и что-то бормоча себе под нос.

— Я скоро вернусь, — зачем-то отчитался перед слугой Федор и, развернувшись, направился во дворец Ганнибала.

«Время вечернее, не для приемов. Но придется побеспокоить главнокомандующего, — решил Чайка, шагая сквозь быстро погружавшийся во мрак город не разбирая дороги, — некогда **мне** расшаркиваться и проявлять любезность. Приду и спрошу обо всем, а там пусть хоть казнит. Все равно».

Он не помнил, как оказался у ворот дворца и столкнулся нос к носу с тем самым капитаном стражи, который уже однажды попытался его не пустить к новому тирану. Теперь же, едва взглянув при свете факелов, горевших за его спиной, на лицо наварха, он не посмел перечить и сразу же проводил его в зал для приемов. Там Федор некоторое время молча буравил взглядом статую какого-то римского героя, оставшуюся от прежних хозяев, и рассеянно слушал звуки, доносившиеся сквозь раскрытое окно со двора, где происходила какая-то суматоха. Слишком *много* шума было для вечернего времени, но Чайка не обращал на это внимания. Он *вообще* не *обращал* внимания ни на что. В минуты вынужденного ожидания в голове наварха стучало лишь: «Юлию

и моего сына похитили! Надо их спасти, в погоню как можно быстрее!» Хотя за кем гнаться и куда бежать он не представлял. Лишь какое-то смутное предчувствие говорило ему, что Ганнибал мог знать ответ хотя бы на один из этих вопросов.

— Ганнибал ждет вас, — доложил «гвардеец-паж», появившийся из бесшумно открывшейся двери, ведущей в кабинет тирана. Тот самый, где они вместе ужинали во время прошлого штурма перед самым отплытием.

Федор, слегка покачиваясь, вошел в кабинет и остановился. На этот раз никакой еды на столе *не было.* Одетый в доспехи Ганнибал сидел в кресле и при свечах рассматривал какие-то карты, лежавшие перед ним.

— А ты молодец, Чайка! Я не ошибся в тебе, — весело приветствовал его новый тиран, еще не успев поднять голову от карты. — Сам прибыл только сейчас, а вот известия о твоем плавании дошли до меня уже давно. Римляне просто в дикой ярости.

— Я тоже, — едва смог вымолвить Федор. Сняв шлем, он обхватил и прижал его правой рукой к панцирю.

Что случилось? — только сейчас Ганнибал, услышав непривычные нотки в голосе своего военачальника, оторвался от карты и пристально взглянул на стоявшего перед ним наварха. Больше он ничего не уточнял, поняв, что речь идет не о результатах похода, хотя он и ожидал услышать о них из уст самого Федора, пожаловавшего к нему в неурочный час. С некоторых пор Ганнибал перестал проводить военные советы по ночам.

Во время последнего нападения, — выдавил из себя Федор, не глядя в глаза Ганнибалу, — мой дом был разгромлен…

— Да, на твоей улице многие пострадали, мне докладывали, — кивнул Ганнибал, перебив его, — особняк Атарбала сгорел. Эти ублюдки не задержались в городе даже до заката, но успели натворить немало. Уверен, ты видел, сколько солдат и простых жителей полегло на улицах. Но не беспокойся, я щедро отплачу тебе за службу.

— Они похитили Юлию… — закончил Федор стеклянным голосом, — и Бодастарта.

— Твоя женщина и сын похищены? — Ганнибал резко отбросил карту, вставая. — Я не знал…

Он вскочил со своего места и, пройдя мимо Федора, развернулся к окну, сквозь которое были видны погребальные костры.

— Как же они смогли, — проговорил Ганнибал, размышляя вслух, словно позабыв про стоявше**го** рядом Чайку. — Когда

успели? Наверное, тот купеческий корабль… Единственный, который во время боя покинул захваченную гавань.

— Кто это был? — спросил Федор, к которому постепенно стало возвращаться самообладание. Тело и разум вновь стали слушаться его, но в душе он ощущал глыбу льда, которая давила его.

— Это был корабль одного из греческих купцов, что служили нам, — ответил Ганнибал, не поняв вопрос, — быть может, он сбежал сам, а может его заставили. Я немедленно прикажу разыскать его слуг. Наверняка кто-то остался. И скоро мы узнаем подробности, ведь поначалу я не придал этому значения.

«Уж не Сандракис ли задумал мне отомстить? — пронеслось в пустой голове разбитого горем наварха. — Неблагодарная сволочь. Если так, то я найду его и на ленты *порежу*.

— Кто напал на город? — повторил вопрос Федор, хотя информация о купце его тоже заинтересовала.

— Ах, ты об этом, — кивнул Ганнибал, посмотрев на него, — это были римляне из флота Марцелла, который был просто взбешен твоими победами прямо под *носом у* сената. На этот раз он подготовился лучше. Их было втрое больше, а штурм оказался настолько *мощным, что я вообще* едва удержал город. Был момент, когда легионерам даже удалось почти на день захватить гавань и прилегающие районы. Но мы все равно вышвырнули их отсюда.

— Говорят, — выдохнул Федор, переступивший с ноги на ногу, — что с ними были и солдаты Карфагена.

Ты неплохо осведомлен для человека, который лишь недавно вернулся в город, — проговорил Ганнибал, но не стал усмехаться, как обычно, щадя чувства Федора. — Да, ты прав, Чайка. В этом нападении участвовали пять кораблей наших лучших друзей. Солдаты сената, который я некогда защищал, атаковали мой город и попытались захватить даже мой дворец. Впрочем, Карфагену не привыкать нападать на соплеменников

Вспоминая недавние события, Великий Пуниец вновь обернулся к окну и окинул взглядом гавань, немного помолчав.

— Они так яростно его штурмовали, а когда я сам повел солдат в контратаку, — спустя некоторое время вновь заговорил Ганнибал, отвернувшись от окна, — могли сто раз убить меня, но не сделали этого. Видимо, у них был приказ захватить меня живьем и доставить в Карфаген. Наверное, сенаторы спят и видят меня распятым.

Лишь сейчас Федор вспомнил, что краем глаза отметил многочисленные следы штурма, которому подвергся дворец Ганнибала. Ликвидацией этих следов отчасти и объяснялась

суматоха во дворе.

— Но, — тиран положил руку на плечо Федора, — меня захватить им не удалось. И тогда кто-то решил захватить твоих близких. Не знаю, связаны ли эти события или все это только роковая случайность. Однако что-то говорит мне, что за Юлией охотились специально. Наверняка у тех, кто напал на твой дом, был осведомитель из местных, быть может, даже сам купец, вероятно бежавший на корабле.

Ганнибал помолчал, видя» что Федор все еще не в себе.

— В любом случае мы скоро узнаем, кто это и остался ли здесь кто-то из его слуг, чтобы рассказать нам хотя бы часть правды. Присядь.

Федор сел, точнее рухнул в ближайшее кресло. А Ганнибал подошел к дверям и, открыв их, подозвал дежурившего там гвардейца. Отдав вполголоса какие-то приказания, тиран вернулся к столу.

— Скоро всех, кто знал хозяина корабля в этом городе, приведут сюда, если не найдут его самого, — проговорил Ганнибал, сворачивая свиток *с* картой. — А теперь все же расскажи мне, как прошло плавание.

Глава вторая
Оружие победы

Свой шатер Леха Ларин поставил на холме, подобно ханам еще не народившейся орды. И все для того, чтобы иметь возможность воочию наблюдать результаты бомбардировки катапультой Архимеда уже полуразрушенных укреплений греческого города. Его недавний маневр в дельте превзошел вес ожидания. Когда корабли и конница скифов появились под стенами Истра, греки пришли в замешательство. Они ждали со дня на день гонцов с известием о разгроме скифов, а не столь огромное воинство, моментально обложившее город с суши и моря.

Не успел Ларин окружить греческую колонию, как получил весть от Арсака, о том, что прибыли подкрепления — мощный флот, который, вмешавшись в события, за несколько дней довершил полный разгром греческих сил в дельте. Оставшиеся корабли антискифского союза позорно бежали. И Ларин со своего холма даже лично мог наблюдать, как однажды вдоль побережья прокрались несколько триер. Это были греки, которые даже не пытались оказать помощь осажденным, поручив их самим себе. То есть оставив на милость адмирала.

— Не надо их атаковать, — остановил порыв Токсара Ларин, которому это зрелище доставило истинное удовольствие, — пусть бегут. Они разнесут нужные нам вести.

Проводив триеры беглецов взглядом, адмирал отдал приказ о штурме Истра. Город был небольшим и сопротивлялся недолго. Особенно после того как часть флота скифов в виде шести новехоньких квинкерем прибыла под стены осажденного города, усилив осадную артиллерию. Теперь Ларин м< и бомбардировать его и с моря. Вернее со стороны узкого и длинного залива, служившего городу внутренней гаванью и отделенного от моря полуостровом. Много сил на то, чтобы прорваться в гавань и полностью оккупировать ее, не понадобилось. Греки едва могли сдерживать атаки скифов, обороняясь на стенах, не помышляя об открытом сражении и надеясь на помощь извне. Несколько перебежчиков сообщило, что община Истра выставила для сражений в дельте большой отряд гоплитов, который Ларин уже разбил. И поэтому защищать город было почти что некому.

— Отлично, — веселился адмирал, вспоминая о том, что

когда-то, после предательства Иседона, его везли именно в этот город, — значит, скоро двинемся дальше. А ну-ка, Каранадис, *пускай* вдело катапульту Архимеда. Не зря же мы ее от самой Италии тащим.

Оружейник с радостью и особой тщательностью выполнил это приказание. К тому моменту, как гигантская катапульта Архимеда была готова и установлена на вершине холма в непосредственной близости от стен, город находился на последнем издыхании. Но Ларин, уже *давно* отправивший конные отряды Аргима в обход с задачей прощупать оборону *следующего города* на пути, Том, получал *только успокаивающие вести и был* уверен, что никто не придет на помощь в ближайшие дни. Защитники Том сами готовились к обороне. Союз, созданный для общей войны против скифов, после первого же разгрома разваливался на глазах. Впрочем, Ларин был далек от мысли, что война скоро закончится. Его разведка приносила разрозненные сведения о продвижении корпуса фиванцев, который застрял где-то под Аполлони-ей. Да и афинская эскадра могла-таки появиться в самый неподходящий момент. О ней много говорили, но до сих пор ее никто не видел. Это настораживало адмирала, который предпочитал знать о передвижениях своего противника. А потому Ларин приказал флоту неусыпно следить за морем, а сам торопился быстрее покончить с Истром и двинуться дальше.

— Давай! — махнул рукой адмирал артиллеристам, сгрудившимся вокруг гигантской машины, валуны для которой доставляли сюда подводами.

Катапульта издала протяжный стон, скрипнув своими мощными балками, и разогнулась, забрасывая снаряд в город. Глыба с видимой легкостью оторвалась от земли, просвистела над стеной и упала вниз далеко за ней, угодив в крышу какого-то строения. Страшный грохот, который был слышен даже здесь, означал меткое попадание.

А обрушившийся сразу вслед за этим целый дом окончательно деморализовал защитников, но только раззадорил Леху.

— Нормально для начала, — кивнул адмирал, который наблюдал за обстрелом. — Давай, наводи на ворота.

Но следующий выстрел в ворота не попал, а ушел чуть в перелет, ударившись в башню. От мощного сотрясения несколько солдат вышибло с нее и они рухнули вниз, прямо на головы пехотинцам скифов, которые лезли сейчас на стены, штурмуя город. Часть башни обрушилась вниз, обнажив площадку, на которой оставалось всего два лучника.

— Осторожнее, — предупредил адмирал, — своих не зашиби.

С третьего раза глыба угодила точно в цель. Удар пришелся в окованные металлическими лентами балки ворот, которые брызнули щепками во все стороны. Глыба же, пробив преграду, остановилась с другой стороны, уже на улице.

— Камень в основание города, — пошутил Леха, — ну вот и все. Дело сделано.

Последние слова относились к тому, что третьим выстрелом катапульта Архимеда открыла скифам свободный вход в город, практически уничтожив ворота. В образовавшуюся брешь тотчас устремились пехотинцы, и немногочисленные защитники города даже не успели толком среагировать, спустившись со стен, так быстро все произошло. Когда пехота отогнала горожан подальше от ворот, внутрь ворвалась конница Аргима, и все было кончено буквально за какой-то час.

Оккупировав город, Ларин решил осмотреть свои новые владения, но впечатлен особенно не был — городишко был так себе: базарная площадь, несколько греческих храмов, посвященных богам, которых он презирал, дома купцов, склады. Все как обычно. Его всадники растеклись по улицам, загоняя испуганный народ в дома до особого распоряжения и хватая в плен всех, кто был похож на «отцов города», с тем, чтобы после адмирал мог потолковать с ними подробнее. Уцелевшие еще жители спешили разбежаться по норам, предвидя разграбление города, но Леха запретил крушить и грабить Истр. Как-никак, это теперь была скифская территория. Проезжая мимо одного их храмов, взгляд нового хозяина города задержался на стайке длинноволосых полуголых девиц, облаченных в невесомые туники, которые не особенно стремились убежать от ворвавшихся в город солдат, а скорее наоборот, всячески привлекали к себе внимание, разбрасывая им под ноги какие-то лепестки.

Это кто такие? — уточнил Леха у Каранади-са, которому приказал держаться поближе, как раз на случай переговоров с местным населением. — Что-то они не кажутся испуганными. Не бегут от нас как от завоевателей, а словно приветствуют.

Это храмовые проститутки, — охотно объяснил грек, — им нечего бояться. Их дело ублажать всех желающих.

— Кто? — не поверил своим ушам адмирал, разглядывая стройных гречанок со всевозрастающим интересом.

Эти девушки дарят себя совершенно бесплатно всем посетителям храма своей богини, — пояснил Каранадис, во взгляде которого мгновенно зажглась похоть, едва он узрел полуобнаженных девиц, — у нас такое бывает, не везде, но есть. Этот обычай перешел к нам от восточных народов. Храм содержит проституток, а они бесплатно утешают посетителей. Так у храма

больше прихожан.

Интересный вариант, — усмехнулся Ларин, придерживая коня напротив стайки девиц, — можно сказать, рекламная акция.

О чем вы? — на этот раз недопонял грек.

«Давненько я что-то Исилею не видел, — поймал себя на мысли Ларин, вспомнив огненную амазонку, не дававшую ему покоя, — никто меня не преследует с интимными целями, даже скучно как-то стало. Надо бы развлечься немного, а то все война, война».

Не бери в голову, — ответил он Каранадису, который не сводил взгляда с девиц, обступивших коней со всех сторон и улыбавшихся так, словно они были освободителями, — а лучше прикажи привести парочку, нет, давай сразу трех ко мне в шатер. Я хочу немного отдохнуть перед продолжением похода.

А кого из них вы желаете? — услужливо уточнил Каранадис, слегка озадаченный аппетитами хозяина.

Выбери на твой вкус — хотел было отмахнуться Ларин, но потом передумал: — Давай вот эту, длинноногую, вот ту, что с самыми длинными волосами и еще вон ту, с обширной нижней частью. И, пожалуй, на сегодня хватит.

— А не позволите и мне выбрать одну? — жалобно попросил грек. — Я так давно не видел красивых женщин.

Неужели? — усмехнулся Леха. — А как же те, с которыми я постоянно видел тебя в обозе. Ты же вроде семьянин.

Ну, это ведь было давно, — протянул Каранадис, похотливые глазки которого поглядывали на многочисленных прелестниц и едва не разбегались в стороны.

Штурм дельты начался всего несколько дней назад, — напомнил Леха, но махнул рукой, — ладно, выбери себе одну. Остальных отдайте солдатам, пусть позабавятся. Главное, сильно не пей, ты мне завтра понадобишься. А этих троих пусть отвезут ко мне в шатер, пока я заканчиваю осмотр города.

И Ларин отдал в распоряжение Каранадиса пятерых всадников эскорта, а с остальными отправился дальше. Осмотрев порт и склады, Леха остался доволен. В городе было захвачено множество припасов: строевого леса, смолы, оружия, которым можно было вооружить новобранцев, еды и вина. Даже две полностью снаряженные биремы, которым теперь предстояло пополнить флот скифов. А в доме одного из купцов, прилегавших к главной площади, даже обнаружилось несколько бочек с золотыми монетами, не иначе городская казна, которую не успели вывезти. Приказав погрузить золотой запас в телегу и отправить к себе в шатер, Ларин с удовольствием вспомнил, что его там уже должны ждать сразу три прелестницы. Обратный путь

он проделал быстро. Правда, спрыгивая с коня, он вдруг ощутил накопившуюся за день усталость, но ее как рукой сняло, когда он шагнул в шатер. Там под охраной одного воина находились все три гречанки.

— Эх, — пробормотал Ларин, жестом выпроводив охранника на воздух, — если б я был султан.

Он остановился на пороге, присматриваясь в полумраке горевшей жаровни к трем сидевшим на ковре прелестницам. Пока он размышлял, с кого же начать утоление страсти, медленно расстегивая ремня панциря, неожиданно сразу две красавицы гречанки встали и приблизились походкой пантеры. Они обе стали помогать ему разоблачаться, сняв и отбросив в сторону сначала ножны меча, затем освободив его от панциря и медленно стянув тунику.

— Вот это профессионализм, — пробормотал удивленный Ларин, которого гладили тонкие пальчики по разгоряченной от скачки груди и спине, заставляя содрогаться от блаженства, — похоже, я стал бы частым посетителем *этого* храма, если бы тут жил. Только бы не подцепить от этих свободных профессионалок что-нибудь ненужное, а то некогда было искать серьезную женщину.

Но эти соображения уже не могли его остановить. Они схлынули под напором вожделения, захлестнувшего мозг адмирала. Он прижал к себе ту гречанку, что имела самый хрупкий стан и самые длинные волосы, но при этом немалых объемов грудь. И, лизнув ее за ухом, толкнул на ковер, прошептав:

— Начнем с тебя, а там поглядим, насколько меня сегодня хватит.

Девушка откинулась на спину в ожидании. А Леха скинул исподнее и бросился на нее, как дикий кабан, боясь лишь раздавить это хрупкое создание своей массой. Но гречанка оказалась не такой уж слабой, она обхватила адмирала своими бедрами, позволяя войти в нее как можно глубже, и так громко стонала, что Леха даже на мгновение представил, как веселится сейчас его охрана Ко все возраставшему удивлению местными привычками, скоро добавилась новая порция ощущений. Им не дали долго быть в одиночестве. Вторая «отвергнутая» красотка притерлась к нему сзади своими грудями и повисла, обхватив руками и поглаживая его. Ларину такой двойной капкан даже понравился. Закончив с первой, он слез с нее и занялся второй/ которая так долго напрашивалась на его внимание.

— Ох, уже мне эти греки, — веселился адмирал, входя в нее, — не дадут помереть от тоски.

А когда он закончил и с этой, то, отдохнув немного и выпив вина, припасенного по такому случаю в шатре, смог наконец уделить время и третьей прелестнице, незаслуженно «забытой» в углу шатра. Это была та самая гречанка, которую Ларин просто не мог не заметить даже на площади. И прежде всего из-за ее задних габаритов. «А что еще русскому человеку надо, кроме габаритов? — философски размышлял разомлевший адмирал, приводя гречанку в позицию „вид сзади" и сливаясь с ней в экстазе, — тут хоть есть, что пощупать».

Так он развлекался весь вечер и всю ночь, пока окончательно не выбился из сил, провалившись в хмельной сон. В общем, победу над Истром Ларин отпраздновал по полной программе.

Наутро, выгнав служительниц странного культа обратно в город, Ларин с удовольствием умылся, перекусил и вернулся к армейской жизни.

«Надо отправить гонцов к Иллуру с известием о победах, — решил он, выходя из шатра уже в доспехах и осматривая окрестности, — а то он, наверное, забыл про меня, пока за своими гетами по степи гоняется».

Город, захваченный скифами, жил уже почти мирной жизнью. На стенах и у метательных орудий в башнях дремали скифские пехотинцы. У разрушенных ворот возились плотники, ремонтируя то, что вчера так лихо разрушили артиллеристы. Морпехи, не принимавшие участия в сражении, отдыхали на палубах своих кораблей в гавани. Вокруг стен разъезжали отряды всадников, патрулируя окрестности. Один из таких разъездов, показавшийся из-за восточной башни, направился прямиком к шатру главнокомандующего.

Изучив всадников взглядом, Ларин узнал в них разведчиков Аргима.

— Ну, — поприветствовал Леха их командира, не дав вымолвить и слова, — что Аргим хотел сообщить мне?

— Он приказал передать, что мы достигли укреплений и объехали все владения Том, от моря и до самого конца крепостной стены, не ввязываясь в сражение, — сказал всадник не спешиваясь, как было заведено у скифов, — греки готовят город к серьезной обороне. Аргим считает, что взять его будет намного труднее. В городе много солдат и метательных орудий. Говорят, и конницы немало, но мы ее не видели. Она вся находится в городе или за стеной.

— О чем это ты говоришь? — не понял Ларин. — О какой еще стене?

— От города на побережье моря, — пояснил охранник, — до берегов большой реки выстроена стена.

— Ее можно обойти? — озадачился Ларин, не ожидавший такого подвоха.

— Нет, — спокойно ответил скиф, — пешком или на коне обойти нельзя. Только на лодках. Но в стене есть несколько ворот.

— Высокая? — уточнил адмирал, уже предчувствуя затяжной штурм, на который он совершенно не рассчитывал.

— Нет, — также бесстрастно ответил всадник, — где в два, а где в три человеческих роста.

«И когда эти сволочи успели построить свою Великую стену, — мысленно выругался Ларин, — китайцы, хреновы, чтоб вас разорвало».

— Ясно, — кивнул Леха, посмотрев на солнце и уже обдумывая план новой операции, которая начала складываться у него в голове, — свободны. Передайте Аргиму, что я хочу видеть его немедленно.

Всадник хлестнул коня и ускакал вместе со своим отрядом, подняв облачко пыли.

Некоторое время адмирал молча стоял, созерцая море и гавань, в которой находилась его ударная сила, абсолютно бесполезная, если вести войну на суше. Но море было неподалеку, и Леха не терял надежды на лучшее. Еще вчера он был уверен, что, имея массу конницы, просто разобьет армию противника, окружит Томы и принудит город сдаться. А если понадобится, то применит катапульту Архимеда и другие орудия, не прибегая к штурму с моря. Однако теперь все выглядело несколько иначе. Действия его конницы, если враг не покажется из-за своей стены, перегородившей всю сушу, были практически бесполезны. Если только ее не перекинуть морем в тыл противнику.

«Интересно, есть ли вторая стена с другой стороны города? — размышлял Ларин, наблюдая за чайками. О наличии мощных укреплений вокруг Том разведка ему докладывала, но, до того как он разделался с силами врагов в дельте, его это не особенно волновало. Тогда это была далекая перспектива. Но теперь эта перспектива ломала все его планы налететь лихим кавалерийским наскоком, выжечь всю землю вокруг города-жертвы, лишить его возможности снабжения с моря и суши, а затем принудить сдаться. На пути кавалерии просто оказалась стена. А это означало пехотные операции на довольно протяженном участке. С другой стороны, можно было бросить все силы на приступ самой цитадели, но Томы, как сообщали разведчики, с моря выглядят практически неприступными. А кроме того, даже в случае осады с моря, стена даст им

возможность получать подкрепления и припасы посуше. Так что, можно было здесь увязнуть надолго. Но не ждать же у моря погоды. Положение от этого могло стать только хуже. Надо было атаковать в любом случае.

«Ладно, дельту-то я взял, — подбодрил себя Леха, — и с этой обороной как-нибудь справлюсь».

Вдруг ему в голову пришла такая дерзкая мысль, что отогнать ее он так и не смог. Слишком уж она ему понравилась, несмотря на все видимые недочеты.

— А где мои сотники? — подумал вслух Леха, оборачиваясь к солдатам, охранявшим его шатер. — Что-то давненько я не водил их в атаку. И где, кстати, Каранадис. Тут для него работенка имеется.

Глава третья
Новое задание

Собравшись с духом, хотя не легко было вытеснить из головы пульсирующие мысли о Юлии и сыне, Федор рассказал о победоносном плавании. Ганнибал жаждал подробностей. И Чайка обстоятельно рассказал о том, как пустил на дно целый караван с зерном для Неаполя, как принял сражение с римским флотом почти на виду у столицы. И в двух словах поведал о пиратском налете на остров Илву. Тиран не перебивал его, и по лицу Ганнибала было видно, что он страшно доволен этим плаванием.

— Молодец, Федор, — похвалил его главнокомандующий, позволив себе впервые усмехнуться, — я не зря назначил тебя наварxом в этом походе. Я не ошибся. Мне доносят, что после твоего налета на караван с зерном гарнизоны легионеров, расквартированные вокруг Неаполя, испытывают сильную нехватку продовольствия и даже близки к голоду. Они и без того довольно долго ждали подвоза хлеба, так что твой внезапный удар пришелся как нельзя кстати. Особенно в преддверии нового наступления, которое я собираюсь предпринять как раз на этом направлении.

Ганнибал просто сиял от радости, словно и не было никакого налета на Тарент, который едва не перешел в руки неприятеля.

А уж сражение у самой Остии, напротив морских ворот Рима, просто великолепно! Такой дерзости сенаторы от меня не ожидали. Они полагают, что заперли меня в Южной Италии, далеко от своих стен. Но это спокойствие обманчиво. И ты, Чайка, только что напомнил им о том, что армия и флот Ганнибала по-прежнему могут проникать в любую часть италийских земель, если только захотят. Это заставит сенаторов поумерить свой пыл.

— Но я потерял две трети флота, — напомнил Чайка, — и теперь у нас недостаточно кораблей для больших операций на море.

— Это не так страшно, как тебе кажется, — отмахнулся Ганнибал, переставив подсвечник чуть в сторону от себя, — в ближайшее время самыми важными будут операции на суше. А флот мы восстановим. Верфи в Испании и на Сицилии работают на полную мощность, да и Сиракузы нам не откажут в помощи.

В общем, новый тиран был доволен результатами морского рейда и обещал наградить за это своего военачальника, так

успешно прошедшего боевое крещение в роли наварха. Как ни странно, к концу рассказа Федор и сам немного успокоился, вновь переживая радость победы и невольно отвлекшись от своего горя. Ганнибал приказал принести ужин и предложил Федору присоединиться. До рассвета было еще достаточно времени, а он собирался еще кое о чем переговорить с ним. Федор вынужден был согласиться. А вылив вина, расслабился еще больше. Мысли его прояснились, голова заработала лучше. За разговором они не заметили, как пролетело больше двух часов.

Но стоило раздаться острожному стуку в дверь, как Федор вновь напрягся. За дверью послышалась какая-то возня и, когда она отворилась, на пороге возник незнакомый офицер, на кирасе которого отразилось зыбкое пламя свечи. В кабинете тирана царил полумрак. Ганнибал, закончив дела с картами, предпочитал сейчас слабое освещение.

— Мы привели слугу этого купца, — доложил офицер, обращаясь к Ганнибалу, когда тот дал ему такое разрешение, — больше никого отыскать не удалось. Сам купец либо убит, либо сбежал на своем корабле вместе с римлянами. Да и этот сильно нервничает, и даже пытался сбежать из дома, когда узнал, что ему надлежит явиться во дворец. Говорит, что не знает, где его хозяин. Но я уверен, врет.

— Ну давайте его сюда, — приказал тиран, отставляя бокал вина, — мы сами побеседуем с ним немедленно. А вы постерегите дверь.

Офицер кивнул и сделал знак своим солдатам, которые немедленно втолкнули в зал рослого грека, одетого в кожаную жилетку, холщовую рубашку с длинными рукавами, широкие штаны, перехваченные не менее широким красным поясом, и башмаки на толстой подошве, подбитой гвоздями. На запястьях у него тоже были зачем-то надеты кожаные ремни, как «напульсники» у штангистов, словно он выполнял тяжелую работу. Несмотря на помпезную одежду, выглядел вошедший крайне неопрятно, и своим видом этот бородатый человек, с испачканными в земле руками, словно недавно копался в саду, вызвал у Федора отвращение. Едва взглянув в лицо, Чайка понял, что не знает и никогда не видел его. Однако это не помешало предположить ему, что грек, а это был грек, что-то знает о своем господине и, возможно, о Юлии с ребенком.

Офицер, вместе с тремя солдатами, встали позади пленника.

— Кто ты и почему пытался бежать? — спросил Ганнибал, оставаясь спокойным, чтобы вызвать трепет и уважение у подчиненных.

Но это не произвело сильного впечатления на грека, который,

как показалось Федору с первого взгляда, не очень-то уважал местную власть, видимо сожалея о прошлых временах, когда его соплеменники заправляли здесь всей торговлей.

— Я лишь ничтожный слуга своего хозяина, — промолвил грек и по его лицу скользнула наглая ухмылка, — меня зовут Клеоникс.

«Он либо глупец, либо действительно так ненавидит нас, что не боится, — предположил Федор, молча изучавший лицо стоявшего перед ним, — и даже готов на смерть. Странно».

— Скажи нам, как зовут твоего хозяина, — приказал Ганнибал, по-прежнему не вставая с кресла.

— Его зовут Сандракис, — процедил сквозь зубы грек, руки которого были свободны, и это обстоятельство почему-то беспокоило Чайку, хотя оружия у грека не могло быть после обязательного обыска охранниками Ганнибала.

— Сандракис? — невольно вырвалось у Федора, который при этом имени подался вперед в своем кресле и даже встал. — Ты сказал Сандракис?

— Да, так его зовут, — проговорил Клеоникс, переминаясь с ноги на ногу.

— Ты что, знал этого купца? — удивился в свою очередь Ганнибал, заметив, как встрепенулся Федор.

— Знал, — коротко ответил Чайка и, не желая вдаваться в подробности, чтобы не рассказывать Ганнибалу о своей тайной вылазке, напомнил Клеониксу, — ты еще не ответил, почему пытался бежать.

При этом Чайка бросил вопросительный взгляд на главнокомандующего, но Ганнибал, похоже, не возражал, чтобы дальнейший допрос вел сам Федор.

— Это ошибка… — забормотал грек, и глаза его забегали, — я не пытался бежать. Я всецело предан…

— Пытался, — вставил слово офицер охраны, — едва мы подошли к дому Сандракиса, он увидел нас и выпрыгнул через окно, намереваясь скрыться в сторону порта. Но его перехватил один их моих людей. После этого он перестал сопротивляться и последовал за нами, поэтому мы его не связали.

— Ты хотел сбежать на корабле, так же как твой хозяин? — выпалил Федор, вдруг потеряв самообладание и делая шаг вперед. — У тебя в гавани лодка. Вы оба помогали римлянам, но ты не успел сбежать вместе с ними? Говори! Ты видел, как на корабль Сандракиса во время штурма поднималась женщина и ребенок?

— Нет, я не видел… — попытался вымолвить грек, но мощный удар в челюсть поверг его на пол.

— Твой хозяин помог римлянам похитить их? — рявкнул Федор и, не дожидаясь ответа, нанес новый удар в лицо, расквасивший слуге Сандракиса нос.

Когда по разбитому лицу потекла кровь, грек, до сих пор державшийся молодцом, так, что Федор был готов уже поверить в его невиновность, вдруг сломался.

— Хозяин бросил меня! — выпалил он в ярости, вскакивая на ноги с неожиданной ловкостью. — Бросил здесь, хотя обещал забрать с собой из этого вонючего города. Но мы помогали не римлянам. Это солдаты Карфагена просили его указать нам дом, где живет командир двадцатой хилиархии, чтобы взять в плен его семью. И хозяин указал. С большим удовольствием указал, потому что ненавидел того человека.

— И ты помогал ему? — скрипнул зубами Федор. Так сильно, что едва не раскрошил.

— Да, — отплевываясь кровью, визгливо прокричал грек, — я лично помогал солдатам схватить женщину и ребенка и провел их на корабль. А потом, когда дело было сделано, Сандракис отправил меня домой за бумагами, которые хотел взятье собой. Вернувшись, я обнаружил, что корабль отплыл.

— Он просто предал тебя, — усмехнулся Федор, услышав почти все, что хотел, — использовал и выбросил. А теперь ты решил сбежать сам, иуда. Куда направился корабль?

— Зачем тебе это знать? — выкрикнул грек, и Федор заметил, как тот нервно дернулся и положил левую руку на правое запястье.

— Потому что командир двадцатой хилиархии перед тобой, — отчетливо произнес Чайка.

— А! Значит, это твое отродье мы помогли выкрасть, — расхохотался грек, уже не ломавший комедию, — как бы не поступил со мной Сандракис, я счастлив! Я отомстил финикийцам за все, что они сделали с моей семьей и моим городом. Я ненавижу вас! И тебя, Ганнибал, больше всех!

Он, ловким движением выхватил из-под кожаного ремня на запястье небольшое лезвие и попытался метнуть его в Ганнибала, словно заправский ниндзя. Охранники, стоявшие позади, не видели этого. Но Федор видел. Он давно ждал чего-то подобного.

Ударив сверху по руке, Федор изменил полет тонкого лезвия и оно, пролетев пару метров, вонзилось в массивную ножку стола. Вырвавшись из потянувшихся к нему рук охранников, Клеоникс рванулся в сторону открытого окна, но Чайка быстро выхватил фалькату и достал его мощным ударом по голове сзади, расколов надвое череп. Грек упал замертво. И вокруг него за несколько секунд натекла целая лужа крови.

— Я благодарен тебе, Чайка, ты снова спас мне жизнь, — проговорил тиран, выдергивая лезвие из ножки стола и поднося его к пламени свечи, чтобы рассмотреть, — занятная вещица. Но теперь мы не узнаем, куда же уплыл корабль. Хотя предположить можно.

Встав, Ганнибал посмотрел на мертвого грека и приказал охранникам:

— Приберитесь тут.

Затем перевел взгляд на Чайку, также смотревшего на убитого им предателя.

— Так почему тебя ненавидел Сандракис? — в задумчивости проговорил Ганнибал, пристально взглянув на Федора. — Впрочем, это уже не важно. Пойдем в другой зал. Пока тут убираются, мне нужно с тобой многое обсудить.

Пройдя в соседний кабинет, который оказался вдвое больше прежнего, Ганнибал расположился в удобном массивном кресле с высокой спинкой и кивнул Федору на соседнее. Оба кресла, как и десяток таких же, стояли у длинного стола, который Федор узнал сразу, несмотря на царивший полумрак, — большое помещение освещалось сейчас лишь двумя чадящими факелами, горевшими далеко на стенах. Здесь часто проводились заседания военного совета. Вдоль длинного стола выстроились в ряд кресла, а за их спинками, словно охранники, возвышались фигуры греческих и римских героев. А может быть и богов.

— Пусть принесут вино и фрукты сюда, — бросил Ганнибал вошедшему вслед за ним офицеру, а когда тот исчез, замолчал на длительное время. Федору, смотревшему на него в зыбком свете, даже показалось, что он уснул.

Но когда появившийся слуга поставил на стол кувшины с вином и несколько подносов со сладостями, Ганнибал оживился. И Чайка по его лицу понял, как устал за время недавнего штурма этот «железный» человек, которому не давали покоя ни днем, ни ночью его многочисленные враги, -ч

— Нет, не дадут мне сегодня спокойно поесть, — усмехнулся он, отпивая вина и оборачиваясь к окну, за которым уже брезжил рассвет, — впрочем, как и поспать. Ну да ладна..

Ганнибал отпил глоток вина, посмаковал его и посмотрел на Федора, который с отрешенным видом потягивал вино, размышляя о том, куда мог отправиться корабль с его женой — а в душе он уже давно считал ее именно женой — и ребенком. По дороге к Таренту его эскадре попадалось несколько торговых судов, большая часть из них плыла к Сицилии, а одно судно шло в открытое море. Тогда он не придал этому значения. А сейчас переживал о том, что мог бы легко перехватить похитителей, если

они плыли на том корабле. Но не сделал этого.

«Хотя кто знает, куда уплыл этот корабль, — горестно размышлял Чайка, — если штурм города проходил при поддержке римского флота, то, возможно, этот „торговец" присоединился к нему, когда римлянам пришлось возвращаться назад. Может быть, сейчас она уже в руках Марцелла, который, не дрогнув, отправит свою дочь на смерть».

Однако Федора сильно смущало участие в этой операции солдат карфагенского сената и тот факт; что искали именно его семью. Значит, тот, кто послал этих солдат, хотел уязвить именно его. У Федора напрашивался только один ответ. Хотя это могло быть и ошибкой. Марцелл еще в пути мог разузнать через своих шпионов, что флотом, который так унизил римские морские силы, командовал именно Чайка, и отдать приказ наказать во время уже запланированного штурма именно его, решившись на то, чтобы причинить вред дочери. Пленников могли переправить в Среднюю Италию, но с таким же успехом Юлию могли отвезти и на Сицилию, в один из портов, подвластных пока сенату Карфагена. Ведь теперь, а это было уже свершившимся фактом, сенаты Рима и Карфагена действовали заодно.

— Вернемся к делам, — вывел его из состояния задумчивости Ганнибал, словами, совпавшими с мыслями самого Федора, — я сочувствую твоему горю, но ты все еще мой военачальник и я на тебя рассчитываю. Боги помогут нам, а корабль мы разыщем. Вероятно, он поплыл к Сицилии, поскольку именно туда направились римляне после сражения. Конечно, в море они могли и развернуть флот, но что-то подсказывает мне, что их следы надо искать на Сицилии. А у меня к тебе как раз очень важное поручение, связанное с этим островом.

Федор навострил слух, у него появлялась перспектива, несмотря на войну, немедленно заняться поисками свой семьи. А сейчас он хотел только этого. И если бы Федор не был связан необходимостью воевать за Ганнибала, то немедленно отправился бы на поиски, наплевав на все воен-ные действия в регионе. С той минуты, как пропала Юлия и Бодастарт, ему было совершенно все равно, как развивается война. Но Великий Пуниец вернул его на землю. Именно продолжение войны требовало его непосредственного участия.

— Сенат Карфагена сделал свой шаг, — проговорил Ганнибал, переходя к сути, — показав, кого он боится больше всего. Теперь ход за мной. Вернее, за тобой, Чайка.

Федор поневоле округлил глаза. До такого уровня его ответственность еще не доходила.

— Ты помнишь, где сейчас мой брат со своей армией, —

направил его мысли в нужное русло Великий Пуниец, — там же, где и твоя хилиархия, командиром которой ты все еще являешься. Незадолго до начала штурма я получил сведения, которые полностью подтверждают все, что ты мне рассказал. Твой друг Магон был с тобой откровенен. Гасдрубала специально заманили в пустынные земли Ливии, где его ждала большая армия под командой спартанца Эндимиона. Произошло уже два сражения, но Гасдрубал не смог продвинуться в сторону Карфагена и отступил дальше в пустыню, где и стоит сейчас лагерем в ожидании новой битвы с Эндимионом, у которого вдвое больше людей.

Федор молчал, не понимая пока, как именно он сможет помочь в этой битве титанов. А Ганнибал между тем встал и прошелся вдоль стола, осматривая фигуры богов, выступавшие из полумрака.

— Гасдрубал великий полководец и он, в конце концов, справится с Эндимионом. Однако у него уйдет на это больше времени, чем мы планировали. А это значит, что ему надо немного помочь. И поможешь ему ты.

— Я? — Федор не поверил своим ушам. — Но как?

— Не только у сената есть свои тайны, — проговорил Ганнибал как ни в чем не бывало, продолжив свой медленный путь мимо статуй богов. — У меня почти готова к отправке новая армия, которую я давно собираю в горных районах Сицилии. Эта армия меньше армии сената, но ее своевременное вмешательство склонит чашу весов победы на нашу сторону. Почти восемь тысяч человек и флот, способный перевезти их в Африку, ожидают на Сицилии моего приказа. До сих пор я медлил с отправкой этой армии.

— Но почему? — не выдержал Федор. — Ведь ваш брат давно уже разбил бы войска сената и взял Карфаген.

— Во-первых, я еще не успел полностью укомплектовать ее, немного мешали римляне, не оставлявшие меня в покое, — снизошел до объяснений тиран, — а во-вторых, у меня не было подходящего командира, который сможет возглавить ее в этом походе.

— Но ведь у вас же есть Атарбал, — проговорил ошеломленный Федор, опрокидывая в себя остатки вина из чаши.

Он начинал понимать, к чему клонил Ганнибал, но пока боялся до конца поверить в это.

— Атарбал ранен в одной из стычек с легионами консулов у Неаполя, а кроме того, он понадобится мне здесь, в Италии, — отрезал главнокомандующий пунов, резко останавливаясь, — поэтому армию в Африку поведешь ты. Я назначаю тебя, Федор

Чайка, ее командующим.

Федор, который выпил уже довольно много вина, чтобы захмелеть и расслабиться, мгновенно протрезвел.

— Я должен повести армию в африканский поход?

— Именно, — кивнул Ганнибал, — больше некому. Для всех остальных военачальников у меня есть дела здесь. А лучше тебя никто не справится. Ты смог управлять флотом, поэтому доведешь его и до берегов Карфагена. Ну а там…

Ганнибал закончил свой путь вокруг стола и остановился у высокого окна, устремив взгляд в предрассветное небо. Первые лучи солнца уже проникали в помещение, разгоняя мрак но углам. Они осветили и богатые доспехи главнокомандующего, которые он так и не смог снять за эти сутки.

— Никто не приказывает тебе осаждать саму столицу. Более того, ты должен миновать Карфаген морем, пройти Гадрумет и Тапс, а затем высалиться на пустынном побережье за ними.

Федор слушал не перебивая.

— Если тебе удастся этот маневр, ты не встретишь сенатский флот и не ввяжешься в морское сражение, то оттуда двинешься на соединение с Гасдрубалом, а флот вернется сюда. Вы должны соединиться с моим братом где-то в районе Замы.

Чайка, позабыв собственные переживания, мысленно представил себе карту карфагенской хоры, которую видел не единожды, еще когда выбирал, где прикупить земельное владение и по* тратить полученные от Магона средства. Поразмыслив, он понял, что ему предстоит, а том случав, если он, как выразился Ганнибал, благополучно доплывет, довольно протяженное путешествие по пустынным землям, населенным кочевниками, главными из которых являлись нумидийцы, и другими местными племенами, не говоря уже о диких зверях, водившихся там во множестве. Город же Зама находился как раз в центре этих земель, примерно на равном удалении от места высадки испанской армии Гасдрубала и его предстоящего места высадки.

— А как же Гадрумет, Лептис-Минор и Тале? — уточнил, сразу ухватив суть, новый командующий армии, вознесенный на этот постбуквально за пять минут. — Разве мне не следует пытаться взять их. Ведь наверняка во всех этих городах есть гарнизоны, командиры которых попытаются помешать моим действиям.

— С этого момента, Чайка, ты главнокомандующий новой армии, — провозгласил Ганнибал, вновь присаживаясь к столу и самостоятельно наливая вина в отсутствие слуг, что невольно отметил Федор, вспомнив «прежнего» Ганнибала, — и можешь действовать по обстоятельствам. Всего предугадать невозможно.

Если эти гарнизоны попытаются встать у тебя на пути, ты можешь привести их к покорности. Но если они не будут проявлять активности или просто не успеют этого сделать, — не трать на них время. Пусть они остаются у тебя за спиной. Твоя главная задача — пройти по краю земли Карфагена, через пустыню, уничтожая всех, кто попытается остановить тебя, и воссоединиться с армией Гасдрубала, вместе с которым вы разобьете силы сената под командой Эндимиона.

А уж потом…

Ганнибал поднял чашу вверх, словно предлагая тост. Глаза его сияли, да и весь он был охвачен каким-то экстазом.

— А затем, когда Эндимион будет повержен и вся Нумидия, которая не пожелает присоединиться ко мне добровольно, предана огню, вы устремитесь на Карфаген и поставите его на колени. С этим надо покончить прежде всего. Оставшись без тайного, а теперь и явного союзника, Рим долго не простоит. И мы будем править всем миром. Не останется ни одного достойного противника, способного противостоять мощи настоящего правителя Карфагена. Ни здесь, ни на востоке.

Ганнибал выпил вино залпом и обернулся к Федору:

— Вот для этого решительного удара ты мне и нужен.

— А как же скифы царя Иллура, — отчего-то вспомнил про своего сослуживца Леху Чайка, — они по-прежнему наши союзники или уже нет?

Ганнибал нахмурился и Федор почувствовал, что сказал лишнего.

— Не беспокойся об этом, Федор, — мягко предупредил его новый тиран, в голосе которого звякнул металл. — Поскольку у тебя в ближайшее время будет достаточно дел на войне, ими и занимайся, политикой же предоставь заниматься мне.

— Мне казалось, — робко напомнил Федор, тут же неуклюже попытавшись перевести разговор в другое русло, — Магом что-то еще говорил про новый флот сената. У вас не появилось сведений, где он сейчас может находиться? Вряд ли это те пять кораблей, которые приняли участие в осаде Тарента.

— Огромный флот — это миф, — отмахнулся от тайной угрозы Ганнибал, — у сената просто не хватит средств, чтобы создать его вместе с новой армией. Они гораздо больше боятся моих сухопутных возможностей. Даже если сенат и успел построить несколько кораблей, они не станут большим препятствием для тебя и флота Гасдрубала.

Федор невольно кивнул, хотя и не очень удовлетворился таким ответом. В глубине души он верил в угрозы Магона. Такой человек слов на ветер не бросал.

— А что мне делать после того, как мы соединим армии с вашим братом? — еще осторожнее проговорил Федор, немного поразмыслив. — Возвращаться к командованию своей хилиархией?

— Это решит Гасдрубал, — нехотя вымолвил Великий Пуниец, посмотрев на Федора. — Я отправлю ему письмо о твоем скором выступлении. Но будь уверен, если ты справишься с руководством этой армией так же, как справился с командованием флотом, то мой брат вряд ли будет держать столь способного полководца в ранге командира хилиархии. Это не последняя наша война. Так что в конечном итоге все будет зависеть от тебя самого.

Глава четвертая
Незваный гость

— Теперь понял? — уточнил Леха, переводя взгляд с невысокой стены, где то и дело можно было заметить передвижение греческих часовых в шлемах с красными гребнями, на озадаченного Каранадиса.

Наблюдательный путает, на котором они находились, прятался среди деревьев на склоне холма. Дальше начиналось небольшое поле, служившее грекам полосой препятствий до самой стены. Колючей проволоки здесь, конечно, не было, хотя от греков и этого можно было ожидать. Зато имелась канава с водой, прорытая перед самой стеной. Эта «ирригационная система», прерываясь в нескольких местах, тянулась от русла Истра почти до самого берега моря и позволяла грекам из Том не держать постоянно «под ружьем» множество солдат, необходимых для охраны столь протяженной стены. Выглядела оборона внушительно, но Ларина она не особо впечатлила. Покруче встречал. Да и стена, надо сказать, не казалась слишком высокой. Если бы не рвы с водой, то опытных пехотинцев с осадными лестницами она не задержала бы слишком долго. Но здесь пришлось выдумать нечто иное.

— Повторяю, — произнес Ларин, придержав дернувшуюся было лошадь, — здесь, как видишь, воды почти нет, — засыпали вчера ров на соседнем участке, так что греки и не заметили. Им сейчас не до этого. Штурм города уже начался. Я дам тебе людей, сегодня за ночь они организуют здесь подкоп, в который ты заложишь тот порошок, что уже приготовил для моих снарядов, и взорвешь в назначенный час Понял?

— Весь порошок? — озадачился Каранадис. — Вы же хотели еще несколько длинных горшков получить послезавтра.

— Нет, не весь, — кивнул Леха, отводя в сторону ветку дерева, которое закрывало их от взоров греческих часовых, — оставь пару горшков. Может быть, они нам пригодятся в другом деле.

— Но как мы их запустим? — не унимался Каранадис, выучивший новое словечко от своего хозяина. — Старая установка погибла вместе с кораблем, а новую я ведь я еще не построил.

— Не парься! — оборвал его адмирал, переходивший на русский язык, когда его кто-нибудь раздражал, но быстро взял

себя в руки. — Ты сначала мне здесь организуй подрыв стены, да пошире, чтобы в него могла не только пехота, но и конница пройти. А насчет ракет и новой установки после поговорим.

— Может быть, не мучиться с подкопом, — предложил грек, которому не очень нравилась перспектива оказаться на переднем краю сражения, а не на безопасном расстоянии, — подтащим катапульту Архимеда. Сделаем пару выстрелов и все,

— Катапульта Архимеда, умник, — начал кипятиться Ларин от этой бредовой идеи, — пригодится на главном направлении, а здесь из нее стрелять все равно что из пушки по воробьям

— Из чего? — не расслышал Каранадис.

— Не бери в голову, — отмахнулся Леха. — Тебе пока не понять. Делай, что велено. А когда моя конница хлынет в этот пролом, оборона города долго не простоит. И не перечь мне, а то я припомню твое недавнее пьянство после ночи с этой гречанкой. Ты что, забыл, алхимик хренов, что я приказал Инисмею перед началом штурма?

Каранадис, который собирался еще что-то спросить, резко умолк, вздрогнул всем телом и перевел взгляд на Инисмея, сидевшего в седле с другой стороны. Каранадис не мог забыть, что бородатому сотнику было приказано содрать с него живого кожу, если он еще раз нальется в ответственный момент. А вчера он позволил-таки себе лишнего. Перенервничал.

— Я все сделаю, — пробормотал оружейник, — сегодня ночью эта стена взлетит на воздух.

— То-то же, — усмехнулся Ларин, лишний раз убеждаясь, что наводить страх на подчиненных, которых сам же и расслабил, иногда полезно, — займись этим немедленно. А потом вернешься в Истр. Под конвоем. Инисмея оставляю здесь, чтобы присмотрел за тобой.

Адмирал развернул коня и, кивнув Инисмею, в сопровождении дюжины всадников поскакал обратно в лагерь, который по-прежнему находился под стенами Истра. За последние дни в его голове возник и оформился план нападения на следующую колонию греков. Вернее, сразу два плана.

По последним данным разведки и перебежчиков, корпус фиванцев приближался к Аполлонии, отстоявшей от ближайшего к нему города греков, Одесса, на несколько дней пути. Были неподтвержденные данные, что спартанцы тоже на подходе, но они не дошли еще и до Аполлонии. Угроза с моря была постоянной. И в этой ситуации Ларин, который никак не мог позабыть про мерзкого предателя, до которого было не так уж далеко, решился нанести сразу два удара. Перед ним стояли Томы, которые нужно было атаковать.

«Но, — размышлял адмирал во время скачки сквозь лес, — едва начнется эта осада, старейшина Иседон может подумать, что и в Одессе не безопасно, ведь следующим должен стать он. Возьмет еще, да уплывет куда-нибудь южнее. Ищи его потом».

К большой радости адмирала, один из пленных, — захваченных во время рейдов пехотной разведки, которая на лодках переправилась за стену и без особого успеха попыталась проникнуть в тыл к противнику, — оказался купец из Одесса. Он поставлял оружие в Томы и случайно «попал под раздачу». Купец рассказал, что знает Иседона и о том, что тот пока в городе. Во всяком случае, был до его отъезда. Это случилось два дня назад. И Ларин подумал, что это знак богов. Боги говорят ему, — нужно действовать. И он решил немедленно, несмотря на осаду Тиры, через которую планировал совершить рейд по морю в Одесс, взяв с собой две трети кораблей и всех десантников.

«Они же там думают, что Томы неприступны, — мысленно усмехался адмирал, — и что я тут увязну надолго. Расслабились. А если даже и так, то тем более нельзя терять время. Не сегодня завтра в Одесс войдут фиванцы или еще кого нелегкая принесет, попробуй потом, доберись до Иседона».

Проскакав полдороги до лагеря, адмирал заметил, что в паре сотен метров отряд конницы, двигавшийся к ним навстречу, сворачивал к берегу. Он резко изменил курс и решил посмотреть, как идут дела у осажденных им греков, благо до побережья оставалось совсем немного.

— Скачи в Истр, — приказал он своему ординарцу, осаживая коня у развилки дорог, — передай, чтобы готовили корабли к отплытию. К ночи все должно быть закончено. А я тут задержусь немного. Пятеро со мной.

Обогнав всадников, двигавшихся неторопливым шагом, благо конных сшибок пока не назревало, Ларин через полчаса был уже у осажденных Том. Вернее, вернулся все к той же стене, которая здесь доходила до самого берега. Еще задолго до своего появления адмирал услышал страшный грохот, раздававшийся оттуда. А приблизившись, заметил, что его морпехи, подняв лестницы на плечо, резво бегут к стене, которая в этом месте была почти вдвое выше, чем в далеком тылу. Приступ был в самом разгаре. Іоі т иты греческого гарнизона усеяли всю поверхность стены и постоянно разили его солдат из луков, а тех, которым удавалось взобраться на гребень стены, сбрасывали вниз, ломая лестницы. То и дело в воздухе проносились со свистом каменные ядра, едва не встречаясь в воздухе. Это «работали» друг по другу метательные машины противников. Со стены по наступавшим били греческие баллисты, которым отвечала

артиллерия скифов, находившаяся на поле боя.

Выехав из редколесья, что и здесь оканчивалось полем перед стеной, Ларин приблизился к сражению, а потом, чуть придержав коня, свернул левее. Туда, где на ближайшем холме был выстроен лагерь скифов, огражденный и укрепленный подобно лагерю римского легиона или карфагенской армии. Адмирал, при поддержке Иллура, насаждал в своей армии все передовые традиции. Которые, надо сказать, все равно смешивались со скифскими. За высоким частоколом разместились не только бараки для пехоты и арсенал, но и многочисленные юрты кочевников, перевозимые в кибитках. А кроме того, баллисты, поддержавшие атаку пехоты, и сами пехотинцы, ждавшие команды вступить в бой. Здесь скопилось и немало конницы, на тот случай, если греки задумают обходной маневр или контрудар. В сотне метров от берега располагалась мощная башня с воротами, которую постоянно стерег специальный отряд всадников.

Прибывший вместе с Лариным отряд конницы, который догнал его по пути к лагерю, утроил количество находившихся здесь всадников. Едва адмирал въехал в лагерь, как заметил катапульту

Архимеда, которую он решил применить при штурме этого города, казавшегося неприступным. Однако Леха дорожил своим приобретением, доставшимся ему с таким трудом, и потому только это грандиозное сооружение охраняли пятьдесят пехотинцев и сотня всадников, головою отвечавших за его сохранность.

— Ну, как тут дела? — спросил Леха, миновав перед лагерем несколько кордонов и поднимаясь на вершину холма, где находился Токсар, командовавший штурмом, с десяток его помощников и посыльных.

Адмирал спрыгнул с коня и встал рядом с бородачом, который только что закончил отчитывать командира пехотинцев.

— Пока все спокойно, — ответил Токсар, отпуская пехотинца и слегка повышая голос, чтобы перекричать шум сражения, — недавно греки пытались контратаковать меня, но у них ничего не вышло. Те, кто пытался, лежат вон там.

Ларин посмотрел в указанном направлении. Там позади штурмующих лежало несколько десятков мертвых гоплитов, усеявших все поле перед стеной. Были там и убитые скифы. Всего этого он не мог заметить с дороги, поскольку полная картина недавнего сражения открывалась только с холма.

— Хорошая была драка, ~ только и сказал на это Ларин, погружаясь в размышления.

Его взгляд поднялся выше и, скользнув по ближней стене, на которой копошились защитники, уткнулся в башни и высокие стены цитадели самого города, который отделяло от внешней стены немногим более двухсот метров. Где-то там находилась внутренняя гавань этого богатого полиса, наполненная кораблями, в том числе и военными. Греки пока не спешили пускать их в ход, несмотря на то, что у берега стояла эскадра Ларина всего лишь из пяти триер. Этих сил было явно недостаточно для полной морской блокады Том, но адмирал имел далеко идущие планы и предпочитал держать основные силы ВМС в Истре, которые можно было перебросить сюда в случае необходимости. А вместо этого наращивал сухопутную группировку. От берега моря до берегов великой реки постоянно курсировала его конница.

— Сегодня вечером вы прорвемся сквозь стену далеко отсюда, — сообщил он Токсару, отводя его чуть в сторону, — я придумал способ, как это сделать. А когда во внутренние земли ворвутся наши всадники, тебе будет легче пробиться здесь.

Возможно, они сразу оставят эту стену и отойдут в сам город, — предположил Токсар, прислушиваясь к свисту пролетавшего мимо ядра, — едва их командиры узнают об этом прорыве. Тогда стена достанется мне быстрее.

Они не узнают о нем раньше нынешней ночи, — заметил Ларин, поглядывая в сторону города, — а до тех пор ты будешь яростно атаковать их укрепления, чтобы ни один командир греков и подумать не мог, что мы замышляем штурм где-то еще.

Токсар молча кивнул.

— А я тем временем заберу с собой почти все корабли и наведаюсь в Одесс, — закончил вводную Леха, — пока они меня не ждут.

Брови Токсара поползли вверх.

— В Одесс? — позволил он себе изумиться вслух. — Но ведь Томы еще не пали. Мы даже не пробились за внешнюю стену.

— С этим ты и без меня справишься, — отмахнулся Ларин, словно речь шла о сущей безделице, — ты командир опытный, знаешь что делать.

Токсар против воли ухмыльнулся, услышав такую откровенную похвалу из уст хозяина.

— Я оставлю тебе достаточно сил на суше, — продолжал развивать перспективу Ларин, посматривая то на обветренное лицо скифа, то туда, где шла жестокая драка, — с ними ты прорвешься за внешнюю стену и осадишь Томы. Весь ближайший день ты будешь яростно атаковать и, даже если тебе не удастся захватить город, свяжешь все силы защитников.

Ларин умолк ненадолго, словно размышляя, стоит ли посвящать Токсара во все детали операции. Решил, что стоит.

— Делай что хочешь. Можешь даже применить катапульту Архимеда. Но мне нужно, чтобы три или четыре дня ни один корабль из этой гавани не вышел. Ясно?

Токсар вновь молча кивнул, но Ларин понял по глазам, что скиф считает его затею опасной авантюрой с самого начала. Однако это лишь раззадорило Ларина, который также прочел во взгляде Токсара, что тот и сам не прочь отправиться с ним в эту авантюру. И Леха взял бы его, такой толковый помощник не помешал бы при налете на Одесс. Но кому-то нужно было отвлекать внимание местных греков на себя, и лучшей кандидатуры он сейчас не видел.

— Ты тут повоюй без меня, — сказал он на прощанье, — а я там с одним делом разберусь и назад. Долго не задержусь.

Закончив свою быструю инспекцию, Ларин вновь вскочил на коня и на глазах у озадаченного Токсара покинул лагерь. По дороге к Истру ему все время попадались разъезды скифов, которые меньше чем по пятьдесят человек не перемешались, и дважды он разминулся с пехотными отрядами, шедшими на помощь к Токсару.

«Нормально, — успокаивал сам себя адмирал, въезжая в город ближе к вечеру, когда солнце уже опускалось, — сил ему должно хватить.

Не теряя времени, он проследовал на «Узунлар», новехонькую квинкерему, которую недавно присмотрел себе среди прибывшего из Тиры флота. Корабль был новый, но капитан достаточно опытный, успевший повоевать на Истре еще в прошлую кампанию. Его корабль был сожжен в одном из боев греками и Темир, так звали капитана, был отправлен в Тиру с приказом получить другой.

— Как продвигаются сборы? — деловито осведомился Ларин у капитана, минуя охрану из морпехов и взлетая по сходням на борт корабля.

Темир встречал его у борта.

— Все готово к отплытию, — поклонился рослый скиф, чьи волосы выбивались из-под шлема, блестевшего в лучах неяркого солнца, а борода укрывала едва ли не все лицо, ниспадая на чешуйчатый панцирь, — шесть квинкерем и восемь триер полностью заняты пехотинцами. Прикажете выступать?

— Нет, — с сожалением ответил адмирал, скользнув взглядом по палубе, где копошились матросы, натягивая какой-то канат, — будем ждать ночи.

— Я понял, — поклонился Темир, явно одобряя действия

командира, — будем выступать по темноте.

— Неплохо бы, — пробормотал Ларин себе под нос, уже направляясь в сторону кормы, — только придется подождать, пока вернется этот чертов алхимик с новостями. Тогда и отплывем.

Достигнув кормы «Узунлара», Леха остановился, желая рассмотреть акваторию и корабли, по которым, надо сказать, соскучился. Его душа по приказу Иллура все время разрывалась между морем и сушей. Но тут было ничего не поделать. Царь есть царь. Кем скажет, тем и будешь.

Корабли стояли на рейде Истра, доставшегося скифам после недавнего штурма почти без разрушений. Для прибывшего флота здесь, однако, было тесновато. Высокие борта квинкерем едва не касались друг друга. Триеры находились за ними и были адмиралу со своего места почти не видны. По палубам, огибая баллисты, расхаживали гордые морпехи, по одному виду которых уже было ясно, что они готовятся к походу и все знают о скором отплытии.

«Скорей бы уже прибыл Каранадис, — усмехнувшись, но с легким раздражением, подумал Леха, подставляя лучи вечернему солнцу, — а то весь город узнает, что мы готовимся в ночной рейд»,

Солнце медленно садилось. Чайки, покрикивая, кружили над акваторией. Вдоволь налюбовавшись этой идиллией, Ларин спустился в свой кубрик под палубой, решив немного отдохнуть перед походом. Дело предстояло куражное, может быть, в ближайшее время спать не придется совсем. Поэтому, приказав разбудить себя, когда прибудут гонцы, адмирал быстро заснул. Однако будить его не пришлось. Он сам проснулся и вышел потягиваясь на палубу, буквально за несколько минут до прибытия Каранадиса.

Стояла уже глубокая ночь. Дав привыкнуть глазам к темноте, Ларин приблизился к борту, слегка напугав часовых, которые сначала не признали его, схватившись за мечи. Сначала адмирал услышал топот копыт, а затем на пирсе появился отряд скифской конницы, казавшейся тенями из преисподней в кромешной тьме. Отряд был невиден до тех пор, пока не «проявился» в свете тусклых факелов часовых на пирсе у самой воды.

Присмотревшись, Ларин узнал фигуру Инис-мея, который первым спрыгнул на мокрые доски пирса. А затем помог спуститься сгорбленной от скачки фигуре, в которой адмирал узнал своего оружейника. Под охраной еще дюжины спешившихся скифов они направились прямо к сходням.

Ну, хвала богам, все в сборе, — проговорил Ларин, сделав

знак охраннику позвать капитана.

Как все прошло? — коротко осведомился он, когда Инисмей втолкнул измученного скачкой Каранадиса на палубу.

— Хорошо, — ответил за грека сотник, — стена взорвана. Конница прорвалась в тыл грекам без большого сопротивления и сейчас уже, наверное, наводит шум у самых стен города.

— Отлично, — ухмыльнулся Ларин, подумав про себя: «Пока все идет по плану», а вслух добавил, заметив рядом безмолвного Темира: — Вот теперь отплываем.

Капитан кивнул и растворился в темноте. Вскоре оттуда раздался протяжный свисток, которому ответили с других кораблей. Послышался осторожный плеск выпускаемых весел, скрип снастей. И адмирал скорее ощутил, чем услышал, как пришла в движение его военная машина.

Глава пятая
Тайная армия

В Тавромений, порт на скалистом берегу, с которого был виден главный сицилийский вулкан, мирно дремавший сейчас, Федор прибыл на рассвете. Отсюда начиналась дорога в горы, где, в треугольнике между Катаной, Тавромением и Алезой, в хорошо укрытых от глаз лагерях была сконцентрирована новая армия, которой Ганнибал отводил столь важную роль в предстоящих событиях. На то, чтобы принять командование и доукомплектовать армию всем необходимым, у новоиспеченного главнокомандующего Федора Чайки была всего неделя.

— Армия почти готова, — предупредил его Ганнибал, — пехота ждет тебя в лагерях, осталось лишь погрузить слонов и закончить с конницей.

— У меня будет и конница? — слегка озадачился Федор, имевший опыт командования только пехотными соединениями и по обыкновению предпочитавший обходиться только ими.

— Конечно, и не только нумидийцы, на которых в последнее время можно все меньше полагаться, — «расстроил» его Ганнибал перед отплытием, — Магарбал выделит тебе восемьсот своих всадников. Впрочем, без легкой конницы тоже нельзя. Поэтому, помимо них, у тебя будет еще полторы тысячи нумидийцев, к которым, если захочешь, навербуешь на месте еще столько же. После того как ты начнешь подрывать тылы сенатской армии, обещая всем свободу, многие из местных жителей сами перейдут на твою сторону.

— Значит, я могу обещать им свободу? — проговорил Федор.

Он уже стал ощущать себя полководцем, которому должны покориться города Интересное это было чувство.

— Можешь, — ответил Ганнибал, изучая лицо Федора и немного задержавшись с ответом, словно видел его впервые, — свободу от гнета сената. Но не обещай им слишком много, Чайка, это может обернуться против тебя.

— Ясно, — произнес Федор, возвращаясь к более конкретным делам, — для укомплектования тяжелой конницы и командования над ней мне понадобятся хорошие офицеры.

В этом тебе поможет Амад, правая рука Магарбал а, который уже находится на Сицилии, — пояснил Ганнибал. — Его я даю тебе в помощь. Он отправится в поход вместе с тобой и будет командовать всей тяжелой конницей. Можешь на него

положиться, это хороший боец.

— Благодарю, — поклонился Федор, — теперь я готов отплыть.

Весь этот разговор состоялся на следующий день, после того как Федор прибыл в город. А уже на следующее утро он должен был покинуть Тарент. Все время между этими событиями Чайка провел в своем полуразрушенном доме. «Я буду искать Юлию и найду, — решил он для себя, вернувшись из дворца Ганнибала и успокоившись, насколько это было возможно, — а пока надо все здесь привести в порядок. И первым делом надо найти новых слуг и управляющего, который будет следить за ним в мое отсутствие. Когда я вернусь сюда вместе с Юлией и сыном, нам понадобится хороший дом».

Когда он увидел Клеоппа, который ждал его на ступеньках дома, вопрос об управляющем отпал сам собой. Первые лучи солнца освещали согбенную фигуру грека, почти сломленного горем, но, едва тот увидел хозяина, на его лице возникла неподдельная радость.

— Я завтра уплываю на новую войну, — сообщил Чайка, останавливаясь у входа, — но я буду искать Юлию и сына. А когда мы все вернемся, мне понадобится хороший дом. Так что ты, Клеопп, будешь отвечать за все это хозяйство, пока нас не будет.

Я? — Клеопп даже привстал от удивления.

— Ну да, ты, — усмехнулся Чайка, глядя, как вытянулось от гордости лицо пожилого грека, — ведь ты же купец, как-никак, кто кроме тебя сможет распорядиться моим имуществом. Если возникнут вопросы, — обращайся вон в тот особняк, к слугам Атарбала, которые пытаются его восстановить. Они помогут, я предупредил их управляющего. А сейчас, вместо того чтобы сидеть здесь без толку, займись-ка делом. Сходи на рынок, найми нам новых слуг и работных людей да приберись в доме, я не могу видеть эти разрушения. Он бросил ошеломленному Клеоппу мешок с серебром.

— Похорони убитых как полагается. А о госпоже и моем сыне не беспокойся, они живы и я найду их.

Отправив Клеоппа по делам и оставшись один в доме, Федор еще раз обстоятельно прошелся по нему и обнаружил убитыми всех своих охранников, которых не так давно нанял для охраны золотого запаса, о чем они и не знали. Повинуясь инстинкту, Федор разжег факел и забрался по узкой лесенке в подвал, где хранился этот запас. К счастью, все было на месте. Никто из нападавших во время вторжения и не подумал "перетаскивать из дальнего угла подвала бочки с вином и амфоры с маслом, да еще

делать это в кромешной темноте. Проверив подземелье и убедившись, что все золото лежало в неприкосновенности, Чайка даже загрустил. «Зачем мне золото, если Юлии нет, — потерял вдруг самообладание Федор, — кому все это нужно?»

Но, отогнав от себя панические мысли, он схватил факел и стал подниматься наверх повторяя: «Они живы и скоро я их найду». Это немного успокоило его. А вскоре вернулся Клеопп с нанятыми людьми, и работа в доме закипела. Федор смотрел, как они выносят и грузят убитых на подогнанную специально телегу, и понимал, что жизнь обязательно вернется в этот дом. Главное — верить. Перед отплытием он принес жертвы Баал-Хаммону, но и без них Чайка верил, что найдет Юлию с сыном и освободит их, даже если для этого придется перевернуть вверх дном все Средиземноморье.

В Тавромении он сошел с корабля, намереваясь как можно быстрее отправиться в горы, пересев на лошадь. Но пришлось немного задержаться, чтобы сделать осмотр боевых кораблей. Здесь, в узкой бухте, под прикрытием скал, стояло восемь квинкерем, плотно притершись друг к другу. В обычное время места хватило бы лишь для пяти. Однако Ганнибал поведал новому командующему армией, что экспедиционный флот разбросан по нескольким бухтам Сицилии, чтобы не привлекать внимания до самого последнего момента.

— Пока ты не окажешься в море, — наставлял он Федора, — никто не должен подозревать, что ты задумал и куда направляешься. Даже твои капитаны не должны догадываться об этом, не говоря уже о союзниках из Сиракуз. В этом деле обойдемся без них. У сената тоже есть шпионы.

Федор ничуть не усомнился в словах Ганнибала. Еще недавно он сам был втянут в шпионскую игру; которая привела его в Карфаген против воли и в бессознательном состоянии. А поэтому пообещал тирану, что армия погрузится на корабли и отплывет в полной тайне, насколько возможно скрыть от посторонних глаз перемещение почти восьми тысяч человек и десятков кораблей. По дороге из Тарента он обдумывал, как это лучше сделать, и пришел к выводу, что погрузка в избранных портах должна начаться в разное время.

В Алезе, находившейся на северном побережье острова, она должна начаться раньше всех, равно как и отплыть оттуда корабли должны раньше. Пока они огибают мыс Пелор, добираясь до Тавромения и Катаны, у остальных будет еще день с небольшим на завершение своих дел. И лишь в Катане, что неподалеку от Сиракуз, флот соберется вместе, направившись в открытое море.

Чайке требовался совет более опытных моряков. Его так и подмывало поделиться своими размышлениями с Могадором, корабль которого по-прежнему был у него флагманом, но Федор воздержался. Хотя и не мог представить, что Могадор окажется шпионом сената. Однако наставления Ганнибала давали себя знать. Слишком высока была цена победы в этот раз. Он лишь сообщил Могадору, что намерен использовать «Лике» для нового плавания, и тот подчинился, поскольку Чайка был выразителем воли самого Ганнибала. Так что его прежнему командиру из Мессаны пришлось пока забыть про своего подчиненного. Охраной северных берегов Сицилии занимался теперь другой офицер.

В Тавромении Чайка осмотрел корабли, готовые для приема пехоты, и остался доволен. Квинкеремы были новехонькие, недавно отстроенные с металлическими плитами защиты от таранного удара ниже ватерлинии. Каждая могла нести при необходимости по триста пехотинцев, а на этот раз такая необходимость была. «Поплывем, как селедки в бочке, — размышлял Федор, прогуливаясь по палубе одной из них и вспоминая, сколько народа, коней и слонов ему надо перебросить на африканский берег, — ну да ничего, доберемся».

Закончив беглый осмотр и не преминув расспросить капитанов о торговом корабле, который мог появляться в этих водах. Чайка спустился на берег. Торговых кораблей мимо этой бухты проплывало много, но ни один из них сюда не заходил. Как объяснил Федору капитан квинкеремы. Ганнибал с некоторых пор запретил им останавливаться в бухте Тавромения.

«Ах да, — вспомнил с неудовольствием Федор, неудачно попытавшийся начать поиски Юлии, — секретность».

На берегу он сел на лошадь и в сопровождении всего двадцати всадников и Амада, встречавшего в бухте новое начальство, отправился в глубь острова. А точнее вверх по дороге, ведущей среди скал. Спустя пару часов непрерывной скачки по горному серпантину они достигли склонов горы, на которой расположился первый из тайных лагерей, в котором было сконцентрировано две хилиархии пехотинцев.

Как все четко рассчитано, — произнес Федор, проехавшись по лагерю и убедившись, что солдаты полностью готовы к погрузке, — неподалеку стоит восемь кораблей, которых как раз достаточно, чтобы взять на борт всех этих солдат.

Ганнибал приказал построить лагерь так, чтобы он особенно не бросался в глаза, — пояснил командир одной из хилиархии, по совместительству выполнявший обязанности начальника лагеря, — и в то же время можно было легко достичь ближайшей

гавани. Мы так и сделали.

— Наш главнокомандующий мудр, а вы все сделали верно, — подтвердил Федор, — будьте готовы к погрузке в любой момент.

Затем он слегка перекусил и отдохнул в палатке коменданта, поскольку собирался весь день провести в седле.

— Где находятся слоны? — уточнил Федор у Амада, служившего ему проводником по расположению тайной армии финикийцев.

— Они в следующем лагере, что стоит в верховьях двух горных рек, — доложил Амад, — мы доберемся туда к вечеру.

Федор окинул взглядом невысокого, но плечистого кавалериста, затянутого в блестевшую на солнце кирасу. Амад носил короткую бороду, имел крючковатый нос и слегка раскосые глаза под кустистыми бровями. С первого взгляда он больше напоминал ему скифа, чем финикийца. Однако Чайка не стал говорить командиру испанской конницы об этом. Мало ли кто был у него предком. Среди финикийцев браки с иностранцами только поощрялись.

— Тогда вперед, — решил главнокомандующий и, отдав коменданту все необходимые приказания, запрыгнул в седло.

Путь от первого лагеря до второго проходил по живописной долине, откуда открывался колоссальный вид на вулкан Этна. Сама долина, где проезжал отряд Федора, поросла яркой и сочной травой, а половина склонов даже настоящими деревьями. Но вот склоны дремавшего вулкана, словно гигантская шишка возвышавшегося надо всей округой, были покрыты чахлой, едва различимой растительностью и кустарником. Последнее извержение, как он слышал, происходило давно, однако залитые лавой склоны до сих пор не могли восстановить нормальный ход жизни. Все это, впрочем, не помешало деревьям на пути отряда пунов вырасти до нормальной величины. То и дело эти деревья скрывали от глаз всадников всю дикую красоту вулкана. И любознательному от природы Чайке приходилось все время придерживать коня, чтобы запечатлеть в своей памяти это величественное зрелище.

— Впечатляет, — кратко восхитился Федор, указав Амаду на вулкан, когда они остановились на небольшой привал у одинокой торчавшей скалы, расположившись в ее тени.

Амад лишь пожал плечами и сообщил, указав совсем в другую сторону:

— Наш лагерь вон там, — за поворотом долины. Слонов сюда доставили из Алезы. Это было довольно трудно.

— Не вижу особых трудностей, — назидательно заметил Федор, вновь вскакивая на коня, — когда мы преодолевали Альпы

в Северной Италии со слонами, вот это было действительно трудно. Едва не потеряли почти всех. А тот путь для них наверняка был увеселительной прогулкой.

Амад ничего не сказал, молча последовав за своим командиром. Однако начавшиеся за поворотом долины пропасти заставили Федора изменить свое мнение. «И зачем стоило тащить сюда слонов, — раздраженно думал он, направляя рыскавшего коня на середину тропы, прижимавшейся к скалам, — ох уж эта мне конспирация».

Впрочем, прибыв в лагерь, он вернулся к своему прежнему мнению, обнаружив, что с другой стороны подходы к лагерю был не столь затруднены. И все же лагерь находился далеко от главных торговых путей не зря. Он был спрятан в небольшом лесу и размещен между скал. Это сооружение имело размеры втрое больше того, что они видели прежде, и, кроме пяти слонов, вмещал в себя четыре тысячи пехотинцев и всех всадников Амада.

«Так вот, где скрывается костяк моей армии, — подумал Федор не без некоторого самодовольства. Въезжая сквозь мощные ворота в лагерь и оглядывая бесконечные ряды палаток, он уже ощущал себя Александром Македонским, — хорошо постарались строители. С тропы вообще ничего кроме леса не заметно».

Вечером, отдохнув с дороги, Чайка приказал построить солдат у лагеря и провел им небольшой смотр. Глядя на бравый вид пехотинцев, обмундирование которых выглядело совсем новеньким, у него даже закралась мысль устроить немедленно учения для поднятия духа. Заставить бойцов поглотать пыли и встряхнуться. Но после того как выяснилось, что три из четырех хили-архий укомплектованы опытными ветеранами Атарбала, не один год воевавшими против римлян, передумал. Некоторых солдат Чайка даже узнал в лицо, приходилось биться когда-то вместе. А первой ему попалась на глаза хилиархия, недавно сформированная из сицилийских бойцов, но и эти уже успели немного повоевать под Сиракузами и потом, отражая римские десанты. Поразмыслив, Федор ограничился тем, что собрал командиров хилиархии в своем шатре.

— Я доволен вашей боевой готовностью, — похвалил главнокомандующий, оглядев собравшихся за столом офицеров, — очень скоро она нам понадобится. У всех хватает снаряжения для предстоящего похода?

Офицеры молча закивали. Все было в порядке. Лишь один из них, тот, что командовал сицилийской хилиархией, сообщил:

— У меня только вчера поступило еще пятьдесят пять новобранцев из соседних деревень, — отрапортовал он, — панцири для них нашлись, но они еще не имеют оружия.

— Как же ты собираешься с ними воевать? — усмехнулся Федор.

— Оружейники обещают в ближайшие дни выковать необходимое количество мечей, — ответил офицер, — а щиты и шлемы прибудут завтра с обозом. Пока мы тренируем их сражаться в строю с учебным оружием.

— Хорошо, — согласился Чайка, — но поторопись. Кто отвечает за слонов?

Вперед выступил широкоплечий офицер-ливиец. Федор невольно обратил внимание на то, что его панцирь трещал от накачанных мускулов. Это был настоящий силач. «Просто Геракл какой-то, — едва не усмехнулся Федор. — Он, наверное, сам из погонщиков и может одним ударом слона повалить».

— Меня зовут Исмек, — с поклоном ответил крепкосбитый офицер.

— Все животные здоровы?

— Все, — ответил Исмек, поправив кожаный пояс, на котором висел меч, — хоть сейчас готовы топтать римскую конницу.

И добавил, помолчав немного:

— И любого врага, который встретится нам на пути.

— Это хорошо, — процедил Федор, размышляя, надо ли посмотреть на слонов в деле или не стоит тратить на это время.

— Если желаете, — понял его мысли Исмек, — я могу завтра утром показать, на что они способны, мы как раз собирались запастись дровами.

— Вы используете их на работах? — поинтересовался Чайка строгим голосом, отчего Исмек ощутил себя виноватым.

— Пока стоим лагерем, мы используем слонов для перевозки леса, — ответил он, медленно подбирая слова, — все равно животные должны работать. От того, что они будут только отдыхать в бараках, пользы не много.

— Смотри, — предупредил его Федор, вспомнив соседние с лагерем пропасти, куда сам едва не угодил несколько раз по дороге сюда, — слонов у меня и так не много. Отвечаешь головой за то, чтобы никто их них не поранился и не заболел. Все они нужны мне в бою.

Исмек, с видом оскорбленной невинности, отступил назад. По его лицу Федор понял, что этот парень давно имел дело со слонами и не привык слушать чужих советов, от кого бы они не исходили. «Гордый, — поймал себя на мысли Федор, — но это хорошо. Значит, на своем месте и слоны будут в порядке».

— Твою конницу, Амад, я посмотрю завтра утром, — решил Чайка, заканчивая совещание.

Наутро, хорошо выспавшись, Федор выехал вместе с

испанской конницей в соседнюю долину, где всадники провели для него показательное сражение, разделившись на два лагеря. Отметив, что конница ему досталась превосходная, Федор не стал утруждать их лишними маневрами, на которые у него не было времени, а отправил всех обратно в лагерь, похвалив за службу.

— Где находятся нумидийцы? — уточнил он у Амада, когда они возвращались в лагерь, из которого как раз выводили слонов. Один из них вдруг поднял хобот, издав такой грозный рык, что конь под Чайкой вздрогнул и дернулся в сторону.

— Так где они стоят? — повторил Федор, возвращая коня на тропу.

— Половина нумидийцев расквартирована недалеко от городка Митистрата, — пояснил тот, поправляя ремешок шлема и посматривая на слонов, удалявшихся в лес, — остальные прямо на побережье у Алезы. Оба лагеря стоят на одной дороге. Там же, в Алезе, еще одна хилиархия пехотинцев. Ливийцы, верные Ганнибалу.

— Сколько до Алезы скакать? — уточнил главнокомандующий.

— Два дня, — ответил Амад, вытирая пот со лба.

Жара стояла невыносимая. Даже слабый ветерок не беспокоил облака, зависшие над величественной Этной, которая была видна и отсюда.

— Мы двинемся в Алезу немедленно, — решил Федор

Следующие два дня ушли на то, чтобы проинспектировать Алезу и прилегавшие к ней области, поскольку выяснилось, что Ганнибал не все сообщил Федору относительно флота, поступавшего в его распоряжение на время похода. Для того чтобы финикийский флот не бросался в глаза, он был разделен на эскадры и размещен по многочисленным гаваням, разбросанным вдоль всего северного побережья Сицилии. Вернее, той его части, что примыкала к городу Алеза. Который, как оказалось, сам даже не был морским портом, отстояв от побережья на несколько километров. Едва увидев этот небольшой живописный город, Федор понял замысел Ганнибала. Алеза, на первый взгляд не имевшая прямого выхода к морю, был идеальным местом, чтобы собрать флот, не привлекая особенного внимания. Тем более что корабли верных Ганнибалу финикийцев находили приют во всех гаванях вдоль северного побережья Сицилии, от Панорма до Мессаны, составляя эскадры береговой охраны.

Впрочем, гавань неподалеку тоже имелась и не маленькая, с хорошо оснащенными пирсами и складами. В ней стояло десять квинкерем и несколько дюжин торговых судов, большая часть которых предназначалась для перевозки коней, слонов и

провианта для армии, скрывавшейся до своего часа в горах. Недалеко от Алезы находился и немаленький осадный обоз. Федор был приятно удивлен, узнав, что в его распоряжении находятся два десятка баллист и катапульт, изготовленных в походном варианте самим Архимедом.

Проехавшись по всем обозначенным гаваням вместе с Амадом, Федор встретился с капитанами и отдал им приказ немедленно готовиться к отплытию. Тем более что, посетив по дороге нумидийские лагеря, он уже сдвинул этих чернокожих всадников с места, приказав на следующий день спуститься в Алезу. Разобравшись с делами на побережье, Федор немедленно отдал приказ Амаду отправить гонцов в высокогорные крепости, таившиеся в окрестностях Этны. В каждом из свитков, которые везли эти гонцы, находился четкий план с указанием времени выступления из лагеря и начала погрузки на корабли. У всех капитанов тоже имелись четкие инструкции относительно времени. Вся операция по выдвижению армии из глубинных районов и отплытию должна была уложиться в три дня, за которые сам Федор намеревался вновь пересечь Сицилию на коне в обратном направлении и вернуться на побережье, но уже в районе Катаны, где его ждал оставшийся флот.

«Заработала военная машина, — подумал Федор с удовлетворением полководца, который начинает войну по собственному усмотрению, глядя, как хилиархия ливийцев марширует от Алезы в сторону указанной гавани, — обратной дороги нет»:

Его, конечно, тянуло посмотреть и на новое имение, находившееся не так уж далеко отсюда, но не было времени. Да и появляться там без Юлии и Бодастарта он не хотел, а их поиски пока приходилось отложить на неопределенное время. Война требовала Федора целиком, без остатка. Но что-то подсказывало Чайке, что боги ведут его в правильном направлении.

Глава шестая
Набег на Одесс

Первые полдня караван боролся со встречным ветром, и у Ларина было такое ощущение, что они простояли на месте почти до обеда. Затем ветер круто изменился и погнал корабли в сторону Том. Так прошел день. Уже в кромешной тьме караван скифских судов достиг побережья неподалеку от осажденного города. Ларин приказал двигаться на приличном удалении от берега, чтобы их не могли заметить наблюдатели. Однако и в море далеко уходить не спешил, — мало ли кого там можно было встретить.

Он планировал миновать Томы еще в темноте, не так уж далеко они находились, и даже допускал, что просто не заметит их. Но случилось это уже с первыми лучами рассвета, который разгорался все быстрее, словно стремясь лишить их «защитной маскировки». Впрочем, Леха зря переживал. Даже тогда, когда тьма еще не рассеялась полностью, они все равно не смогли бы проплыть мимо, не заметив город на побережье. Дело в том, что там бушевал огромный пожар, в котором даже с такого расстояния были легко различимы стена, башни и крыши домов. То и дело небо чертили огненные протуберанцы, разбивавшиеся о городские строения снопами искр.

— Молодец, Токсар! — похвалил Леха своего заместителя. — Лихо за дело взялся.

— Это верно, — подтвердил пришедший в себя после долгой скачки оружейник, который теперь находился рядом с адмиралом и не спал потому, что его вдруг начала мучить морская болезнь, — зажигательными горшками бьет.

— Похоже, он и катапульту использовал, — произнес Ларин с удовлетворением, вглядываясь в предрассветную мглу, — больно уж близко к стенам горит. Значит, уже к городу подобрался.

Когда рассвет вошел в полную силу, и солнце засияло над морем, караван скифов оставил Томы уже далеко позади, вторгаясь все глубже в «территориальные воды» этой колонии. Пока, двигаясь вблизи берегов, они не встретили ни одного греческого корабля. Лишь изредка мелькал парус рыбацкой лодки.

Вот так бы до самого конца, — высказался Ларин, разглядывая протяженные пустынные берега, словно здесь никто не жил, хотя они отдалились еще не так уж сильно от самих Том.

Но, сколько не вглядывался адмирал, смог заметить только несколько деревень на холмах, поросших редколесьем.

— Я представлял себе эти места густонаселенными, — с удивлением проговорил он, переводя взгляд на открытое море, — впрочем, нам это только на руку. Эй, Каранадис, ты вроде местный, тут что, разве мало народа живет?

Замученный морской болезнью, оружейник полулежал, привалившись к баллисте. А обслуживавшие ее солдаты с настороженностью поглядывали на него. Но прогнать боялись, поскольку Каранадис считался приближенным самого адмирала да знакомцем бога войны. Хотя сейчас этот «знакомец» выглядел жалко.

Область, прилегающая к Томам, обширна, — еле выдавил из себя грек, с трудом принимая вертикальное положение и осматриваясь по сторонам, словно только сейчас заметил, что находился на корабле, — в ней много крупных поселков, а еще больше деревень, но большинство из них находится в глубине полиса. Только такие крупные города, как Томы, стоят на самом берегу, поскольку вся торговля идет через этот порт.

— Конкуренции, что ли, боятся? — хохотнул Ларин, который становился все веселее по мере продвижения к цели.

Грек умолк, не поняв странного слова.

— Ты хоть знаешь, куда мы плывем? — вдруг поинтересовался Ларин и, не дожидаясь, пока медлительный оружейник сообразит, огорошил его: — В Одесс.

— В Одесс? — испуганно переспросил Каранадис, вскинувшись, словно не поверив своим ушам. — Но зачем?

— Надо повидать одного общего знакомого, — ухмыльнулся Леха, подмигнув оружейнику, — да, может быть, заодно о твоей семье что нового узнаем. Разве плохо?

— Но там ведь… — начал было Каранадис, но запнулся на полуслове, поперхнувшись.

— Думаешь, там все еще ищут тебя, как беглого раба? Или про армию Одесса мне намекнуть хотел? Не ждут нас в гости, — вновь расхохотался Ларин и указал назад, где, рассекали волны мощные военные корабли. — Так ведь и я не один плыву. Как-нибудь договоримся.

Он отошел от борта и приблизился к оружейнику, который все еще стоял, опершись о баллисту и боясь от нее отойти. Качка была довольно сильной, попутный ветер крепчал. Корабли скифов шли под парусами — Ларин хотел прибыть на место как можно быстрее. В его замысле главным фактором была внезапность, а вторым — время выполнения операции. Он рассчитывал лихим наскоком взять город без длительной осады, выпотрошить его,

предать огню и вернуться в Томы. План был прост и гениален, если не считать, что оборона Одесса ему была известна лишь в общих чертах. Спроси его, почему он решил, что Одесс падет без длительного сопротивления, он не смог бы ответить — разведданных явно не хватало, — но он был уверен, что именно так все и произойдет. Интуиция давно не подводила адмирала.

— Слушай, Каранадис, — перешел на задушевный той Леха, приобнимая полуживого грека за плечо, — расскажи-ка мне, как выглядит твой родной город? Широкая ли там бухта, большие ли стены? И долго ли плыть до него? По моим подсчетам, примерно два дня.

Каранадис едва сдержал порыв из глубины души и Ларин невольно отодвинулся. Но оружейник справился с собой и проговорил:

— Да, это верно. От Истра до моего города плыть ровно три дня, если нигде не останавливаться. Я плавал несколько раз.

— Молодец, — похвалил его Леха, — давай дальше.

Город довольно богатый, много ружейных лавок и корабельных мастерских, — продолжал бормотать Каранадис, то и дело хватая ртом соленый морской воздух, — но стена старая и не очень высокая. Даже ниже, чем у Истра. Старейшины города давно хотели ей ремонт сделать, перестроить и подновить, да все не могли собраться. Вернее, денег жалели. Вроде и так нормально жилось. Никто не нападал.

— У-гу, — подтвердил Леха, скрестив руки на груди, — скупой платит дважды. Скоро мы заставим твоих старейшин поверить в это. Стена, говоришь, не высокая и старая. Это хорошо.

— Да, невысокая, — вновь подтвердил Каранадис, — но еще крепкая. Самое слабое место со стороны бухты, за пирсами, где стоят торговые корабли Там хватит высоты одной лестницы, чтобы перебраться. Да и башен с метательными машинами там меньше, чем у главных ворот. Всего одна поблизости.

— Значит, надо брать Одесс со стороны бухты. Послушай. Каранадис, да тебе как предателю цены нет, — усмехнулся Ларин, вновь приближаясь к оружейнику, — ты словно знал, что родной город сдавать придется. Готовился.

— Они сломали мою жизнь, — зло проговорил грек, и в его глазах появилась настоящая ненависть, — моя семья наверняка продана в рабство. Это больше не мой город. Если я только доберусь до Иседона, я сам сверну ему шею!

— А вот об этом забудь, — окоротил его Леха, — когда мы возьмем город, я сам с ним разберусь. Есть у меня к нему личный должок. Но, обещаю, ты будешь при этом присутствовать. Как-никак вы с ним тоже приятели.

Каранадис посмотрел на Леху в упор и в его глазах блеснул холодный и злой огонек. Такой огонь бывает в глазах человека, который готов убить. Леха аж отшатнулся от неожиданности, так зло посмотрел на него тщедушный грек. Не понравились ему насмешки адмирала.

— Горшки приготовил? — сменил тему Ларин, решив больше не донимать незадачливого оружейника своими расспросами о прошлом.

— Три штуки, — процедил сквозь зубы Каранадис.

— Ну вот и отлично, — подытожил Ларин, отходя к борту.

Огонек блеснул и погас.

Два следующих дня плавания прошли на удивление спокойно. Боги явно благоволили походу скифов, и «Узунлар» гордо рассекал волны впереди каравана, двигавшегося в открытом море. То и дело адмирал вспоминал об афинском флоте, который здесь давно ждали. Однажды они даже заметили несколько парусов на горизонте, но это было так далеко, что не удалось рассмотреть даже, что это были за корабли — военные или торговые.

Дело было под вечер, и они скрылись во тьме, а наутро горизонт вновь был чист.

— Может быть, это был торговый караван, — предположил Темир, когда они с адмиралом после утренней трапезы прохаживались по кораблю. — Шел в Боспорское царство или к нам в Херсонес. На афинян не похоже, слишком уж мало было там кораблей.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Леха, останавливаясь у носовых ограждений, — на грозу морей тот флот не тянул. Да и на флот тоже, так, эскадра. Скорее всего, торговцы. Если нет врагов в море, нам только проще. Я и не рассчитывал без стычек добраться до места. А вон оно как выходит. Быстрее на месте будем.

Замечание Темира насчет Бос поре ко го царства заставило Леху вспомнить о давно забытых делах. О Крыме, о своей наложнице Заране и о том, что у него в той дали подрастал сын. «Интересно, на кого он больше похож сейчас, на меня или на Зарану? — озадачился адмирал, которому вдруг захотелось развернуть корабли и поплыть вдогон за тем торговым караваном, чтобы прибыть в Крым вместо Одесса и оказаться в собственной юрте, — странное дело, ведь давно там не был, а как тянет. Словно на родину. Но нельзя. Надо сначала в этих краях повывести всю греческую нечисть, а потом и домой заглянем. Посидим с Иллуром, попируем у костра как встарь».

Леха так размечтался, что совершенно ушел в свои мысли и

вынырнул из них лишь после того, как Темир взмахнул рукой, указывая на что-то прямо по курсу.

— Что ты говоришь? — сделал вид адмирал, что переспрашивает, хотя не слышал ничего из сказанного Темиром.

— Там какой-то город у подножия холма, — повторил капитан, — это, случайно, не Одесс? Я не бывал в этих краях.

Ларин проследил за жестом капитана и тоже разглядел город, который высвечивало пробивавшееся прямо над ним из облаков солнце. Третий день плавания выдался пасмурным, хотя без дождей. Словно небесный прожектор осветили лучи солнца неизвестный город у холма. Этот город стоял на плоском каменистом мысу, до которого предстояло плыть еще не меньше, чем полдня, если непрям и к, поскольку здесь побережье резко забирало в сторону, образуя протяженный залив.

— Эй, Каранадис! — подозвал Леха к себе оружейника, что пробирался вдоль соседнего борта. — Это не твой Одесс?

Грек с неохотой оторвался от ограждения, на котором были закреплены щиты морпехов, и приблизился к адмиралу.

— Он, — подтвердил Каранадис, бросив пристальный взгляд на освещенный лучами солнца город, — он самый.

— Значит, мы почти на месте. Какая мирная картина, — с удовлетворением заметил адмирал, охватив быстрым взглядом уютные берега залива, одинокий солнечный луч и далекий город. А затем добавил, обернувшись к Темиру: — Приготовиться к бою.

Весь флот по приказу адмирала приблизился к берегу и стал пробираться вдоль него так, чтобы не быть замеченным раньше времени из города, благо извилин и бухт здесь хватало. На кораблях его ударного флота засвистели дудки, появилась суета, везде усиленно готовились к предстоящей битве. Флот скифов быстро приближался к обреченному городу, чтобы нанести мгновенный и смертельный удар. Леха, глядя на все это и посматривая с опаской на близкий уже берег, где то и дело попадались деревни, пробормотал себе под нос:

— Просто Перл-Харбор какой-то.

Его немного беспокоил тот факт, что с берега его могут заметить рыбаки или какой-нибудь разъезд всадников из армии Одесса, а потом донести в город, но интуиция заставляла его рисковать. В открытом море флот был еще лучше различим, атак оставалась надежда вынырнуть из-за последнего изгиба скал и успеть достичь бухты, пока греки соображают, чей это флот решил посетить их уютную гавань.

Они плыли еще часа три, повстречав на своем пути лишь деревни, где крестьяне занимались своим повседневным трудом, да рыбацкие лодки на воде. И лишь у самого города, когда вышли

на «оперативный простор», скифы увидели две триеры, шедшие встречным курсом. Греческие моряки оказались наблюдательнее рыбаков. Едва распознав силуэты квинкерем и разглядев скифские панцири на борту, они резко развернулись, попытавшись скрыться в бухте. Но Леха не дал им такой возможности.

— Атаковать! — приказал адмирал Темиру. — Хватит прятаться. Настало время расплаты. Вот они мы.

Темир словно только этого и ждал. Он дал отмашку артиллеристам, и с борта «Узунлара» вдогон триерам полетели каменные ядра. Корабли греков находились уже в зоне досягаемости, подтверждение чего Леха тотчас получил. Несколько ядер угодили в корму ближнего корабля, раздробив его рулевое весло и пробив кормовые ограждения. С десяток греческих моряков уже мертвыми оказались в воде. И среди них был капитан корабля. Ларин сам видел, как того вышибло с палубы ядром, словно кеглю в боулинге.

— Молодец, Темир! — похвалил адмирал, глядя, как разогнавшаяся триера, потеряв управление, забирает влево. — Хороших стрелков выучил. Теперь осталось только пустить ее на дно.

А когда капитан уже дернулся, чтобы отдать приказ идти на таран, Леха остановил его:

— Но это сделаем не мы. Оставь его на растерзание другим. Наша цель — бухта.

И, сказав это, невольно смерил взглядом Каранадиса, который прятался за их спинами, с опаской поглядывая на берег. Новой установки он построить не успел, так что делать ему было особенно нечего. Но Ларин был уверен, что этот хлипкий грек еще пригодится при осаде. А пока приказал вести «Узунлар» прямиком в бухту, куда стремились сейчас со всей округи рыбацкие лодки, заметившие опасность, и последняя триера греков, что пыталась уйти от преследования. Проследив за ней, Ларин заметил две невысокие башенки у входа в округлую бухту Одесса, откуда явно управлялась цепь, готовая вот-вот запереть вход в акваторию.

_ Ускорить ход! — прорычал Леха. — Мы должны ворваться в бухту вместе с этой триерой! Это наш единственный шанс.

Темир транслировал его приказ командиру гребцов, и едва он умолк, как Ларин услышал позади грохот удара. Этот звук ему был хорошо знаком. Квинкерема, что шла за ним следом, протаранила греческую триеру, опрокинув ее на бок и почти подмяв под себя. Гоплиты и моряки с поверженного корабля посыпались в воду.

— Отлично, — похвалил адмирал сам себя, — один готов. Теперь бухта.

Он не видел, почувствовал панику, охватившую охранников башен. Они тоже понимали, что квинкерема скифов может ворваться в город, но не могли бросить своих моряков и ждали до последнего, надеясь поднять цепь сразу после того, как корма триеры проскочит невидимую линию между башен.

— Быстрее! — орал Леха, — мы должны слиться с ними!

Гребцы старались изо всех сил и «Узунлар» летел как на подводных крыльях. Его хищный массивный нос уже почти касался кормы греческого судна, которое отделяло от него не больше пятнадцати метров. Над палубой квинкеремы засвистели стрелы и Ларин увидел, как упало несколько его морпехов. Греки стали пускать стрелы почти в упор, увидев врага рядом. Но и скифы ответили им тем же, окатив палубу триеры волной стрел. Разогнавшись, оба корабля проскочили «морские ворота», но Ларин осознал это, лишь услышав грохот поднимаемой цепи, что проскрежетала по корме его корабля, и увидел разъяренные липа греческих охранников почти на одном уровне со своим.

Лучники-скифы выпустили но башням десяток стрел и сразили всех, кто там находился. Цепь так и осталась под волок. Они миновали башни, не дав ее поднять. И Ларин, стоявший на корме, с удовольствием заметал» как в гавань вошел еще один его корабль. Аза ним спешил третий. Бал* листы обоях кораблей прицельно били по башням, основательно обработав их верхнюю часть. Леха увидел, как последи ий корабль сбросил ход, высадив десант на стену. Морпехи с обезьяньей ловкостью взобрались на нее и захватили полуразрушенные башни, с которых можно было контролировать прилегавшую стену не слишком большой высоты.

— Отлично, ворота наши, — кивнул Ларин и, обернувшись к Темиру, добавил, вновь смерив взглядом Каранадиса: — Оставь в покое эту триеру, хватит с нее повреждений от наших баллист. А теперь поворачивай вон туда, нам нужна торговая гавань.

Глава седьмая
Берег Африки

Море встретило их благосклонно. Легкий шторм, разыгравшийся утром в проливе, не помешал всем кораблям прибыть в район Катаны, где Федор уже поджидал их на борту «Ликса», качавшегося на волнах в нескольких милях от побережья. Когда он увидел все корабли, которые Ганнибал отрядил для этого флота, то в очередной раз понял, что доверие Сильные мира сего понимают всегда по-своему. Еще собирая армию по разбросанным в горах лагерям, Чайка путем простого подсчета пришел к выводу, что для ее отправки в Африку понадобится столько свободных кораблей, сколько не найдется на всей Сицилии, разве что оставить ее совсем без прикрытия. Он успел осмотреть лично лишь часть кораблей и немного переживал за оборону острова, который будет теперь уязвим для нападения римлян. Однако вся «береговая охрана» оставалась в своих портах, а в плавание вышли только специально предназначенные для него корабли. Больше тридцати пяти квинкерем, не считая грузовых судов, перевозивших осадный обоз, коней для всадников Амада и нумидийцев, а также слонов. Это был внушительный флот, способный поспорить с римским и карфагенским, при необходимости.

«Похоже, наш новый тиран немного лукавил, когда отправлял меня первый раз в море, — усмехнулся про себя Федор, рассматривая бесконечный караван, растянувшийся по морю, — кораблей у нас было предостаточно. Однако он берег их для других целей».

— Прибыли все, включая корабли Алезы, — отрапортовал Могадор, поднимаясь по лестнице на кормовое возвышение. — Куда держим курс?

Федор ненадолго задержался с ответом. Вот он, момент истины.

— В сторону берегов Карфагена, — ответил он наконец, поймав озадаченный взгляд капитана, — выходим в открытое море и держимся как можно дальше ото всех островов, чтобы раньше времени не попадаться на глаза. Мы должны избегать сражений до тех пор, пока не прибудем на место.

Могадор кивнул с понимающим видом. Едва увидев общее количество кораблей, он уже начал подозревать, что на этот раз им приказано взять Рим. Однако, услышав приказ наварха, ему

стало ясно, что подобные силы можно использовать и в другом направлении.

Отдавая приказ, Федор отчетливо понимал, что и открытое море таит в себе опасности. Особенно в этом районе. Здесь можно было встретить римские эскадры и флот карфагенского сената, не говоря уже о греческих и египетских, кораблях, ведь Чайка собирался пересечь самую оживленную трассу Обитаемого мира, протянувшуюся от берегов древней Финикия до Мелькартовых столпов вдоль Северной Африки. И все же море есть море.

Он не зря отдал приказ сразу уходить подальше от берегов, в надежде обогнуть близкие уже Сиракузы, корабли которых постоянно курсировали в этом районе. И это почти удалось. Почти. К вечеру первого дня, когда караван солдат Ганнибала уже давно оставил Сицилию позади, им повстречалась эскадра триер. Судя по всему, это были греки из Сиракуз. Они спокойно прошли стороной, направляясь в сторону дома, но Федор был немного раздосадован. «Солнце еще не успеет сесть, а хитроумный Ферон уже будет в курсе, — расстроился Чайка, провожая взглядом изящные силуэты триер, — аза ним и Гиппократ. Это, конечно, друзья, но все же лучше бы им было не знать до поры до времени. Ну да ладно, теперь уже ничего не поделаешь».

— В море, — повторил Чайка, проходя мимо капитана, — дальше в открытое море.

К счастью, боги хранили их. За те несколько дней, когда флот Ганнибала пересекал море, оно оставалось спокойным, и лишь попутный ветер раздувал паруса квинкерем. Удивительно, но они не встретили ни одного вражеского корабля, лишь пару раз на горизонте были замечены паруса, но они исчезали так же быстро, как и появлялись. Федор, поначалу переживавший за секретность порученного ему дела, вскоре решил, что боги приняли его молитвы и нападение на берега Карфагена произойдет неожиданно. «Упадем как снег на голову», — вспомнил он давно забытую поговорку, хотя не видел снега с тех самых пор, как оказался здесь.

— Когда должны показаться берега Африки? — уточнил Федор на пятый день плавания у Могадора, когда они вместе занимались осмотром снаряжения и боеготовности моряков. Капитан по долгу службы, а Федор для того, чтобы хоть как-то развлечь себя в этом неожиданно спокойном плавании.

— По моим подсчетам, — ответил Могадор, бросив взгляд на растянувшийся позади флагмана караван, — мы уже близко. Сегодня днем должны показаться берега Гадрумета, а к вечеру появиться и Тапс.

Ты помнишь, что мы должны обойти их стороной? — уточнил

Федор, глядя, как тренируется расчет баллисты. — Здесь уже немало кораблей противника. Поэтому мы должны пройти далеко морем и высадиться уже в пустынных областях.

— Я так и сделаю, — подтвердил Могадор.

Когда после обеда и небольшого сна, последовавшего за этим, Федор вновь поднялся на палубу, то обнаружил, что качка усилилась, а справа по борту на горизонте уже видны плоские берега, поросшие пальмами. Вдоль них плыло даже несколько кораблей, но, судя по силуэтам, это были торговцы.

— Ветер крепчает, — доложил Могадор, встретив наварха.

— Мы уже миновали Тапс? — поинтересовался Федор, подставляя лицо соленому ветру.

— Еще нет, но мы уже близко, — отрапортовал пуниец. — Если направление ветра не изменится, то Тапс появится уже в сумерках. Нас сносит в море.

— Плохо, — поделился опасениями Федор, — ночью высадка невозможна. А заплывать слишком далеко от Тапса я не хочу. Постарайся ночью держаться ближе к берегу.

— Это опасно, — ответил Могадор, разглядывая горизонт, — я хорошо знаю эти места. Тут полно подводных скал. Лучше переждать волнение в открытом море, даже если нас снесет в сторону от цели. Иначе мы можем потерять много кораблей еще до начала высадки.

— Ладно, — согласился Федор, держась за ограждение, — ты моряк опытный, тебе виднее. А, кроме того, постоянно будь готов встретиться с кораблями сената. Мы все-таки уже в водах противника, хотя, надеюсь, нас здесь не ждут.

К ночи ветер действительно окреп, грозя перерасти в настоящий шторм. Квинкерема, до отказа набитая солдатами, грузно переваливалась с волны на волну. В последних лучах солнца, которое быстро закрывали наползавшие с моря черные облака, Федор, разгуливая по палубе, разглядел крепостные стены и башни какого-то города. Но Тапс ли это или еще Лептис-Минор, было не ясно. Море у берега было чистым от кораблей, давно укрывшихся в гавани.

— Пусть боги помогут нам пережить эту ночь, — помолился Федор на закат, глядя, как пенные волны бьются в борт корабля, сотрясая его до основания, — похоже, нам предстоит веселое время.

Он оказался прав. Ночью разыгрался мощнейший шторм, который быстро разметал караван по волнам. Все мгновенно пропало из вида. Матросы быстро убрали мачты, закрепив все, что было на палубе, веревками. Но все равно стихия стремилась разорвать «Лике» на части, пробуя на прочность корпус корабля

ударами волн, которые слизнули с палубы за ночь пятерых матросов, отправленных проверять снастя. Чайка поначалу то и дело сам выглядывал наружу, но потом бросил это бесполезное занятие, предоставив корабль умению капитана и воле богов. А сам отправился в кубрик, где и провел время до утра, выпив несколько кувшинов вина, после которых смог расслабиться и заснуть, несмотря на скрип снастей.

К счастью, кораблекрушения не случилось. Они миновали все подводные рифы. И, кроме гибели матросов и потери одной баллисты, которую смыло за борт, разорвав все крепежные веревки, «Лике»- легко отделался. Выбравшись на палубу, едва шторм стал стихать, уходя вместе с остатками ночи, Федор осмотрелся. Его караван, хоть и сильно потрепанный, держался позади, умудряясь сохранять даже подобие строя. Утонул ли кто-нибудь или отстал, было пока не ясно. Да и разбираться с этим времени у Чайки пока не было, поскольку, бросив взгляд туда, где должен был находиться берег, он увидел большой остров, который живо заинтересовал его. Остров был очень близко. А на острове находилась гавань, где иаварх заметил большие сооружения, в которых угадывались корпуса недостроенных кораблей. И таких кораблей он насчитал не меньше дюжины.

— Верфи! — выпалил Федор, обшаривая взглядом небольшое селение, жавшееся к скалам позади бухты. — Верфи сената, где он строит свой флот!

Чайка заметил на берегу какую-то суету и понял, что их тоже заметили. Это было нетрудно, все окрестности острова сейчас были заполонены кораблями его каравана. Но противостоять вторжению защитникам было трудно, слишком не равны были силы, — Чайка заметил лишь три квинкеремы, способные выйти в море. Метательные орудия стояли на возвышениях скал, но большой крепостной стены и башен здесь тоже не было. Похоже, эта бухта считалась настолько безопасной, что ее не стали укреплять. Или не успели. В любом случае перед навархом Ганнибала была отличная военная добыча, которую можно было взять почти голыми руками.

— Что это за остров? — выпалил Федор, когда заметил появившегося рядом Могадора.

— Еще не знаю, — честно признался капитан, осматривая плоские берега острова и горизонт, — но штормом нас отнесло значительно дальше того места, где мы хотели высадиться. Возможно, это остров Джерба.

— Джерба? — переспросил Чайка, словно припомнив что-то знакомое, и вдруг рявкнул: — Немедленно атаковать и сжечь эти корабли.! Мы захватили их врасплох, хвала богам! Нельзя

упускать такой шанс.

Могадор транслировал приказ на ближние квинкеремы. Сразу пять кораблей выдвинулись к острову и открыли стрельбу зажигательными горшками. Эти корабли беспрепятственно вошли в гавань, хотя им и попытались помешать моряки неприятеля. Две квинкеремы. сената из трех успели отчалить, и одной даже удалось протаранить корабль атакующего флота. Но они были быстро уничтожены в коротком и ожесточенном бою. Третью квинкерему солдаты Ганнибала подожгли еще у пирса, от которого она так и не отчалила. После того как единственные боеспособные защитники острова были нейтрализованы, артиллеристы переключились на недостроенные корабли, подвергнув их бомбардировке. На берегу заполыхал грандиозный пожар. А для того чтобы свидетелей этого рейда осталось как можно меньше, Чайка приказал высадить десант.

— Ай-я-яй, как неудачно вышло, — насмехался Федор над далеким сенатом Карфагена, глядя, как солдаты берут под контроль весь ближний берег острова, — уже почти были готовы целых двенадцать квинкерем, как неожиданно появились мы! Этот шторм нам очень кстати, да, Могадор? — усмехнулся Федор, даже хлопнув по плечу своего капитана. — Если бы не он, мы вряд ли смогли бы подойти к этой бухте незамеченными. Да и гарнизон здесь мог быть больше. Так что наше вторжение во владения сената началось вполне удачно.

— Да, — кивнул Могадор, — похоже, это так. Только остров большой, тут есть еще бухты, надо бы отправить и туда корабли, чтобы осмотрели все.

— Отправь, — разрешил Чайка, — пусть еще пять квинкерем обогнут этот остров и прочешут все его изгибы. А мы пока полюбуемся на эту гавань. Очень уж она мне нравится.

Когда Федор сошел на берег, ему в нос ударил мощный запах гари. Шутка ли, неподалеку полыхало, выделяя черный дым в ясное небо столько дерева, так и не ставшего кораблями сената. Глядя на обугленные остовы, Чайка испытывал только радость от столь удачно начавшейся операции и поначалу не придавал особого значения тому, что этот дым может быть видев издалека. Поэтому провел на берегу пару часов, лично осмотрев арсенал и несколько зданий. Баллисты были уничтожены довольно быстро, как и сопротивление незначительного гарнизона. Судя по всему, основным населением этой бухты были плотники, обслуживавшие строительство кораблей. Разобравшись с армией неприятеля, Федор приказал согнать всех захваченных плотников вместе и посадить на уцелевшие торговые корабли, что остались в гавани.

— Отправим их под охраной в Тарент, — распорядился он, —

пусть теперь строят корабли для Ганнибала. Мастерами не стоит разбрасываться.

Его радость еще усилилась, после того как в одном из каменных зданий обнаружилась казна верфей, состоявшая из нескольких сундуков с серебром и золотыми монетами. Это были хорошо знакомые Федору «слоны».

— А сенат не скупится на войну, — усмехнулся Чайка, осмотрев захваченные сокровища, — готов последнее отдать, лишь бы нас уничтожить. Но не выйдет.

И сделав знак погрузить все это на «Ликс», сам вернулся на корабль, готовый к отплытию. К этому времени пришло сообщение, что второму отряду удалось обнаружить и сжечь еще одну бухту, в которой стояло на стапелях три квинкеремы.

— Итого почти двадцать кораблей за один налет! — веселился Чайка, уже стоя на корме «Лик-са» и разглядывая с его борта пожарище на берегу. — Великолепное начало. Но все же надо двигаться к побережью и начинать высадку, пока здесь не появились крупные силы.

К счастью, шторм или тот факт, что их действительно никто не ждал так далеко от самого Карфагена, позволил флоту Чайки беспрепятственно покинуть остров и направиться к берегу, видневшемуся на горизонте. Когда передовые корабли достигли его, то Федор с большим удовольствием отметил полное отсутствие каких-либо строений на большом протяжении. Если не считать полуразвалившихся хибар рыбацкой деревеньки, берег был абсолютно пустынным. Но при этом низким и «обустроенным» сразу несколькими природными бухтами подряд, в которые могли беспрепятственно войти даже такие корабли, как квинкеремы.

— Великолепно, — пришел к выводу Чайка, осмотрев с борта «Ликса» окрестности. — Мы прибыли на место. Пусть и немного дальше, чем рассчитывали, но мне оно подходит. Начать выгрузку армии.

Первыми к суше подошли две квинкеремы, участвовавшие в обстреле острова, высадив десант, который немедленно рассыпался по берегу и занял все господствующие высоты.

— Молодцы, — похвалил наварх, наблюдавший за ними, — так никто нас не побеспокоит раньше времени, даже если появится здесь неожиданно.

Затем к берегу подошли «торговцы», выгрузив на него коней. Почти одновременно с ним в соседней гавани высадили сами испанские кавалеристы, а рядом с ним и нумидийцы.

— Ну, пора и нам сойти на берег, — решил Федор, — командуй, капитан.

Могадор отдал приказ, и «Ликс», подталкиваемый методичными взмахами сотен весел, осторожно приблизился к побережью. Достигнув мелководья, корабль уткнулся носом в песок. Осмотрев песчаный пляж и волны, омывавшие борта квинкеремы, Федор делано вздохнул и бросил капитану как упрек:

— Пирсов здесь, конечно, нет.

Сенат Карфагена не приготовился к нашему прибытию, — усмехнувшись, ответил на это Могадор.

Тогда хотя бы прикажи спустить лодку, — махнул рукой Федор, глядя, как морпехи уже начали высадку, спускаясь по веревкам прямо в воду, и брели по ней к берегу по пояс в воде, — я командующий армией, в конце концов, или нет.

Могадор сделал соответствующие указания, и вскоре у кормы покачивалась на волнах длинная шлюпка, способная вместить человек пятнадцать. Сейчас в ней, однако, были только Федор, Могадор и гребцы. Пока шлюпка огибала массивный корабль, который не было смысла вытаскивать на берег, поскольку он должен был вскоре отправиться назад, Чайка наблюдал, как справа и слева от него к берегу подобным образом пристало еще пять кораблей и десантирование стало массовым. Тысячи людей, обвязанные оружием, закинув на ремне щиты за спину, устремились к берегу, по которому уже разъезжали испанские и нумидийские всадники.

— Великолепное зрелище, — проговорил Федор, чувствуя, что впервые его воле повинуется целая армия.

То же самое он повторил, когда взобрался на ближайший песчаный холм, возвышавшийся над окрестностями, чтобы окинуть взглядом прибрежные земли. Песчаные дюны, начинавшиеся сразу за линией поросших пальмами прибрежных скал, тянулись отсюда в обе стороны, на юг и на север. На западе, туда, куда Федор должен был двинуть свою армию, если хотел уйти подальше от берега, возвышалась еще одна линия холмов, поросших редким лесом. Единственным населенным пунктом оказалась та самая рыбацкая деревня, замеченная еще с борта корабля. Хотя на первый взгляд она казалась заброшенной.

— Осмотреть и привести сюда ее жителей, — приказал Федор, заметив там какое-то движение с холма. Несколько человек, похоже чернокожих нумидийцев, пытались покинуть деревню, едва армия начала высаживаться на берегу.

Когда отряд всадников привел к нему пленных рыбаков, Федор попытался сам допросить их, но не вышло. Рыбаки говорили на каком-то местном наречии, весьма далеком от государственного финикийского языка. Вопрос, однако, быстро

разрешился, когда командующий подозвал командира «летучего» отряда нумидийцев и велел пообщаться с пленными, расспросив их, что это за место и как далеко отсюда ближайший юрод. Услышанное обрадовало и одновременно озадачило Федора. Ближайший город находился в трех днях пути на юг. А вся жизнь была на севере, там, где, собственно, начинались владения Карфагена. А эта земля, хоть и подчинялась ему, считалась уже нумидийской.

— Поздравляю вас, — констатировал главнокомандующий армией, обращаясь к своим верховным офицерам, собравшимся к тому времени рядом с ним, — мы промахнулись с местом высадки и оставили хору Карфагена далеко позади. Гадрумет и Тапс с его гарнизонами мы миновали. Так что вряд ли кто-то будет преследовать нас в ближайшие дни.

— Значит, мы уже в Нумидии? — уточнил спешившийся Амад, вытирая пот со лба. Зной на побережье стоял нестерпимый. Его конь стоял рядом и тоже фыркал от жары, обмахиваясь хвостом.

— Да, похоже, как раз напротив Цирты, — усмехнулся Федор, — осталось только преодолеть все пустынные земли, что лежат между нами.

Чайка бросил взгляд на море и осмотрел корабли, которые уже почти закончили высадку солдат и осадного обоза. Тысячи людей, словно муравьи, кишели сейчас на побережье, поблескивая шлемами на солнце. Не видно было пока только слонов, сколько Федор не высматривал их с холма. Похоже, перевозивший животных корабль пристал к берегу в бухте, которую закрывали от него изгибы холма и пальмы.

— Отправь дозоры из своих нумидийцев во вес стороны, пусть обследуют берег, — приказал Федор начальнику нумидийской конницы, — не очень-то я доверяю этим рыбакам. А когда они вернутся, мы уже будем готовы выступать.

Чайка прошелся по холму и добавил, перед тем как вернуться на берег, обращаясь ко всем сразу:

— Мы не будем ночевать на побережье. Всем быть в полной боевой готовности. Выступаем на север, едва спадет зной, и будем продвигаться, пока не наступит ночь. Корабли сегодня же уйдут обратно.

— На север? — позволил себе удивиться Амад — Мы будем двигаться вдоль побережья?

— Именно, — подтвердил Федор, сверкнув глазами и давая понять Амаду, что не стоит обсуждать приказы, но все же снизошел до объяснения: — Минимум день мы будем двигаться в сторону карфагенской хоры. Именно там находятся земли, на

которых мы должны устроить настоящий пожар. А исчезнуть в пустыне мы всегда успеем.

Амад наклонил голову в знак повиновения, всем видом показывая, что понял свою ошибку.

«Хитрец, — усмехнулся Федор, сделав жест стоявшему поодаль Могадору, чтобы тот следовал за ним, и направился вниз к морю. — Из него выйдет хороший придворный. Не зря же он стал правой рукой Магарбала. Я, конечно, пока птица другого полета. Но в этой жизни вес может быть.

Может быть, приблизить его и со временем, если боги помогут мне в этой войне, из него выйдет мой человек?»

Удивившись собственным мыслям и столь далеко идущим планам, Чайка в задумчивости спустился с холма. Он и не подозревал, что неожиданное повышение так быстро возбудит в нем честолюбивые замыслы. «А чего, собственно, бояться, — усмехнулся главнокомандующий, вышагивая уже между повозками осадного обоза, — жизнь коротка и полна опасностей. Если мне суждено выжить, то почему бы не подняться до уровня Атарбала».

Однако, вспомнив затем о похищенной жене, Федор невольно вздрогнул, и лицо его исказила гримаса ненависти. Он мысленно представил, как отрубает головы тем, кто это сделал, едва обнаружив их. «На Сицилии следов не обнаружилось, но не зря же в нападении участвовали солдаты сената. Неужели Магон приказал выкрасть их, чтобы отомстить мне? — скрипнул зубами Федор, останавливаясь у головной телеги обоза, на которой лежала разобранная баллиста. — Кто бы это ни был, я их найду и убью»

— Все готово? — невольно рявкнул Чайка на офицера, еще не отделавшись от своих черных мыслей.

— Осталось выгрузить еще пять баллист, — проговорил тот, вытянувшись по струнке и теряясь в догадках, чем он успел прогневить главнокомандующего, — я немедленно ускорю работы.

— Хорошо, — буркнул Федор, отходя от затянутого в панцирь ливийца, — продолжайте.

Он проследовал дальше вдоль берега и, обогнув небольшой мыс, облепленный со всех сторон поднимавшимися снизу солдатами, увидел наконец то, что хотел. Вернее сначала услышал. Дикий рев животного донесся до него, едва он показался из-за скалы. Здесь стояли пять торговых кораблей, которые использовались для перевозки слонов. Их палубы были специально укреплены, а в трюмах имелись специальные приспособления, позволявшие хоть как-то удержать животное в

узде, если ему вдруг захочется свободы.

— Как слоны пережили шторм? — поинтересовался Федор, ответив на приветствие Исмека, наблюдавшего, как по широким сходням погонщики, сидя на широкой шее, выводят слонов на берег, подгоняя их ударами палки.

Животные казались вполне здоровыми. Они смотрели по сторонам, сверкая окованными медью бивнями.

— Все в порядке, — ответил Исмек, — беспокоиться не о чем. Мои слоны уже не в первый раз переплывают море.

— Они готовы сражаться?

— Хоть сейчас в бой! — осклабился Исмек, скрипнув кожаным панцирем, когда разводил свои широкие плечи в стороны, словно сам должен был вступить в драку

— Тогда заканчивайте с выгрузкой и готовьтесь к походу, — приказал Чайка, направляясь обратно, — ночевать мы здесь не будем.

Исмек повел плечами, мол, иного и не ожидал. А Федор в сопровождении Могадора вернулся к месту стоянки «Ликса», напротив которого устроил свой временный штаб, приказав разбить походный шатер. Здесь, решив, что пока что все идет как надо, он скрылся от зноя и решил немного перекусить. А когда закончил, стали поступать доклады от командиров частей. Первым явился Кумах, командовавший всеми африканскими пехотинцами, в число которых входили и солдаты, набранные в Сицилии. Это был мощный и сильный воин, ничем не уступавший Исмеку. По всему было видно, что Кумах мог не только командовать, а способен собственной рукой умертвить немало врагов.

«В этом походе меня сопровождают одни аргонавты», — невольно усмехнулся Федор, заметив его высокую и коренастую фигуру, приближавшуюся к шатру. Шагая, Кумах одной рукой придерживал ножны фалькаты, а другой успевал поглаживать небольшую бородку. Чайка и сам был не из хлипких, но офицеры у него действительно были как на подбор — высокие и мускулистые. Исключением, пожалуй, был лишь начальник испанской конницы, невысокий, но плечистый Амад. Даже командир всадников-нумидийцев Мазик был выше его на голову и шире в плечах. Впрочем, недостаток роста Амад компенсировал- своим умением и талантами. В том числе и умением драться, в чем Федор вскоре убедился.

Пехотинцы готовы к выступлению, — доложил Кумах, поклонившись.

Все пережили шторм? — осведомился Федор, вспоминая вчерашнюю ночь.

— Мы потеряли один корабль, — от цветным голосом Кумах, словно речь шла о потере вещей, — он разбился о скалы. Никого спасти не удалось. Так же мы недосчитались «торговца», который вез продовольствие.

— Жди моего приказа, — ответил раздосадованный Федор, посматривая на холмы, откуда ожидал появления разведчиков нумидийцев, — скоро вернется разведка, тогда и начнем.

Кумах молча удалился к своим солдатам. Следом прибыл Бейда, начальник осадного обоза. Тучный и широкоплечий ливиец, похожий со спины на медведя. При одном взгляде на этого «медведя» Чайка верил, что он способен «заломать» любого, кто встанет на его пути. Или в одиночку перетащить тяжеленную баллисту метров на двадцать.

— Обоз готов, мой командир, — коротко ответил Бейда.

Затем прибыли еще несколько командиров, включая Амада, но людей Мазика все еще не было. Разведку пришлось ждать до самого вечера, однако когда она все же появилась, вести были самые подходящие — почти на полдня пути во все стороны крупных сил неприятеля не наблюдалось.

— Выступаем! — приказал Федор офицерам, вновь собрав их, когда солнце уже начало медленно падать за горизонт. — Двумя колоннами. Одна вдоль самого берега, другая — по холмам. Люди Мазика идут впереди всех, а за ним твои всадники Амад. Если что, ты первым примешь удар.

Когда командиры разошлись по своим войскам и вся огромная масса повозок, людей и животных пришла в движение, устремившись железными потоками вдоль берега на север, Чайка отдал последний приказ Могадору.

— Теперь ты можешь отплывать, — сообщил он капитану своего флагмана. — Весь флот передается под твое командование. Ты должен привести его обратно на Сицилию, не ввязываясь в сражения. Ганнибалу он еще пригодится, а нам уже нет. Мы уходим от этих берегов вглубь, а когда и как возвратимся, знают только боги.

— Пусть боги хранят вас, — проговорил Могадор и, проводив взглядом главнокомандующего, который вскочил на лошадь, направился к своему кораблю.

Глава восьмая
Старый друг

Стена позади пирсов, к которым жались круглобокие «торговцы», действительно оказалась ниже, чем у ворот, располагавшихся за военной гаванью.

— Не соврал Каранадис, — ухмыльнулся Леха, — молодец. Теперь мы этот город быстро возьмем. Может, и горшки не понадобятся.

Не тратя время на военных моряков Одесса, которые пытались остановить продвижение скифов, Ларин направил свою квинкерему прямо к торговым пирсам. За ним устремились еще два скифских корабля. Остальные обрушились на стоявшие в военной гавани триеры, которые составляли ее основную силу, забрасывая их зажигательными снарядами. Греки отвечали прямо со своих кораблей, не желая сдаваться. Завязалась жестокая перестрелка, и вскоре всю военную гавань заволокло дымом пожарища. Несмотря на то, что с первого взгляда было ясно, что триер в гавани вдвое больше, чем у скифов, внезапность позволила нападавшим поджечь большинство кораблей еще до того, как греческие моряки попытались хоть что-нибудь сделать. И вскоре греки стали отходить, бросая обреченные корабли под прикрытие стен, просачиваясь сквозь главные ворота. Они явно были ошеломлены столь неожиданным нападением.

— Пошла потеха, — ухмыльнулся Ларин, убедившись в том, что его не ждали, — а теперь вперед, на стену.

На пирсах, где недавно шла бойкая торговля — до вечера еще было далеко, — началась паника. Все с криками бросились врассыпную, едва завидев силуэты скифских военных кораблей. Множество товара осталось лежать на прилавках или просто на земле, брошенное хозяевами, устремившимися под защиту стен. Морпехи с «Узунлара», воткнувшегося в пирс и задевшего при этом пару торговых кораблей, попытались захватить ворота ближней башни, но не успели. Те захлопнулись буквально у них перед носом. Но Ларин и не рассчитывал на очень легкую добычу. Главное, что они уже были в гавани. Остальное — дело техники.

Глядя как морпехи, приставив лестницы, уже карабкаются на примыкавшую к башне стену, а оттуда в них летят стрелы, Ларин лишь испытал знакомое чувство уверенности, всегда охватывавшее его во время атаки. Размышлять было уже поздно. Нужно было драться. А это всегда проще.

— Инисмей, остаешься здесь, отвечаешь за Каранадиса, — приказал Ларин, выхватывая меч и спускаясь по сходням с корабля, когда увидел, что морпехи с ходу захватили плацдарм на стене и удерживали его, отбивая яростные контратаки гоплитов.

— Потрудимся, джентльмены, — пробормотал он себе под нос, возглавив на пирсе сразу две колонны пехотинцев, что десантировались с причаливших кораблей.

Сразу по нескольким лестницам морпехи в чешуйчатых панцирях и с круглыми щитами, вслед за своим командиром, взобрались на захваченный участок стены. Здесь Ларин смог осмотреться и окинуть взглядом город, что лежал перед ним. Справа и слева по стене шли схватки с гоплитами. Слева они постоянно прибывали через башню.

Прямо под стеной находились какие-то склады или мастерские — длинные прямоугольные бараки занимали почти весь прилегающий квартал. Между них по узким улочкам в сторону цитадели, окруженной еще одной стеной квартала особняков с храмом в центре, с криками бежали испуганные торговцы. Сквозь них к стенам пробивался отряд гоплитов в красно-черных панцирях. Дальше к мастерским примыкали дома купцов средней руки и не очень богатых горожан, разбавленные несколькими жертвенными площадками, это Ларину уже не нужно было объяснять, немало городов повидал. Дома получше жались к площади, сразу за которой начинался укрепрайон, тянувшийся до главных ворот. «И где же тут искать этого подлеца Иседона? — первое, о чем подумал Ларин, оказавшись на стене. — В средней части города или уже в цитадели? Ладно, Каранадис проведет. Он-то уж знает. А пока надо расчистить дорогу».

Но прежде чем врубиться в ряды гоплитов, перекрывавших путь к башне, он заметил еще кое-что вдали за городом, стоявшим на каменистом мысу. Слева, сразу за крепостной стеной, у подножия горы, возвышавшейся над осажденным городом, находилась еще одна небольшая бухта, от которой вела узкая, едва различимая отсюда дорога. И по ней в сторону бухты двигалось несколько груженых повозок — самые расторопные горожане уже бежали из города, не дожидаясь исхода сражения. И, судя по всему, это были не бедные горожане, раз могли себе позволить держать на такой случай несколько торговых кораблей. «Еще не хватало, чтобы эта сволочь сбежала, — пришел в ярость адмирал, — когда я уже в двух шагах. Ну уж нет!»

— Тесновато здесь, — проговорил адмирал уже вслух, — пора расширять владения.

И, вскинув меч, врубился в толпу гоплитов, защищавших башню. В яростной драке Леха схватился с одним из широкоплечих воинов и серией мощных ударов выбил у него из рук щит. Но грек тоже попался не из робких, двигался он быстро, а потому мгновенно подобрал другой щит у мертвеца, и бой продолжился снова. Он даже смог задеть адмирала в плечо, разрубив наплечник, но это только раззадорило Леху, который в ответ сшиб с противника шлем, а, затем, не расходуя силы на лишние движения, ударом ноги отправил его в полет со стены. Оглушенный гоплит перевалился через ограждения и рухнул на крышу барка, проломив ее.

Удовлетворившись захватом башни, в которую адмирал ворвался первым, умертвив еще двоих греков, Ларин пропустил вперед своих солдат, а сам приказал открыть ворота и привести к нему в башню Каранадиса. Пока бой продолжался на близлежащих улицах, Леха внимательно всматривался в то, что происходит на дороге за городом, где состоятельных беженцев все прибывало. И лишь изредка он поглядывал в сторону главных городских ворот, где мощная атака скифов пока не возымела результата. Гоплитов там было гораздо больше, да и стены повыше. «Надо бы взорвать к чертовой матери эти ворота», — подумал Ларин в раздражении, что должен отвлекаться на такую ерунду, как окончательная победа, в ту минуту, когда предатель Иседон находился почти у него в руках и мог сбежать.

Когда прибыл Каранадис, боязливо смотревший по сторонам, словно его вот-вот могли схватить как беглого раба и вновь посадить в выгребную яму, Ларин первым делом спросил, взмахнув рукой над панорамой Одесса:

— Ну, где обитает твой обидчик?

Оружейник скользнул привычным взглядом по городским кварталам и указал куда-то в район главной площади.

— Его дом вон там. Двухэтажный особняк, к которому примыкает оружейная мастерская. Если он еще себе ничего не прикупил за это время.

— Ну что же, — кивнул Ларин и, бросив взгляд в сторону главных ворот, приказал: — Будем надеяться, что не успел. Показывай дорогу.

Спустившись с башни, они зашагали вслед за Каранадисом. Впереди колонны шли человек десять скифов-лучников, за ними грек, адмирал и Инисмей, а позади всех передвигался целый отряд в полторы сотни морпехов, которых Ларин прихватил с собой на всякий случай. Как ни крути, а защитники города могли не правильно понять его желание посетить дом у главной площади и воспротивиться этому визиту. Он не ошибся.

Не успели они миновать и пару кварталов, уже очищенных от местных жителей и усеянных трупами сражавшихся солдат с обеих сторон, как подверглись атаке конницы, передвигавшийся быстрым шагом Ларин неожиданно услышал топот конских копыт по мостовой, и вдруг из боковой улицы на них выскочили сразу несколько греческих катафрактариев. Затянутые в медные кирасы греки с длинными кавалерийскими мечами обрушились на авангард колонны, с которой столкнулись явно случайно. Но от этого опасности меньше не стало. Несмотря на расстрел почтя в упор, который учинили всадникам скифы, катафрактарии буквально смяли авангард. Стрелы отскакивали от щитов, кирас и шлемов закованных в тяжелые доспехи всадников, скифам удалось поразить лишь троих, пока греки не зарубили большинство лучников и устремились к адмиралу, сразу различив в нем командира всего отряда. Но пока они пробивались сквозь лучников, перед Лариным успели выстроиться несколько рядов морпехов, сомкнувших, щиты и принявших удар на себя.

— Назад, — дернул за шиворот остолбеневшего Каракадиса Леха, оттаскивая его от всеобщей свалки, что происходила на узкой улице, — ты мне пока живым нужен. Не дошли мы еще до Иседона, так что не торопись умирать.

Греки яростно врубились в ряды морпехов, осыпая скифских пехотинцев ударами и топча копытами лошадей, но и те были не лыком шиты. Под натиском они чуть попятились назад, но вскоре им удалось сразить пятерых всадников. А шестого на глазах Лехи стащили с коня, выбив у него меч, и закололи уже на земле. Бородатый скиф всадил катафрактарию кинжал прямо в горло, даже не пытаясь пробить кирасу. В этот момент к сражавшимся скифам подоспел еще один отряд лучников, и стрелы засвистели с утроенной силой. Вскоре греки потеряли еще пятерых и вынуждены были отступить обратно по той же улице, откуда и появились.

— Вперед! — приказал Леха, наблюдавший за этой дракой из-за спины своих морпехов. — Быстрее вперед, пока они не вернулись с подкреплением. Тридцать человек, перекрыть эту улицу. Остальные со мной.

— Легко отделались, — заметил Инисмей, когда последние всадники исчезли между домами.

— Хорошо, что это был небольшой отряд, — кивнул Ларин, всматриваясь в разветвление улиц впереди, — они явно не нас искали. Но нельзя терять время. Мы должны достичь площади как можно скорее и во чтобы то ни стало.

Инисмей не стал спорить, хотя и понятия не имел, зачем

нужно так быстро пробиваться в самый центр еще не полностью очищенного от врага города. Не были взяты еще даже главные ворота. Но рассуждать он не привык.

Миновав еще пару перекрестков, дома в которых казались покинутыми, они остановились на третьем. Слева послышались быстрые шаги. Обернувшись, Ларин заметил быстро приближавшийся отряд гоплитов. В нем было человек пятьдесят. Эта драка могла задержать их надолго. Впереди виднелись какие-то беженцы, сновавшие по мостовой с мешками. Справа улица была свободна.

— Куда дальше? — уточнил он, бросив быстрый взгляд на Каранадиса.

Тот указал направо.

— Туда, еще один квартал. Уже близко.

— Хвала богам, — выдохнул Леха и жестом подозвал командира морпехов, — бери пятьдесят человек и держи этих гоплитов до тех пор, пока не подойдет помощь, если сам не разобьешь. Остальные со мной.

За ним устремилась едва ли треть отряда, выступившего от башни. Но и этих должно было хватить для захвата одного старейшины, если только им не повстречается на пути длиной в квартал еще один отряд. Так размышлял Ларин, переходя почти на легкий бег, что-то подсказывало ему, что надо торопиться. Вряд ли Иседон был так глух, что не услышал шума от начавшегося штурма. Предчувствия его не обманули. Почти.

— Вот он! — указал Каранадис на приземистый особняк с узкими окнами и колоннами у входа, к которому примыкали длинные строения. — Здесь живет Иседон. А вон и он сам!

У ворот особняка стояла телега, на которую слуги в спешном порядке грузили какие-то тюки и бочки. Рядом с ней стоял старик в длинной тунике, расшитой золотой нитью по краю, одного взгляда на которого было достаточно, чтобы узнать предателя.

— Вот жадная сволочь, — рассмеялся Ларин, разговаривая на бегу, — не захотел бросить свое барахло. Ну и отлично. Жадность тебя сгубила, мерзкий старик.

Иседон обернулся на шум и, словно поняв, что это за ним, вдруг резко подпрыгнул на месте и заорал на своих слуг. По всему было видно, что он приказывает защищать его. Но вместо этого слуги побросали все, что было, на мостовую и пустились наутек.

— Верность не купишь! — проговорил, еще больше обрадовавшись, Ларин. — Ты попался. Сейчас я с тобой за все рассчитаюсь.

Обогнав своих солдат, адмирал бежал впереди колонны. Их

разделяло уже не больше двадцати метров. Иседон, вскочивший на телегу, обернулся, и тут взгляды их встретились. Удивление в глазах старика сменилось диким страхом. Он отвернулся и хлестнул лошадей. Груженая повозка натужно тронулась с места.

— Не уйдешь, — усмехнулся Ларин и уже протянул руку, чтобы побыстрее за нее схватиться. Оставалось пробежать метров пять, как вдруг шум копыт усилился и откуда-то справа на него налетел всадник.

Ларин успел отклониться в сторону но катафрактарий все же немного задел его грудью коня. Этого удара хватило, чтобы развернуться, отлететь на несколько метров и удариться об стену. Когда Леха в ярости вскочил на ноги — выронив щит и от обиды не чувствуя боли, — над головой просвистел меч, вышибая искры из каменной стены позади. Еще несколько всадников атаковали колонну. Инисмей дрался с одним из них, отбивая удары щитом. Телега медленно удалялась.

И вдруг, уворачиваясь от нового удара, адмирал увидел, как другой катафрактарий в блестящей медной кирасе с размаху саданул длинным мечом Каранадиса прямо по голове. Оружейник упал, заливаясь кровью, и уткнулся лицом в камни мостовой.

Ларин не мог представить даже в страшном сне, что Иседон уйдет от него в этот раз. Поэтому ярость придала ему невероятную силу. Он пригнулся, перехватил руку с мечом и сдернул катафрактария с коня. Рухнув на землю, тот ударился головой о камни, да так и остался лежать, неестественно выгнув голову и раскинув руки. Но Ларину было не до сантиментов. Он схватил длинный греческий меч и вскочил на трофейного коня, погнав его во весь опор за ускользавшей телегой, которая почти завернул» за угол. Л рака с катафрактариями, которых и на этот раз оказалось не много, а может быть, это были остатки тех же самых бойцов, его не интересовала. Морпехи превосходили их числом и быстро окружили каждого, заставляя отбиваться от нескольких человек сразу, так что вслед за Лариным никто не увязался.

— Стой, собака! — закричал адмирал, нагоняя Иседона и занося над головой длинный меч — Стой!

Тот бросил вожжи и закрыл лицо руками, ожидая смертельного удара, но Леха, еле сдержавшись, рубанул по оглобле, едва не перерубив ее одним ударом. Лошади старейшины дернулись еще разок и остановились. А Ларин вздыбил свою рядом с телегой, едва не проскочив мимо.

— Узнал меня, гнида? — сплюнул он, успокоив скакуна и не обращая внимания на то, что говорит по-русски. — Вижу, узнал.

Последние слова Леха произнес после того, как разглядел

животный страх в глазах узколицего старика, чье сморщенное лицо буквально побелело. Иседон отсчитывал последние секунды своей жизни.

— Ты погоди умирать, — «успокоил» его Леха, опуская меч и переходя на скифский, — мне с тобой еще потолковать надо обо всем. Ой как много я хочу у тебя спросить. А помереть… еще успеешь.

Вокруг них уже образовалось кольцо из морпехов под командой Инисмея, окончательно разделавшихся с катафрактариями.

— Свяжи его и отведи обратно в дом, — приказал Ларин Инисмею, разворачивая коня, — бойцы путь окружат дом и охраняют.

— Может быть, лучше на корабль отвести? — осмелился уточнить сотник, пересчитав оставшихся в живых солдат, которых было человек тридцать, не больше.

— Нет, — мотнул головой Ларин, не в силах откладывать разговор надолго даже под страхом оказаться в окружении и погибнуть, — сейчас поговорим. А ты пока отправь гонца, узнай, что там с главными воротами происходит.

Глава девятая
Восстание рабов

Переночевав на побережье, километрах в пятнадцати от места высадки, весь первый день экспедиционная армия Чайки, не встречая никакого сопротивления, двигалась строго на север, в сторону Талса и Гадрумета. Впрочем, до них было слишком далеко, и Федор не собирался атаковать эти города и тем более подвергать их длительной осаде. Его замысел был другим.

Волею судьбы они высадились в самой Нумидии, почти на краю пустыни, начинавшейся в этих местах и уходившей в глубину африканского континента. Потери были минимальны. Никто их пока не атаковал и не препятствовал продвижению вглубь страны. По большому счету высадка прошла очень удачно и Федор, несмотря на то что немного отклонился от намеченного маршрута, был склонен думать, что боги помогают ему. Поэтому, прежде чем исчезнуть со всей армией в пустынных плоскогорьях обширной Нумидии и отправиться прямиком на поиски армии спартанца Эндимиона, Федор решил немного «пошуметь». А поскольку в самой пустыне шуметь было особенно негде, людей здесь обитало очень мало, то он решил достигнуть крайних земель карфагенской хоры, где располагались обширные поместья столичных богачей. Тем более что до них было всего ничего — максимум два дня пути, которые его армия преодолеет без особых проблем.

Кроме того, путь через крайние владения Карфагена был гораздо приятнее. Здесь все же были озера, а не только скалы и песок. А там, где вода, там и оазисы, караванные пути, финиковые пальмы, плодородные поля и вообще вся жизнь, имевшаяся в этом регионе. Там должно было обнаружиться немало вилл и дворцов сенаторов или просто богатых землевладельцев. Весть о разрушении имущества, пусть и столь отдаленного от столицы, вряд ли останется без внимания ее высокопоставленных обитателей. Это и рассчитывал совершить Федор Чайка, прежде чем полностью раствориться в песках.

«Хорошо бы сжечь имение Ганнона, — прикидывал командир армии, покачиваясь в седле, — или даже самого Магона, а рабов распустить по стране. Пусть рассказывают о том, как великодушны воины Ганнибала. Пусть готовят „общественное мнение" Карфагена к быстрой сдаче города».

Хотя в глубине души Федор не верил, что победа будет

легкой и Карфаген сдастся, стоит ему появиться под стенами города. Он отлично помнил, какими укреплениями окружен город и о том, что до сих пор никто не смог его взять и даже не пытался. В том, другом мире, его все же взяли римляне многие годы спустя. Но теперь Чайка был абсолютно уверен — история пошла по другому пути. И что случится в этом мире — не знает никто.

Немного опасался Федор и того, что освобожденные от гнета сената рабы могут и не примкнуть к нему. А выбрать себе нового вождя и поднять восстание против всех: сената, Ганнибала и нумидийцев. Тогда возникнет еще одна проблема, кроме армии спартанца Эндимиона. Впрочем, чтобы создать такой очаг возгорания, как «восстание Спартака», у рабов наверняка не было никакого лидера. Не родился еще Спартак. Ведь все произойдет неожиданно. Да и уважал народ Ганнибала Барка. В этом Федор мог не раз убедиться, когда еще сам был начинающим плантатором и разъезжал с Акиром по окрестным имениям, выбирая лучшее и разговаривая с приказчиками. Иногда он позволял себе перебросится парой фраз с рабами, слугами и зависимыми ремесленниками, вскользь упоминая Ганнибала. Тогда еще Федор не решил, кем ему быть — помещиком или солдатом, — и размышлял об этом. Все его собеседники как один отзывались о семействе великого военачальника с уважением и даже каким-то благоговением. О сенаторах они так никогда не отзывались. Может быть, их уважение передалось и самому Федору. И теперь Чайка собирался использовать эту любовь и уважение народа для того, чтобы как можно сильнее поколебать позиции сената в предстоящих сражениях. Затем и явился. Ганнибал напрямую не запрещал ему этого, хотя и предостерегал. «Боги высоко, — рассудил Чайка, принимая решение, — а Ганнибал далеко».

От размышлений его отвлек всадник, скакавший в клубах пыли навстречу общему потоку солдат, перетекавшему через холмы в сторону недалекого уже оазиса. На горизонте показались ровные линии финиковых пальм и несколько дорог.

— Впереди два больших имения, — сообщил, подскакав, посыльный от Амада, — поля, много людей. Гончарные мастерские. Никаких войск нет.

— Великолепно, — кивнул Чайка, остановив своего коня, — передай Амаду, чтобы охватил оба имения полукольцом с сотней своих всадников. А вперед пусть отправит людей Мазика. Они должны перекрыть путь к бегству всем, кто находится там.

А когда всадник скрылся в дорожной пыли, проговорил себе под нос:

— Пора начинать гражданскую войну.

Он ехал на коне в окружении нескольких офицеров, располагаясь в голове колонны африканских пехотинцев. Со своего места Чайка видел рослого Кумаха, который, не обращая внимания на жару, вышагивал перед строем своей первой хилиархии. Осадный обоз — владения Бейды — только показался на холмах далеко позади основной колонны.

Подозвав Кумаха и приказав ему выдвинуть к имениям на всякий случай половину хилиархии, Федор дернул поводья, устремившись вперед. Офицеры последовали за ним. Когда Чайка прибыл на место, затратив на это не более двадцати минут, то сразу увидел оба имения, едва поднявшись на холм. Отсюда открывался вид на плодородную равнину, аккуратно усаженную финиковыми пальмами и разделенную на две части проселочной дорогой. По обе стороны дороги, метрах в пятистах виднелись две виллы — в каждой сразу несколько зданий различного назначения. От шикарного дома хозяина с черепичной крышей до промышленных пристроек, которые, видимо, посыльный и называл гончарными лавками. В полях, изумленно глядя на появившихся невесть откуда всадников, стояли, бросив корзины и работу, многочисленные рабы. Кто голым по пояс, кто вообще в одной набедренной повязке. Авангард Федора Чайки из чернокожих нумидийцев виднелся по всем окрестным холмам. Рассредоточившись и охватив полукольцом долину, они ждали новых приказов, поскольку воевать пока было не с кем. Испанская конница окружила оба имения, согнав всех обитателей на площадь перед домом хозяев. Судя по шуму, что доносился даже сюда, среди захваченных были и сами хозяева жизни, давно не видевшие такого обращения.

— Начнем с правого, — просто решил Федор и дернул поводья.

Когда он, проехав сквозь шеренгу испанских всадников, очутился в имении, то увидел, как в центре большого двора, запруженного повозками и корзинами с только что собранными оливками, бесновался разодетый в дорогие одежды синего цвета мужчина преклонных лет. Он был окружен толпой своих слуг, которые жались к нему, со страхом поглядывая на окруживших дом всадников.

_ Что ты творишь?! Это земля сенатора Ганнона! — вскричал насмерть перепуганный плантатор в надежде испугать этим именем неизвестного ему военачальника испанцев, которым был сам Амад, молчаливо сидевший на коне. Но Федор с первого взгляда понял, что испанец еле сдерживается, чтобы не зарубить этого жирного плантатора.

Всадники Амада, направив копья на толпу, сдерживали ее на месте, но еще никого не убили. Видимо, никто и не сопротивлялся, кроме хозяина

— Ты ошибаешься, — поправил его Федор, приближаясь на коне к месту стычки, — с этого мгновения все здесь принадлежит Ганнибалу.

— Кому? — побелел от злости плантатор. — Чтобы я, сенатор Зирт Великий, младший брат Ганнона Великого, отдал все этому мерзкому изменнику! Никогда! Убирайтесь вон, выродки вонючие!

— Вот это удача! — воскликнул Чайка, услышав, кто перед ним. — С первого раза! Боги любят меня.

И посмотрев на Амада, коротко приказал:

— Сенатора распять на воротах дома в назидание остальным. Имение сжечь, а всех слуг и рабов отпустить на свободу. Кто хозяин второго имения?

— Это тоже мое имение! — вскричал Зирт, до которого еще не дошел смысл сказанных Чайкой слов. — И оно вам не достанется! Я вызову войска и вас уничтожат, порвут на части. Скоро тут будет помощник Эндимиона, он с вас сдерет кожу своими руками!

— Здесь мне все ясно, — продолжил разговор со своим военачальником Федор, не обращая внимания на бесновавшегося сенатора, — заканчивай, а я пока поеду, посмотрю второе имение. Потом подожжешь и его. Надо управиться быстро, пока не появился помощник Эндимиона, которым нас пугает этот мертвец. Вдруг он действительно неподалеку, тогда нужно его встретить как полагается.

И развернув коня, Федор направился ко второму имению. Амад же с большим удовольствием отдал приказ, хотя по лицу испанца Федор понял, что тот и сам привел бы его в исполнение. «Недолюбливает он сенаторов, — подумал Федор, отъезжая, — это хорошо».

Когда двое всадников спешились и направились к брызгавшему слюной Зирту, тот попытался вырваться, но сбежать не удалось. Душераздирающий вопль, долетевший даже до соседнего имения, дал знать Чайке, что приказ выполнен.

«Одним сенатором меньше», — спокойно подумал Федор, обернувшись назад и глядя на оставленное имение, откуда уже потянуло дымком. Он поймал себя на мысли, что размышляет об этом как о выполненной боевой задаче, не более. В глубине души Чайка ощутил себя немного карателем или бойцом НКВД, посланным раскулачивать богачей, но быстро прогнал эти мысли. Некоторое время назад эти сенаторы сами приговорили к смерти

Ганнибала, а значит, и всех, кто воюет на его стороне, а именно на этой стороне находились все друзья Федора, он сам и Юлия с Бодастартом. Кто-то из этих сенаторов, и Чайка был почти уверен, кто, послал людей к нему домой, чтобы выкрасть жену и сына. И не будет пощады ни одному из них, пока Федор может держать меч, а тем более когда у него под началом целая армия. Ганнибал не ошибся, послав его в этот поход.

Второе имение также было окружено всадниками Амада, в кольце которых находились слуги, ремесленники и рабы. Уже зная, что хозяина здесь нет, Федор не стал расспрашивать старшего офицера, и скользнул взглядом по толпе.

— Кто управляющий этого имения? — коротко спросил он…

Рабы и слуги расступились, оставляя в центре круга невысокого лысого мужичонку, одетого в простой хитон.

— Ты служил сенатору Зирту? — уточнил Чайка, откинувшись в седле чуть назад.

Управляющий осторожно кивнул, боясь услышать приговор.

— Твой хозяин мертв, — буднично сообщил Федор, — а имение будет сожжено.

Неожиданно он умолк, вспомнив про утонувший корабль с провиантом, которого теперь не хватало для пропитания армии.

— Моим солдатам нужна еда. Прикажи перегрузить на телеги все имеющееся продовольствие. А потом я отпущу всех. Даже рабов. Теперь вы свободны. Идите в Карфаген и сообщите, что отныне все земли здесь принадлежат Ганнибалу.

— Я все сделаю, — чуть не подпрыгнул от радости управляющий, — все сделаю. Сам все погружу!

— Сам надорвешься, — усмехнулся Федор, поправив шлем, — возьми своих людей. Это будет последнее дело, которое они выполнят по твоему приказу. А потом все свободны.

Управляющий, не обращая внимания на потянувшихся за ним рабов, с лиц которых не сходило недоумение, умчался к амбарам, где вскоре закипела работа. Люди покойного Зирта быстро нагрузили семь телег зерном, соленым мясом и овощами, опустошив запасы сенатора. Разгоравшееся пламя соседней усадьбы служило им хорошим напоминанием, что стоит поторопиться. А когда все было кончено, они отдалились от имения и, остановившись на почтительном расстоянии, наблюдали, как горят дома и амбары.

— Будь осторожен, выпуская на волю народный гнев, — тихо пробормотал Чайка, сам себе напоминая предостережения Ганнибала, — и не обещай им слишком много.

Решив, что здесь больше нечего искать, Федор приказал двигаться дальше. И его войско, оставляя за собой горящее

имение, углубилось в эти благодатные земли. До вечера воины Ганнибала разрушили еще несколько имений, превратив в пепел владения зажиточных горожан и засыпав несколько колодцев.

Так они шли двое суток. Никаких войск они пока не встретили, хотя из этого района уже началось массовое бегство жителей дальше на север. А Федору докладывали, что кое-где начали бунтовать рабы, услышав о том, что приближавшаяся армия освобождает всех рабов и казнит только тех, кто остается верным сенату.

— Как далеко мы будем продвигаться на север? — осмелился спросить его на третий день пути Амад, после того как они уничтожили еще несколько имений, а также пару деревянных мостов в невысоких горах рядом с оазисом, от которого расходились дороги на Гадрумет и Заму. До этих городов уже было примерно одинаковое расстояние. За эти дни армия Федора вклинилась довольно далеко во владения самого Карфагена, но серьезного сопротивления пока не встречала. Разведчики Амада докладывали, что гарнизоны прибрежного Гадрумета и Ганса готовятся к обороне, узнав о приближении еще одной, невесть откуда взявшейся армии Ганнибала.

— Брожение в народе уже пошло, — удовлетворенно заметил на это Федор, покачиваясь в седле, — а на побережье ждут, что мы скоро нападем на эти города. Это хорошо. Гарнизон Замы тоже наверняка о нас осведомлен. Но мы не будем этого делать.

— Тогда каков будет приказ? — уточнил Амад, смотревший через голову своей лошади на очередной оазис, в который входила армия.

Недавно Федор велел отправить туда авангард из всадников Амада, чтобы проверить несколько деревень и одно имение, находившиеся в этих скалах. Местность, по мере удаления от моря, становилась все более гористой.

— Нумидийцы, которых я отправил вчера в другую сторону, сообщили мне, что в двух днях пути от нас стоит лагерем какая-то армия, перекрывая дорогу на Карфаген, — проговорил Чайка, развивая свою мысль, — вероятно, это кто-то из военачальников Эндимиона. Он ждет меня. А это значит, что сам Эндимион, где бы он не находился, вынужден был перебросить часть сил сюда, ослабив собственную армию, которая противостоит Гасдрубалу. Это нам только на руку. И Гасдрубалу тоже.

— Мы уже далеко вклинились в территории, подвластные сенату, — осторожно заметил Амад, придерживая лошадь, — с трех сторон от нас уже появились укрепления врага, у которого тоже есть конница. Можем попасть в засаду.

— Ты читаешь мои мысли, — похвалил его Федор, — я

думаю, что свою первую задачу мы уже выполнили. Сенат обеспокоен появлением в своем тылу неизвестной армии. На какое-то время этого страха хватит, чтобы сковать силы. А пока они поймут, что мы не движемся к столице и не собираемся штурмовать укрепления, мы уже соединимся с Гасдрубалом.

Он помолчал немного, разглядывая какую-то суматоху, происходившую среди пальм оазиса.

— Так что сегодня же мы повернем обратно на юг и уйдем в пустынные земли, — приказал Чайка. — Двинемся в обход Замы и будем искать армию Гасдрубала, которая должна находиться, по донесениям разведки, где-то в центральной Нумидии. И пусть боги помогут нам встретить ее раньше, чем армию Эндимиона, численность которой нам так и не известна.

Закончив «диктовать» приказ, Федор вдруг вскинул руку вверх. Пехота, мерно вышагивавшая за ним по дороге, остановилась, подняв облако пыли. Между пальм, которыми порос склон невысокой скалы, нависавшей над единственной дорогой, сверкали мечи и шлемы, раздавалось ржание коней. Там явно происходило сражение.

— Засада! — проговорил Амад, имевший орлиное зрение.

— Разберись с ней, — приказал Федор, — я намеревался занять этот оазис для отдыха армии, перед тем как направиться обратно в пустыню.

Амад поскакал вперед, и за ним устремилось около сотни всадников из основной колонны испанцев, ехавших рядом с пехотой прямо по твердой земле. Не прошло и нескольких минут, как Амад исчез между скал со своей сотней. А Федор, наблюдая за сражением на склоне, увидел, что все оно переместилось на другую сторону, и было совершенно не ясно, что там сейчас происходит. Но Чайка был уверен, что победа осталась за его воинами, а потому рискнул продолжить движение, окруженный лишь своими офицерами, хотя и сделав знак еще одной сотне испанцев следовать за собой. Однако, едва въехав в ущелье, Чайка быстро осознал, что долгое отсутствие настоящего противника его сильно расслабило. Едва ли не в центре территории Карфагена он позволил себе безмятежность. А зря.

За поворотом, где ущелье значительно расширялось, Чайка узрел настоящее побоище. От вертикальной скалы до ручья, прорезавшего себе в камнях довольно глубокое русло, все пространство было наполнено сражавшимися всадниками в очень похожих доспехах, и Федор с большим трудом определил, где же свои. Мост через ручей в конце ущелья был в руках противника. На склонах скалы засели лучники, поливавшие все пространство внизу стрелами. Эти, судя по синим панцирям, вообще

относились к морской пехоте сената, невесть как сюда попавшей.

«Только баллист мне не хватало», — успел подумать Федор, прежде чем сам был втянут в эту мясорубку.

Баллист, к счастью, у противника не было, но драка и без них выходила не шуточная. Здесь, в узком месте, его авангард атаковала сенатская тяжелая конница при поддержке пехоты. Прорвавшись сквозь ряды испанцев Амада, шлем которого Чайка успел заметить в гуще сражения, на главнокомандующего напала дюжина всадников врага.

— Придется и самому поработать клинком. Не все же отсиживаться за спинами своих солдат, — сплюнул Федор, оглянувшись назад и понимая, что сотня испанцев, охранявшая его тылы, никак не успеет отразить это нападение, хотя и заметила противника.

Два его офицера попытались преградить путь всадникам врага, но были мгновенно убиты. Одного зарубил противник, а другого «сняли» стрелой со скалы.

— Скачи к пехотинцам! — приказал Федор своему ординарцу, выхватывая фалькату. — Пусть Кумах сбросит лучников со скал. А мы тут как-нибудь разберемся.

И не дожидаясь ответа, скрестил свой клинок с фалькатой противника, того, что оказался ближе к нему. Отразив его, Федор подставил щит под другой удар и принял на него третий, но четвертый пропустил, а тот пришелся по шлему. От хлесткого удара у него зазвенело в ушах, и даже шлем слегка съехал на сторону. Федор покачнулся в седле. Противнику показалось, что он вот-вот выпадет из него, но Чайка лишь изогнулся и неожиданным ударом из-за головы коня вдруг достал своего поединщика. Фальката задела кожаный панцирь в районе ребер, разрубая его своим изогнутым наконечником, словно топором. Всадник согнулся пополам и выронил свой меч. А Федор, быстро приходя в себя, нанес еще один, завершающий удар по плечу, едва не отрубив его.

Не успел главнокомандующий выпрямиться в седле, как в шею его лошади со свистом вонзились две стрелы, предназначенные ему, а затем еще одна впилась в бок, буквально в десяти сантиметрах от левой ноги. Конь захрипел и зашатался.

— Ах вы, суки! — выругался Федор, тщетно пытаясь заставить коня выровняться. — Издалека завалить решили. Не выйдет!

Между тем в круп коня впилось еще две стрелы. Прикрывшись щитом, он обшаривал взглядом скалы, пытаясь высмотреть своих обидчиков, но не успел, — неожиданно появившись из всеобщей свалки, к нему подлетел еще один

всадник в шлеме с белым плюмажем и нанес удар фалькатой, который Федор едва успел принять на щит. Удар был такой силы, что Чайка вылетел-таки из седла, а когда попытался подняться, то увидел, как его конь всей тушей падает на него. Отбросив щит, Федор успел в последний момент перекатиться на несколько шагов в сторону и мертвое животное не придавило его, обдав лишь теплой волной пыли.

Вскочив на ноги. Чайка приготовился отразить неминуемый удар сверху, который должен был нанести противник, чтобы добить почти беззащитного перед ним Федора, Но вместо этого увидел, как тот сам слетает с коня, выброшенный из седла мощным и смертельным ударом подоспевшего испанца. На глазах Чайки атака его всадников уничтожила всех врагов, кто еще оставался рядом, и помогла воинам сильно поредевшего авангарда Амада вытеснить их из ущелья за мост. С дикими криками обрушившись на врага, испанская конница буквально изрубила всадников сената в куски.

Вслед за ней последовала атака по скалистому склону горы пехотинцев Кумаха, которые вытеснили, вернее, просто сбросили вниз всех лучников, засевших там. Один из них рухнул буквально в нескольких метрах от главнокомандующего, которому только что подвели свежего коня. Вскочив на скакуна, Федор подъехал к мертвецу, желая изучить его лицо, словно это был именно тот, кто стрелял в него. Мертвый пехотинец с переломанной шеей и неестественно выгнутыми руками был одет в точно такую же форму, как и его морпехи. «Надо бы придумать какой-нибудь отличительный знак, — отстраненно подумал Федор, дергая за поводья, — а то в бою попробуй разбери теперь, кто свой, кто чужой. Может, повязки всех заставить носить на рукаве?»

Повсюду он видел десятки трупов людей и коней. Нелегко далась эта победа его солдатам. Проехав мост, вновь оказавшийся в руках его армии, Чайка оказался на небольшом перевале, с которого открывался вид далеко вперед. Конница Амада добивала остатки неприятельской армии, преследуя ее вниз по склону, и на глазах Федора уничтожила всех. Никто не ушел.

— Молодцы, — похвалил Чайка Амада, когда тот вернулся на перевал.

— Боюсь, это не все, — ответил испанец, осаживая своего коня. — Я успел допросить одного офицера перед смертью. Вон за теми холмами, буквально в одном дне пути от нас стоит та самая армия помощника Эндимиона. Он уверял меня, что там десять тысяч человек.

— Он мог и обмануть тебя, — ответил Федор, пристально осматривая песчаные холмы на горизонте, поросшие

пальмами, — но мы не будем проверять это, сколько бы их там ни было. Раз появились серьезные силы неприятеля, которые могут задержать нас, отдых здесь отменяется. Немедленно разворачиваемся и уходим в пустынные районы Нумидии. Прежде чем вступить в большое сражение, мы должны соединиться с Гасдру-балом. Пора начинать серьезные действия.

Глава десятая
Иседон

Адмирал выглянул наружу сквозь узкое открытое окно второго этажа, присмотрелся и прислушался. Его пехотинцы перегородили всю улицу и оцепили дом Иседона, ожидая возможной атаки. Но пока вблизи все было тихо. Лишь далекий шум сражения раздавался со стороны главных ворот. Гонец оттуда пока не прибыл, зато недавно был гонец от командира морпехов, который отбил атаку гоплитов и обратил их в бегство. Правда, ценой половины отряда, остатки которого присоединились теперь к охране дома старейшины. Впрочем, несмотря на исходившую буквально отовсюду опасность, все это Ларина волновало не слишком сильно. Гораздо большую радость ему доставлял предстоящий разговор с пленником, привязанным сейчас к массивному креслу посреди комнаты. Леха буквально предвкушал этот разговор и не торопился его начинать, несмотря ни на что. Однако, начинать его было нужно. Ларин меньше всего хотел, чтобы его лишили удовольствия вдоволь поизмываться над предателем какие-нибудь неожиданно появившиеся гоплиты.

Он отвернулся от окна и вперил взгляд в бледного старика, от былой надменности которого не осталось и следа.

— Значит, вот ты где теперь обосновался, — усмехнулся Ларин, делая шаг вперед и скользнув взглядом по убранству широкой комнаты, стены которой были увешаны дорогим оружием, — неплохая обстановочка для беглого советника вождя. Впрочем, казну-то Палоксая ты, небось, с собой прихватил?

Иседон насупился, зыркнув на четырех дюжих охранников, что возвышались за его спиной.

— Нечего молчишь, старейшина? — продолжал насмехаться адмирал, медленно приближаясь. — Язык проглотил от страха? Не своим же трудом ты себе такие хоромы заработал, предатель.

По лицу Иседона Ларин заметил, что тот хочет что-то сказать, но присутствие охранников его останавливает, несмотря на все угрозы Ларина. И Леха сделал им знак выйти. Охранники безмолвно повиновались. Тщедушный старик ни у кого не вызывал подозрений, а каждый из них отлично знал, что адмирал и сам с ним разделается при необходимости.

— Ну, говори, — остановился Леха, — облегчи Душу.

— А если скажу, где казна?.. — начал старик глухим шепотом, словно шипела змея.

— Уже лучше, — кивнул Ларин, подбадривая его.

— Отпустите? — с надеждой проговорил Иседон, поднимая испуганные глаза на Лехин доспех, обильно испачканный чужой кровью. Ларин едва не рассмеялся.

— Ведь вы же за этим пришли, да? — с надеждой проговорил Иседон, подаваясь вперед. — За золотом? Я отдам вам его, если вы меня отпустите.

Он настолько уверовал в собственные слова, что едва не вскочил вместе с массивным креслом. Но не получилось. И старейшина сбивчиво забормотал, поглядывая на дверь, за которой дожидались сигнала охранники.

Ну что вам стоит? Зачем я вам нужен? Я знаю, что город вот-вот падет. А в дальней гавани меня ждет корабль, готовый к отплытию. Я еще могу успеть и за это отдам вам все золото Палоксая, если вы отпустите меня. А сам уплыву далеко отсюда и..

— Видно ты, старик, совсем из ума выжил, — отчетливо проговорил адмирал, скрестив руки на груди и вперив немигающий взгляд в пленника, уже поверившего, что может так легко купить скифского военачальника, — золото это, конечно, хорошо. Но я его и так заберу, если оно здесь, как ты говоришь. Скифский царь — настоящий, а не тот, которому ты когда-то служил, — будет рад. Это его золото по праву. Но не для того я за тобой так долго гонялся, чтобы вот так просто отпустить…

На улице послышался шум. Ларин развернулся назад и, сделав несколько шагов, прильнул к окну. Прислушался. Но шум не возрастал, а наоборот вскоре затих. Его солдаты стояли без движения по всей улице, и он, успокоившись, вернулся к допросу.

— Так о чем это мы? — проговорил он, словно припоминая. — Ах да, о золоте. Наверняка в этой казне есть золото, которое Палоксай получил за то, что воевал против нас, Я слышал, вам кто-то щедро заплатил. Ты случайно не знаешь, кто?

Иседон, похоже, воспринял поворот разговора как новый повод договориться. «Да он не теряет надежды подкупить меня, — мысленно усмехнулся Ларин, медленно прохаживаясь перед пленником, — вот продажная сволочь».

— Это все греки из Одесса, — забормотал старик побелевшими губами, — это они уговорили меня передать Палоксаю предложение тайных послов сената оказать сопротивление войскам Иллура. Если бы не они, то мой царь, конечно, стал бы подданным Великой Скифии, а послы этого очень не хотели. И они обильно сдобрили свое предложение золотом. Они дали так много, что Палоксай не смог отказаться. В последние годы дела нашей страны шли не очень хорошо.

— Послы сената? — Ларин остановился как вкопанный. — Какого сената?

Он, конечно, слышал, что Афины управляются чем-то подобным, но не мог поверить, что грекам из Афин есть дело до Малой Скифии. Обычно греки были каждый сам за себя, что бы не происходило вокруг. И только общая опасность заставила их объединиться в этот раз. Впрочем, отсюда Афины были не так уж и далеко, если морем. А жители этой республики основали массу колоний. Им вполне могло не понравиться столь быстрое продвижение на юг орд Илдура.

— Это Афины оплатили Палоксаю? — выдал смелую гипотезу Ларин, но ответ убедил его в том. что on жестоко ошибся. Политик из него получался хреновый.

— Какие Афины? — даже переспросил удивленный непонятливостью скифского военачальника Иседон. — Греки ленивы. Они не стали бы воевать до тех пор» пока враг не подошел бы к воротам города.

Иседон умолк на мгновение, облизнув высохшие губы.

— Нет, накануне вашего похода в Одесс прибыли послы Рима. Это его сенаторы очень обеспокоились продвижением Иллура в сторону Италии и тайной дружбой с Карфагеном.

Лежа вздрогнул, услышав про Карфаген, но его вопрос еще не успел оформиться, а старейшина уже вое ему объяснил.

Они уже тогда знали о договоре твоего царя с Ганнибалом и стремились сделать псе возможное, чтобы остановить его на дальних подступах. Проще было заплатить нам, чем посылать сюда свою армию. Тем более что это было невозможно. — Ганнибал стоял почти у ворот Рима.

— Но это не помогло, — рассмеялся Ларин в лицо старику. — несмотря на все козни, мы дошли до Северной Италия!

— И повернули назад, — спокойно продолжил мысль Иседон, — римляне так просто от своего не отступятся». Они были очень настойчивы.

— Что ты хочешь сказать? — Ларин от неожиданной догадки даже присел на скамью в двух шагах от связанного пленника. — Что все эти греческие выступления, разгоревшиеся у нас в тылу…

— Это дело рук римлян, — радостно кивнул Иседон, словно это сообщение снимало с него все обвинения в предательстве. — Сенаторы прислали даже сюда несколько кораблей с золотом. Представляю, сколько они заплатили Фивам. Афинам и Спарте, чтобы те выступили против вас! Наверное, Рим на последнем издыхания, раз решился отдать свои богатства для того, чтобы на время обезопасить себя от второго фронта.

Ларин перехватил восхищенный взгляд Иседона.

устремленный сквозь него к неведомым богатствам, и понял, что старика терзает жестокая зависть, что не ему все они достались.

— Я слышал, они заплатили даже кочевым племенам в вашем тылу, чтобы те помешали вам, — вдруг сказал Иседон. все еще пребывая во власти грез о деньгах.

— Гетам? — усмехнулся Ларин. — Зря потратили деньги. Мы уже разбили их. Со дня на день Иллур будет здесь.

— Нет, не гетам, — ответил старейшина, продолжая смотреть сквозь скифского адмирала.

Ларин, однако, не обратил на слова Иседона особого внимания. Он тоже размышлял о своем.

— Ну а сколько ты подучил за меня, старая сволочь? — неожиданно перевел разговор в другое русло скифский адмирал вновь вырастая над пленником.

Иседон нехотя опустился с небес, усеянных римским золотом, на землю, и с ужасом в глазах взглянул на Ларина, стоявшего напротив.

— Я спрашиваю, сколько тебе заплатили за то, чтобы продать меня грекам? — проговорил Леха, медленно закипая от мыслей о перенесенных издевательствах и побеге от своих конвоиров. — II кто тебе вообще предложил за меня деньги, ведь бесплатно ты ничего не делаешь, это я давно уяснил. Или ты сам предложил грекам купить меня для каких-нибудь местных забав?

Старейшина все молчал, не решаясь открыть рот. А в его взгляде Леха прочитал недоумение. Тот никак не мог понять, откуда Ларин узнал о его тайной страсти.

— Вон там, у входа, на камнях лежит Карана-дис, твой бывший раб, помнишь такого? — объяснил ему Леха, скривив губы. — Он мне про твои забавы порассказал немало. О том, как ты, похотливый старик, даже к нему приставал. Вот он и сбежал от такого позора, даже семью бросил. И со мной сюда вернулся, чтобы поквитаться с тобой. Жаль только не дошел, нескольких шагов не хватило. Он сам хотел тебя прирезать….

Ларину показалось, что Иседон облегченно вздохнул, узнав о том, что Каранадис убит, но он не мог позволить этому грязному старику испытывать удовольствие хотя бы в мыслях.

— Ну да ничего, — закончил мысль Леха, — я тебя сам прирежу.

Он вдруг резко наклонился к задрожавшему Иседону и рявкнул:

— Где его семья, говори!

— Я продал их в Томы, — выпалил старейшина, брызгая слюной, — в рабство, чтобы отомстить ему. Его жена теперь удовлетворяет солдат, а сыновья делают то же самое. Он мог бы

жить прекрасно, если бы оказался посговорчивее.

— Он был свободным человеком, — напомнил Ларин, распрямляя спину и неожиданно успокаиваясь, — хорошо, что не дожил до этой минуты и умер, надеясь, что все это не так. Ничего, главное, что я дожил.

И он демонстративно провел рукой по ножнам меча, на которых запеклись брызги греческой крови.

— Так ты не ответил на мой вопрос, — вспомнил Ларин, еле сдерживая вновь вспыхнувший гнев, — на меня-то кто позарился? Кто-то из твоих дружков-извращенцев?

— Нет, — мотнул головой Иседон, стараясь не смотреть на Ларина, — я продал тебя родственникам убитых в Ольвии греков, которые бежали после осады в Истр и очень хотели поквитаться. Когда они узнали, что у меня гостит военачальник ненавистного Илдура, они готовы были отдать любые деньги, лишь бы содрать с тебя кожу живьем.

— Извини, что разочаровал, — дернул плечами Ларин, — у меня были другие планы насчет своей шкуры. Впрочем, деньги-то ты за меня наверняка получил вперед.

— Пришлось вернуть, — выдавил из себя Иседон, мрачно взирая себе под ноги, — тебя не смогли доставить до места.

— Неужели? — расхохотался Леха. — Ну ты меня порадовал. Это был для тебя, наверно, самый жестокий удар за последний год.

Леха так развеселился, услышав об этом, что подошел к Иседону и, приобняв его за плечи, обмотанные веревками, произнес:

— Старик, деньги, это не главное в жизни. Хотя такая сволочь, как ты, это уже никогда не поймет. Вставай, покажешь, где лежит золотой запас Палоксая.

И Ларин свистнул, вызывая охранников, которые тотчас появились в комнате.

— А вы отпустите меня? — произнес Иседон, вновь переходя на раболепный тон и поднимая глаза на адмирала, но не двигаясь с места. — Ведь я же нам все рассказал.

— Шевелись, — пропустил мимо ушей его вопрос Леха, — устал я тут с тобой беседовать. Дела пора делать.

И, обернувшись к ближайшему охраннику, добавил!

— Развяжите его, пусть покажет, где у него тут запрятано золото. Да не спускайте с него глаз, от этого старейшины можно всего ожидать.

Когда бледного как смерть Иседона отвязали от кресла и освободили затекшие плечи, адмирал сам подтолкнул его к выходу из комнаты.

— Давай, не задерживай, — проговорил Ларин, — ты свое дело сделал. Осталось должок вернуть, Иллура порадовать. Показывай, куда упрятал скифское золото. Далеко?

Иседон от толчка в спину пробежал несколько шагов, больно ударился о косяк двери и, разбив нос, остановился в нерешительности. Он даже посмотрел на Ларина с такой обидой, будто тот в самом деле пообещал освободить его и обманул.

— Я тебе ничего не обещал, — напомнил ему адмирал, отвечая на его мысли, — но я тороплюсь. Бой в городе еще не закончен. И если ты и дальше будешь так медленно соображать, то не проживешь дольше мгновения.

Он выхватил меч из ножен и медленно, с наслаждением, приставил его к горлу старейшины.

— О, как давно я ждал этой минуты, — пробормотал Леха.

Он медленно надавливал на рукоять, до тех пор, пока капля крови не появилась на острие и не стекла вниз по шее. Ощутив острый металл на своем горле, Иседон сломался.

— Я покажу, — прохрипел он, — это в подвале.

— Вот и молодец, — пробормотал Леха, с явным сожалением отводя меч в сторону.

Иседон жадно глотнул воздух и растер кровь на шее. Старик, казалось, был сломлен окончательно. Вжав плечи, он затрусил вниз по лестнице. Ларин и солдаты устремились за ним. «Сволочь, конечно, — подумал Ларин, глядя старейшине в спину и поймав себя на странной мысли, — но жаль будет его убивать. Какой-то он несуразный оказался».

«Закрома» оказались действительно в подвале. Но не просто в подвале, а спрятаны так, что не вынуди Ларин Иседона все рассказать под страхом смерти, сам ни за что бы не догадался. Сначала они спустились по лестнице в нижние помещения, где жилые комнаты смыкались с мастерскими. «А неплохо устроился этот старик, — решил Ларин, по дороге рассматривая особняк старейшины, водившего дружбу с местной знатью, — каменные полы, вазы, только статуй еще не хватает».

Однако вскоре нашлись и статуи. Пройдя сквозь мастерские, где на широких столах были разложены еще не собранные воедино доспехи тяжелого пехотинца, а на стенах висели копья и щиты, они оказались во внутреннем дворике. Здесь росли высокие кусты, за которыми Ларин услышал журчание воды и с удивлением увидел статую какого-то «писающего мальчика», а за ним беседку, обвитую плющом. «А этот старый педик еще и романтик, — усмехнулся Леха, поглядывая на Иседона, который быстро двигался между кустами к дальнему концу имения, — любит проводить время в приятной обстановке».

Миновав небольшие заросли в центре двора и мастерские, они оказались под навесом, где било копытами несколько коней. Обойдя телегу, на которой лежала пара ящиков и бочек, явно предназначенных к вывозу, но так и оставшихся во дворе, Иседон нырнул в небольшую дверь позади конюшни, отомкнув ее специальным ключом, что достал из своего потайного кармана на поясе. За дверью обнаружился чулан со всяким хламом, но чулан оказался с секретом. Иседон, нагнувшись, подцепил одну из досок, которая потянула три соседние и открыла потайной лаз.

— Факел нужен, — предположил Леха, заглядывая в темноту.

Можно и так, — отмахнулся Иседон, — там дальше есть окно, сквозь которое падает свет. Снаружи кажется, что это просто подвал дома. Никто и не знает, что здесь кладовые.

— Не сомневаюсь, — кивнул Леха, — ну тогда лезь… хотя нет, пусть первым пойдет мой боец. Мало ли что там у тебя припрятано.

Один из скифов осторожно спустился в подвал, держа меч наготове. Прошел несколько шагов.

— Ну что там? — поинтересовался Ларин.

— Есть окно в дальней стене, — сообщил боец, — кое-что разглядеть можно. Бочки, тюки.

Ну пойдем, посмотрим, что там у тебя за бочки, — пробормотал Ларин, подталкивая Иседона в подвал, и крикнул скифу, находившемуся внизу: — Принимай гостя!

Старейшина с неожиданным проворством спустился по лестнице. Затем спустился Ларин и остальные. Постояв немного, пока привыкли глаза, они действительно заметили одно узкое оконце в дальнем конце низкого подвального помещения. Здесь едва модно было разогнуться. Но, присмотревшись, Ларин увидел, что весь пол уставлен сундуками и бочками, кое-где лежали даже свернутые ковры. Открыв один из ближних сундуков, Леха увидел тусклый блеск, который нельзя было спутать ни с чем, — монеты. Он зачерпнул горсть и, перебрав пальцами, со звоном высыпал обратно.

— Золото, — констатировал Ларин, оборачиваясь к тому месту, где должен был находиться старейшина. — Ну, Иседон, если тут все сундуки с такой начинкой, то, считай, вернул долг Великой Скифии. Обещаю, после твоей смерти я замолвлю перед богами словечко за тебя…

В ответ раздалось какое-то шуршание.

— Где Иседон? — заволновался Ларин, разглядывая силуэты своих охранников.

Но ответ пришел сам собой. В трех метрах вдруг открылась небольшая дверка в стене, и Леха увидел, как тщедушный старик

быстро проскользнул в проем и захлопнул ее за собой. В полнейшей тишине он услышал лязг задвигаемого засова и скрип — это провернулся ключ в замке.

— Что?!! — заорал Ларин вне себя от ярости на охранника, — Ускользнул!!! Куда ты смотрел! Догнать!

Не успеешь! — рассмеялся снаружи ему в ответ мерзким дребезжащим смехом старик. — Дверь крепкая. Специально делал для такого случая. Пока станешь ломать, я уже далеко буду. А ты жди гостей и наслаждайся золотом, пока жив.

Услышав быстрые шаркающие шаги, удалявшиеся от потайной двери, Ларин едва не заревел от злости. Этот старик опять обманул его! И ушел живым! Леха готов был биться головой об стену. Но потом передумал и бросился к двери, спотыкаясь И перескакивая в полумраке через сунду-ки. среди которых Иседон так легко нашел дорогу к свободе. Леха нащупал дверь, пнул с размаху ногой. Не сломать, крепкая. На этот раз Иседон не соврал.

— Быстрее наверх! — взревел адмирал. — Он не мог далеко уйти. Догнать!

— Греки! — вдруг крикнул боец, который ближе всех подобрался к смотровому окну

— Идут сюда, — доклады вал он о перемещениях противника, — человек сто, не меньше. Большой отряд. А вон и старейшина показался, бежит к командиру. Показывает в нашу сторону.

Услышав это, Леха бросился напрямик через тюки и бочки к смотровому окну. Упал несколько раз, измазался в пыли, но добрался быстро. Пригнувшись, сам выглянул в окно, что находилось на уровне груди. Да и не окно это было вовсе, а так, узкая щелка, в которую и голова не пролезет, а только рука.

К его удивлению, окна сокровищницы выходили просто на улицу, видимо, Иседон рассудил, что никто не будет искать золото под конюшней, почти у всех на виду. А выход из той двери, через которую сбежал хитрый старик, перекрывал сарай. «Да, снаружи наверняка тоже ничем не приметная дверка выходит к сараю, никто я не обратит внимания», — раздосадованно думал Леха, но вдруг заметил гоплитов в шлемах с красными гребнями, а потом и самого Иседона, который что-то втолковывал командиру пехотинцев, слушавшему его как обычный раб. К его удивлению, старейшина больше никуда не бежал. Наоборот, когда весь отряд, подняв щиты, двинулся в сторону особняка, он затрусил обратно к подвалу, держась рядом с командиром. Ларин также успел увидеть несколько мертвых скифов из своего отряда, охранявших подходы к дому с этой стороны.

— Золото боишься бросить, скряга, — злорадно усмехнулся Ларин и вдруг в его сознании блеснула идея. Он обернулся к стоявшему рядом бойцу и. приказал: — Дай мне свой лук.

Тот быстро протянул его адмиралу вместе со стрелой. Ларин вскинул оружие, натянул тетиву, и попытался прицелиться, но окно было слишком узким. Для снайперской винтовки еще подошло бы, но из лука можно было стрелять только вслепую, уставившись в стену. И делать это надо было немедленно. Второго шанса не будет.

— Ну, помогите мне, боги, отомстить этой сволочи! — прохрипел Ларин, просунул жало стрелы наружу и отпустил тетиву, направив ее примерно туда, где мгновением раньше видел Иседона.

А затем, отбросив лук, приник глазами к щели окна. То, что он увидел, заставило его плясать от восторга. Иседон вдруг дернулся, схватившись за свое горло, которое было пробито стрелой насквозь. По его шее и рукам текла кровь, а старик судорожно тянул стрелу за древко, словно пытаясь ее вытащить обратно. Затем он упал на колени и, мгновением позже, уткнулся лицом в пыль мостовой.

— Собаке собачья смерть, — процедил Ларин сквозь зубы. — Прощай, Иседон. Я вернул тебе должок.

Глава одиннадцатая
Бескрайняя пустыня

Поднявшись на вершину песчаного холма, потрепанная в боях армия Федора Чайки замерла, повинуясь приказу главнокомандующего. Кони Чайки и Амада, ехавших рядом, остановились почти одновременно. Вечерело. Раскаленное солнце медленно, словно нехотя, падало за песчаные холмы.

— Двигаемся вон к тому оазису на горизонте, сегодня мы будем ночевать там, — проговорил Федор и добавил, облизнув пересохшие губы: — Надеюсь, что это не мираж.

Пехотинцы Кумаха, с трудом выдергивая сандалии из песка, двинулись в указанном направлении, бряцая оружием. Нумидийцы Мазика устремились вперед, обгоняя их, чтобы избежать неожиданной встречи с противником, которого Чайка ожидал уже отовсюду. Однако на этот раз нее обошлось. Не встретив никаких засад и спокойно заняв три находившихся здесь деревни, войско расположилось под пальмами на ночлег. Солдаты с огромным наслаждением предавались долгожданному отдыху у источника воды и в тени, поскольку несколько предыдущих ночей они провели под открытым небом. Проезжая к своему походному шатру, уже установленному в глубине оазиса, на берегу ручья, Чайка видел, как пехотинцы, отбросив оружие и скинув с себя шлемы, падали на колени, окуная голову целиком в воду, и жадно пили, а вернее лакали ее, стремясь быстрее утолить жажду. Честно говоря, ему хотелось сделать то же самое, но он должен был держать себя в руках, а потому выпил целый кувшин воды, лишь достигнув шатра.

Отдохнув немного на кушетке, Федор, прежде чем провалиться в забытье, вызвал к себе всех своих командиров, чтобы провести короткое совещание. А когда один за другим прибыли Амад, Кумах, Мазик и Бейда, он спросил у первого, подозвав его к небольшому походному столику, на котором развернул свиток с изображением земель Карфагена и прилегавшей к нему Нумидии:

— Где мы сейчас?

Амад в задумчивости провел пальцем от границы карфагенской хоры едва ли не до центра пустынных районов Нумидии и, ткнув им в группу небольших оазисов, остановился.

— Должны быть где-то здесь, недалеко от того места, где проходит караванный путь из центральных районов Африки.

Федор внимательно осмотрел окрестности оазисов и нахмурился, придя к неутешительному выводу, что дальше на юг простирались одни пески. Все города и более менее обжитые районы остались на севере и западе той территории, от которой они уходили все дальше и дальше, стремясь оторваться от преследования.

А это что? — Федор указал на какой-то странный знак чуть западнее предполагаемого места их ночлега.

Это развалины древнего нумидийского города, — пояснил уставший военачальник, только что разместивший своих всадников на ночлег, — когда-то это был богатый торговый город, в который заходили караваны, но, после того как Карфаген подчинил себе эти территории, завоевав их, город был разрушен и утерял свое значение. Там давно никто не живет. Разве что кочевники иногда забредают.

Федор перевел взгляд на Мазика, словно ожидая, что тот опровергнет слова командира испанской конницы. Однако нумидиец лишь кивнул.

— Да, все люди ушли оттуда уже много десятилетий назад, — подтвердил рослый чернокожий воин, — я слышал об этом городе, но сам там никогда не был.

— Там есть источник воды? — уточнил Федор, бросив взгляд на пустой кувшин, который его ординарец еще не успел наполнить.

Говорят, во время той войны армия Карфагена засыпала их, чтобы город быстрее сдался, — ответил Амад, покосившись на Мазика, — видимо, поэтому город и опустел. А караваны стали забирать левее, направляясь к берегу моря мимо этих оазисов.

— Там путь легче, — согласился Федор и добавил, вздохнув: — Ладно, сейчас все свободны. Отдыхайте. На рассвете решим, что делать дальше.

Командиры разошлись, а Федор рухнул на кушетку в надежде заснуть. Но долгожданный сон пришел не сразу. Долгое время он ворочался с боку на бок, прислушиваясь к затихавшему шуму лагеря, крикам часовых, обдумывая все случившееся за последние дни. А произошло немало.

Ох и вовремя же Федор принял решение развернуть свою армию. С тех пор прошло уже семь долгих дней, а они все еще не могли оправиться от шока. Несмотря на быстрое отступление, избежать встречи с Фестом — так звали другого спартанца, командовавшего десятитысячной армией — не удалось. Его армия буквально на следующий день догнала армию Чайки, еще не достигшую равнины, и вынудила принять бой в одном из ущелий. Федор, как мог, стремился избежать этого» положение было

слишком невыгодным, однако сражение состоялось. Арьергард из пехотинцев Кумаха и всадников Мазика, который атаковали тяжеловооруженные всадники Феста, прикрывал отход основных сил до самого вечера, в результате в горах Чайка потерял почти целую хилиархию, но ценой ее жизни сумел вывести остальных на плоскогорье. А уже здесь он остановился, окончательно уяснив, что Фест не отстанет от него, не получив основательного внушения, и развернул армию, приготовившись к бою на более выгодной позиции.

Поданным разведки, у Феста, правой руки Эндимиона, было много тяжелой кавалерии, за счет которой он превосходил по числу всадников армию посланцев Ганнибала, но Федор рассчитывал на своих испанцев. А пехотные части были примерно равны. Расчет Федора во многом оправдался, его солдаты, и пешие и конные, проявили себя настоящими героями, но и армия Феста показала высочайшую выучку. А ее численность не давала Чайке шансов на быстрый успех, несмотря на все его таланты. Драка была страшной и продолжалась с рассвета до самой темноты, когда обескровленная и почти разбитая армия спартанца была вынуждена отступить обратно в горы, теперь уже отбиваясь от постоянных атак всадников Амада, а позже и чернокожих нумидийцев Мазика. Однако эта первая настоящая победа не радовала главнокомандующего. Из более чем восьми тысяч человек, высадившихся на берег Нумидии, после кровопролитного сражения осталось всего четыре с половиной тысячи, считая раненых. Пали также два слона, которых заманили в ловушку, а затем забили копьями и камнями. Чайка в ответ применил в полевых условиях даже артиллерию — по его совету баллисты Архимеда были доработаны и поставлены на колеса, — уничтожив немало пехотинцев врага. Но теперь Федор мог рассчитывать, по сути, лишь на половину своих сил. А следующие дни показали, что это еще не конец.

Остатки разбитой армии Феста оставили в покое Федора всего на пару дней. А затем, к его немалому удивлению, появились вновь. В основном это была конница, которая с тех пор продолжала висеть на пятках отступающей к югу армии, терзая ее на всех переправах, я при любой возможности нападая. Федор уничтожал отряд за отрядом, но они появлялись вновь. Более того, разведчики-нумидийцы доложили Чайке, что вдоль его пути, отсекая от населенных районов, продолжает двигаться корпус примерно в две тысячи пехотинцев. И хотя у Федора еще оставались силы «разобраться» с остатками этой армии, он решил избегать дальнейших сражений и уходить в пустыню до тех пор, пока преследование не прекратится.

«Что же я приведу на соединение с Гасдрубалом? — горестно размышлял Федор, лежа в один из тех дней у костра и поглядывая на звезды перед сном. — Если мне доведется принять еще одно подобное сражение, то я останусь в одиночестве, а Ганнибал решит, что я полностью провалил задание. Успехи, конечно, имеются, но какой ценой. Будем надеяться, что Эндимион отрядил остановить меня как минимум треть своей армии, и это облегчило положение Гасдрубала».

Хотя в глубине души Федор в это не очень-то верил. А чертовы спартанцы опять показали, что не зря едят хлеб наемных военачальников. И неизвестно, что в настоящий момент происходило с армией самого Гасдрубала. Конечно, она была гораздо мощнее, чем его экспедиционный корпус. Но еще до отплытия сюда Федор знал, что брату нового тирана пришлось выдержать кровопролитное сражение, в результате которого он сам зализывал раны, так и не приблизившись к заветной цели.

«Ладно, — отмахнулся Чайка от назойливых мыслей, переворачиваясь на другой бок под скрип походной кушетки, — Гасдрубал не первый день воюет, а ставки так высоки, что он обязательно найдет способ разгромить своих врагов, будь то спартанцы или посланники самого дьявола. Думаю, еще несколько дней — и мы соединим наши войска».

С этой мыслью Федор отошел в объятия Морфея, вспомнив лишь о том, что до сих пор не отыскал след Юлии. Впрочем, какое-то смутное чувство подсказывало ему, что римлянка с ребенком не так уж и далеко. Не было никаких точных данных о ее местонахождении, но Федор, привыкший доверять своей интуиции, был уверен, что она где-то здесь. Вероятнее всего в Африке, и боги выведут его на нужный путь, вновь соединив их. А потому, отогнав последние сомнения, позволил себе заснуть.

На рассвете он умылся водой из ручья, затем наскоро перекусил в одиночестве. То, что он ел, уже нельзя было назвать изысканной трапезой главнокомандующего. Запасы провизии, которые солдаты армии Ганнибала везли с собой и постоянно пополняли, проходя через густонаселенные районы, теперь истощились, и Федор, поневоле подражая своему кумиру, ел то же, что и простые солдаты. Все они были сейчас в одной упряжке и, чтобы выжить, им предстояло еще неизвестно сколько прорываться сквозь эти забытые богами земли. -

После завтрака Чайка вызвал к себе командира нумидийских разведчиков с докладом и тот сообщил ему, что почти на день пути нет никаких врагов. Ни пеших, ни конных.

— Преследователи отстали, — объявил Федор, дождавшись, когда к нему вновь прибудут остальные военачальники, — мы

вновь поворачиваем на запад и двигаемся к заброшенному городу. А оттуда к Заме. По дороге мы получим нужные сведения относительно местонахождения войск Гасдрубала и Эндимиона.

Первыми, еще до выхода основных сил, оазис покинули пумилийцы Мазика, на которых лежала обязанность организовать дальнюю разведку во все стороны от продвигавшихся войск. Отдохнувшая за одну ночь в «человеческих условиях» армия передвигалась довольно быстро и к вечеру они добрались до границы песков, за которой вновь начинались плоскогорья.

Здесь, в одной из песчаных впадин, очень напоминавшей некогда плодородную долину, они наткнулись на заброшенный город, обозначенный на карте. Вернее на то, что от него осталось за десятки лет песчаных бурь. Город был не особенно большим, но когда-то, судя по всему, густонаселенным. Остатки крепостной стены опоясывали его по кругу, но сейчас ее можно было свободно преодолеть сквозь множество проломов.

— Да, боги Карфагена не пощадили этот город, — пробормотал Федор, ехавший на коне в голове колонны африканских пехотинцев, первой приближавшейся к мертвому городу. Как военный, по разрушениям, даже почти занесенным песком, он видел, что этот город подвергся жестокой осаде и яростно сопротивлялся. Его долго бомбардировали осадными орудиями и, возможно, всех защитни ков-ну м идийцев, оставшихся в живых, просто уничтожили, а "город почти стерли с лица земли. Впрочем, для Федора стало откровением, что у нумидийцев, которых он держал только за кочевников, были столь хорошо укрепленные города Оказалось, были. Не слишком много, но такие города существовали. Можно было вспомнить ту же Заму, в сторону которой они двигались, или Цирту, столицу союзного царька Сифакса. Федор видел мало нумидийских городов, можно сказать, совсем не видел. Но из этого еще не следовало, что их совсем не было. Не требовалось также большого ума, чтобы понять, — Карфаген был явно не заинтересован в том, чтобы нумидийцы укреплялись и богатели самостоятельно. И сейчас перед Чайкой лежало одно из таких свидетельств внутренней политики.

«Наверное, нумидийцы, как китайцы для русского, — размышлял Федор, остановив коня у въезда в развалины и разглядывая следы прежних боев, — только на первый взгляд все на одно лицо. А на самом деле все разные. Может, и среди них немало талантливых каменотесов да оружейников сыщется, если подучить».

Можно было пройти прямо через развалины, торчавшие из-под песка, а можно было и обойти их. Федор двинул армию

прямиком, однако неожиданно слоны наотрез отказались проходить через это место. Огромные животные остановились как вкопанные на границе мертвого города и заревели, вращая огромными бивнями из стороны в сторону и пугая лошадей. Даже Исмек, лично вмешавшийся в дело, ничего не смог изменить. Пришлось направить слонов и часть обоза вокруг развалин, чтобы не задерживать движение колонны.

— Гиблое место, — как-то вскользь обронил Мазик, ускакав прочь.

Над головой парили, раскинув крылья, несколько стервятников. Федор, проезжая по мертвому городу, невольно присматривался к обломкам стен и башен, торчавших из-под слоя песка. Местами ветер обнажил кости мертвых людей, правда, отчего они погибли и как давно, было не ясно. Но слишком уж зловещим выглядел этот город даже посреди дня. Впрочем, предположение, что его все же посещают кочевники, оказалось верным, — на краю города финикийцы обнаружили остатки недавнего стойбища.

— На север ушли, человек двадцать, — заметил остроглазый Амад, проезжая мимо.

— Думаешь, разведчики Эндимиона? — насторожился Федор.

— Не знаю, — ответил командир испанцев, — но похоже на нумидийцев. Отряд небольшой. Может быть, просто кто-то из местных, а может, и нет.

— До Замы уже не так далеко, — проговорил Федор, прикрывая рот ладонью от налетевшего песка, — нужно быть осторожнее. Мы не знаем, кто сейчас владеет этим городом. Так что не помешает усилить разведку. Прикажи Мазику сделать это.

Вскоре мертвый город остался позади. Несмотря на тщательные поиски источников воды, удалось найти лишь несколько колодцев, засыпанных песком. Весь следующий день они также провели без воды, используя имевшиеся остатки в бурдюках. Вскоре вода совсем закончилась.

Люди и животные страдали. Несколько десятков раненых умерло, а лошадей пало. Одна из них рухнула в песок прямо на глазах Чайки, едва не придавив своего всадника.

— Если завтра мы не дойдем до какой-нибудь реки, — решил Федор, облизывая соленые губы и глядя на дергавшуюся в конвульсиях лошадь, — то погибнем здесь просто от жажды.

К счастью, по мере продвижения все дальше на северо-запад природа постепенно менялась. На следующий день изможденная армия Чайки преодолела последние километры пустыни и двигалась уже по обширному плоскогорью, ограниченному с трех сторон невысокими горами. И чем дальше продвигалась армия,

тем выше становились горы.

В конце концов путники услышали шум воды. Федор, убедившись, что это не слуховая галлюцинация, сделал привал и дал армии насладиться долгожданной водой. Колонна остановилась у одного из невысоких хребтов, с которого стекало вниз сразу несколько ручьев. Не имея возможности превратиться в полноводную реку, почту самого подножия они уходили под землю, орошая окрестности. Поэтому здесь, внизу, росли уже не только чахлые колючки, на которые Чайка устал смотреть за время передвижения по пустыне, но и довольно высокие кустарники. Хотя до настоящего оазиса еще было далеко. К своему удивлению, Федор не встретил в пути ни одного бедуина на верблюде. Размышляя об этом, он вспомнил кое-что из прошлой жизни, уразумев, что верблюда в эти края еще не завезли, а вот лошадей здесь было в избытке. Нумидийцы коней любили и обращаться с ними умели.

— Зама стоит в горах? — уточнил Федор у Мазика.

Напившись воды, оба сидели на придорожном камне, поглядывая в сторону своих солдат, которые пили сами и приводили коней на водопой, благо экономить воду больше было не нужно. У ручьев выстроились целые очереди, но столпотворения не было, все умело контролировалось командирами. Люди и животные пили, не мешая друг другу. Издалека было видно слонов, которые не только пили, но и обливали из хобота свои массивные тела, издавая при этом громкий рев, означавший блаженство.

— Да, — кивнул нумидиец, — город примыкает одной стороной к хребту.

— Далеко еще? — поинтересовался главнокомандующий, изучая горные хребты, которые окаймляли горизонт. Там, вдалеке, почти белое от жары небо смыкалось с горами.

— Дня за два дойдем, — ответил Мазик, — может быть, раньше.

— Отправь туда своих людей немедленно, — приказал Федор, — не позднее завтрашнего утра я хочу знать, кто владеет городом.

Рослый нумидиец молча поднялся и, вскочив на коня, исчез по направлению к горам. За ним устремился отряд человек в сто. А Федор, дав солдатам еще пару часов отдыха, приказал двигаться дальше, сам оставаясь на месте. Когда с ним поравнялся обоз с катапультами, Чайка жестом подозвал к себе Бейду. Смуглолицый воин повераул коня и приблизился к валуну, на котором сидел главнокомандующий в окружении нескольких телохранителей.

Сколько ты потерял орудий в последнем бою? — уточнил Чайка, и, услышав ответ, приказал быть готовым к новому сражению.

Скоро Зама. Город мы штурмовать не будем, если он в руках врагов, но когда они узнают о том, что мы проходим рядом, возможно, нам вновь придется столкнуться с противником на открытой местности. -

Однако Федор зря волновался на этот счет, хотя принесенные разведчиками Мазика данные ошеломили его. Город был пуст и сожжен дотла, причем недавно. Следы мощного сражения виднелись повсюду вокруг него, и все указывало на то, что Зама была взята армией Гасдрубала. А сама эта армия уже двинулась дальше, в сторону Карфагена Разведчики проследили путь, но никаких частей арьергарда настичь не удалось,

— Ерунда! — отмахнулся повеселевший Федор. — Значит, мы в двух шагах от него. Немедленно ускорить наши передвижения. Ночевку сократить. Выступаем по темноте.

Армия Чайки шла форсированным маршем еще три дня, и лишь к исходу последнего Федор, поднявшись на очередной перевал в голове колонны пехотинцев, неожиданно встретил там отряд разведчиков Гасдрубала. Его люди появились на перевале неожиданно — несмотря на то, что здесь уже прошли нумидийцы и испанская конница, — человек двадцать с фалькатами в руках вдруг выскочили из-за валунов и преградили дорогу хилиархии. Шедшие первыми воины Кумаха сразу выступили вперед чтобы защитить Чайку, но тот жестом остановил их. Опасности не было. Он узнал предводителя разведчиков с первого взгляда. Да и тот здоровяк в запыленных доспехах, что возвышался за его спиной, тоже был хорошо знаком Чайке.

Я сразу понял, что это ты, едва получил весть о том, что за нами идет целая армия и как зовут ее командира, — нагло заявил предводитель разведчиков, обращаясь к Чайке и ничуть не смущаясь тому, что разговор происходит во всеуслышание, — мы тут немало повоевали, а ты что-то припозднился, друг.

Да, мы давно тебя ждем, — крикнул здоровяк, потрясая фалькатой, — уехал к морю и не вернулся! Мы думали, ты погиб.

Охранники Федора, удивленные такой фамильярностью неизвестного пехотинца, одетого в доспехи армии Карфагена, посматривали на Чайку, ожидая приказа изрубить в куски эту горстку самоубийц, рискнувших встать на пути целой армии. Но главнокомандующий медлил с таким приказом. Его раздирали радостные чувства.

— Мне нужно было побывать в Италии, Урбал, — проговорил наконец Федор, — а теперь я здесь. И мы снова будем воевать

вместе.

Не в силах сдерживать свои чувства, Федор спрыгнул с коня и обнял друзей. А потом вместе с ними прошел до края перевала, с которого открывался вид на обширную долину, буквально запруженную людьми и лошадьми. Огромная численность армии Гасдрубала впечатлила его. Казалось, здесь находилась вся испанская армия, верные нумидийцы и кельты, которых только удалось навербовать.

— Эндимион ждет нас для решающего сражения в двух днях пути. Битву у Замы он уже проиграл, — проговорил Урбал, поправляя шлем. — Это его последний шанс остановить нас на пути к Карфагену.

Федор обернулся на своих молчаливых пехотинцев, скользнул взглядом по осадному обозу и

сказал уверенно:

— У него не выйдет. Теперь нас уже не остановить.

Глава двенадцатая
Блокада

Драка за особняк Иседона продолжалась не меньше часа. Неизвестно, рассказал ли командиру гоплитов старейшина про свой золотой запас, но атаковали они с таким остервенением, словно Иседон обещал отдать им все свое золото. Ларин еле выдержал этот натиск, да и то лишь с помощью подоспевшей из-за внешней стены команды морпехов с одной из квинкерем. Его люди полегли в том бою почти все.

После жестокой схватки, в которой отряд гоплитов был уничтожен полностью, Ларин еле разыскал у входа в дом тело мертвого Каранадиса, заваленное трупами греков и скифов.

— Извини, браток, — сказал он, останавливаясь над ним, и вздохнул, вытирая тыльной ладонью пот со лба, — не построить нам теперь ракетные силы на устрашение врагов наших. Но Иседону я отомстил, можешь не сомневаться.

Обернувшись к стоявшим чуть поодаль бойцам, он приказал:

— Спрячьте его тело пока в доме, а потом похороните.

Бой за главные ворота еще не закончился и Ларин со вновь прибывшими силами направился туда, не забыв оставить для охраны золотого запаса три десятка воинов. Больше пока выделить не мог.

Греки сопротивлялись упорно, до самого вечера, хотя бегство мирных жителей началось почти сразу же после появления скифов. Отцы города, если не считать Иседона, проявили завидное мужество и остались в Одессе до конца. Никто не сбежал, хотя и мог, поэтому почти все они попали в руки Ларина, который казнил особенно рьяных, а остальных взял в плен, заставив показать, где они хранят городскую казну и личные сокровища. После чего все они были переправлены на квинкеремы пол конвоем.

— Отвезу вас к Иллуру в подарок, — объявил их участь адмирал, — пусть он решит, что с вами сделать.

Ларин был так зол на Иседона, что отдал греческий город на разграбление своим солдатам сразу же после победы, решив не щадить его. Тем более что дольше двух дней он не собирался здесь задерживаться. Правда, перед тем как разрешить скифам творить все, что угодно, Леха объехал все выведанные адреса старейшин города, взяв с собой несколько телег, «провинившегося» Инисмея и двадцать морпехов с «Узунлара».

Перетряхнул дома и лавки купцов, а обнаруженное превзошло все его ожидания.

— Богатый городишко, — подытожил Леха, когда на его глазах забили доверху золотом последнюю телегу, — не зря мы сюда наведались.

Однако захваченных с собой телег не хватило для вывоза добра, и он отправил за новыми, приказав перевозить их содержимое прямиком в порт и грузить на «Узунлар». А когда были забиты все его трюмы, то и на другие корабли. Помимо золота и серебра, в лавках местных купцов обнаружилось множество хорошего оружия и доспехов. Все это хозяйственный адмирал тоже не побрезговал прихватить с собой, благо после победы кораблей у него тоже прибавилось. Он даже не знал, как их все увести отсюда, — чтобы сделать это, не хватало моряков и гребцов.

На второй день вечером Ларин как раз стоял на палубе «Узунлара», размышляя над этим и поглядывая за прибывавшими из города телегами, как вдруг заметил в море одинокий парус. Это была триера, и она шла прямиком в Одесс.

— Кто бы это мог быть? — удивился адмирал, пристально вглядываясь в морские просторы, к счастью свободные пока от других кораблей. Леха немного нервничал, так как изменил время пребывания в Одессе с двух дней на три, поскольку не ожидал столь большой военной добычи. При штурме города он понес ощутимые потери и появись вдруг под стенами или с моря какая-нибудь греческая армия, ему пришлось бы худо. Ларин понимал, что нужно было побыстрее убираться отсюда, но не мог вот так запросто бросить все, что вдруг попало к нему в руки.

Триера между тем, не таясь, двигалась прямиком в Одесс и вскоре вошла в его гавань. Ларин полагал, что это какой-то местный греческий корабль с ничего не подозревавшим экипажем возвращается себе на погибель в родной город Он приказал впустить корабль без лишнего шума в гавань, из которой ему было уже не выбраться. Каково же было его изумление, когда адмирал узнал скифскую триеру из собственного флота, стоило ей подойти поближе. Вскоре триера ткнулась носом в пирс, и на него спрыгнул скифский боец, который разыскивал самого адмирала. Оказалось, что это был посыльный от Токсара.

Встретившись с адмиралом, он молча протянул ему свиток.

— Посмотрим, что так срочно решил сообщить мне Токсар, не дождавшись моего возвращения, — проговорил Ларин, разворачивая послание, — наверное, он уже взял город.

Однако, пробежав глазами написанное, Ларин с удивлением увидел письмо от самого Иллура. Скифский царь, окончательно

разбив гетов, неожиданно прибыл со своим войском под стены осажденных Том. Но не об этом спешил сообщить своему подданному Иллур, не найдя его там, где он должен был находиться. Скифский царь писал о том, что сарматы предали его и, войдя в сговор с римлянами, атаковали укрепления в Крыму. Боспорские греки, недобитые после нескольких кровопусканий, также осмелились поддержать их, предоставив для войны свои оставшиеся корабли. Ларину предписывалось с имевшимся флотом немедленно вернуться в Крым и принять участие в боевых действиях, отразив нападение. Сам царь также выдвигался туда с частью войск.

— Эх, Исилея, Исилея, — пробормотал Лежа, сворачивая письмо в трубочку, — вот я кончилась наша любовь.

Сначала адмирал даже немного загрустил. Теперь сарматы становились официальными врагами, и при встрече, если такая случится, он должен будет зарубить свою полюбовницу. Или она его. Тут уж как повезет, судьба Тарнары была еще памятна адмиралу. Впрочем, Ларин узнал эту новость даже с некоторым облегчением, теперь его странная сексуальная зависимость от этой женщины, все время появлявшейся из ниоткуда, закончилась. Не было больше у прекрасной амазонки никаких прав на Леху Ларина.

— Все к лучшему, — выдохнул Леха, рассуждая вслух сам с собою и приободряясь, — вернусь в Крым, посмотрю на жену. Давно я что-то Зара-ну свою не видел. Да и сын без отца растет. Не хорошо. Надо бы и проведать.

Иллур требовал немедленного отплытия. Однако Леха уже вошел во вкус и, несмотря на приказ царя, оставил в силе собственный приказ — грабить город до завтрашнего вечера и лишь затем отплыть отсюда в сторону Том.

Проведя ночь в особняке одного из старейшин, который он использовал как временный штаб, на рассвете Ларин решил лично осмотреть окрестности, благо до вечера время еще было. Корабли уже готовились к отплытию, но скифы продолжали перетряхивать дом за домом. Проезжая по утреннему городу во главе сотни Инисмея — коней захватили здесь же в Одессе, остались от поверженных катафрактариев, — адмирал на каждом углу встречал своих бойцов, что-то выволакивавших буквально из каждой двери.

— Ничего грекам не оставим, — радостно потирал руки Леха, вспоминая о том, что две трети населения успело покинуть город, — когда вернутся, придется все заново собирать и отстраивать.

Последние слова относились к тому, что накануне Ларин

приказал разрушить арсеналы и оружейные мастерские, правда, верфи пощадил, поскольку надеялся в скором времени вернуться сюда с большой армией. Верфи могли пригодиться и скифскому флоту. Однако письмо от Иллу-ра все изменило, и Ларин приказал верфи сжечь, но отсрочил приказ до самого отплытия, чтобы не привлекать дымами лишнего внимания. Мало ли что.

Выехав за ворота, скифы направились к дальней гавани, у подножия холма, где Ларин лишний раз убедился, что некоторые купцы» успевшие вовремя покинуть атакованный город, скрылись в неизвестном направлении на своих кораблях.

— Семь кораблей можно было привязать, — подытожил адмирал, разглядывая невысокий пирс, рассчитанный на прием небольших судов, на котором виднелись следы побега: несколько брошенных тюков и расколотых амфор, — правда, только «торговцев». Триере сюда не особенно удобно подходить.

Инисмей, молча взиравший на пристань среди скал, только кивнул.

— А корабля Иседона-то нет, — усмехнулся Ларин, вспомнив, как старик упоминал о нем, — значит, прихватил кто-то из его «друзей». Не погнушался.

Покинув небольшую пристань, скифы проехали дальше вдоль холма. Затем путь их стал извилистым, начал забирать вверх, петляя между скальных выступов, и вскоре отряд втянулся на настоящую горную дорогу. По краям ее росли невысокий живописный кустарник и сочная трава с какими-то красными цветами.

— Красиво здесь, — расслабился Ларин, наблюдая окрестные пейзажи, — неплохое место греки подобрали для поселения.

Он даже остановился ненадолго, чтобы обернуться и посмотреть с высоты на город, раскинувшийся перед ним. Поскольку никаких пожаров пока не было, отсюда с холма все выглядело мирно. Город как город, живет обычной жизнью. На улицах копошатся люди, в порту тоже царит оживление, начинается обычный день торговой фактории.

— Просто жаль покидать его, — продолжил мечтательно Ларин, прищурившись на неяркое солнце, слегка подернутое дымкой невесомых облаков, — а, Инисмей?

— Таких городов у нас на пути еще немало будет, — хмуро ответил сотник, не разделявший оптимизма хозяина, — надо бы дозор вперед выслать. Греки могут вернуться.

— Ничего, — отмахнулся Ларин, на которого напало благодушное настроение, — они так пятки смазали, что до самой Греции небось уже добежали. А это все скоро нашим будет, навечно.

Однако вскоре адмирал понял, что расслабляться еще рано. Едва его отряд, обогнув очередную скалу, выехал на край холма, из-за которого открывался вид на прилегавшие к побережью земли, Ларин тут же заметил далеко внизу какое-то движение. Дорога, петляя, уходила влево и вниз, продолжая огибать неровности, и пропадала в обширном лесу, который занимал все пространство под холмом. А из леса, блестя на солнце медью шлемов и наконечниками копий, бодро выходил отряд гоплитов в красных плащах. Все гоплиты были копейщиками и в левой руке несли по щиту, на котором даже с такого расстояния Леха рассмотрел уже знакомую не понаслышке «лямбду».

Адмирал невольно натянул поводья и осадил коня. Инисмей остановил своего, и колонна скифов замерла, еще не выехав на открытое места

— Спартанцы, — проговорил Леха, как бы не веря своим словам, — пришли-таки.

Некоторое время он раздумывал, бросить ли своих людей в атаку сразу или еще выждать, но по мере того, как отряд выходил из леса, стало ясно, что одной сотней тут не победить. Спартанцев было человек пятьсот, во всяком случае, в передовом отряде, а за ними шли другие гоплиты. Колонна, мелькавшая между деревьями в лучах солнца, «тянула» минимум на несколько тысяч. А ее конец вообще терялся в лесу.

— Следом идут, вероятно, фиванцы, — проговорил Ларин, — принесла нелегкая. Не могли на денек задержаться.

Скифы слишком долго наблюдали за передвижениями пехотинцев внизу и те вскоре сами заметили их. Раздалась команда, первая шеренга гоплитов присела, прикрывшись щитами и ощетинившись копьями. За ними тут же выросла вторая стена из щитов и копий.

— Ты смотри, — усмехнулся Ларин, увидев мгновенные перестроения спартанцев, — боятся. Атаку ждут. Нет, ребята, тут вам не Фермопилы. Не сезон сейчас.

— И обернувшись к Инисмею, он махнул рукой. — Возвращаемся в город. Надо подготовиться к встрече дорогих гостей.

Пока отряд скакал по горной дороге в сторону Одесса, Ларин лихорадочно размышлял, стоит ли принимать бой. У него уже почти все было готово к отплытию. «Может, ускорить загрузку кораблей, запалить город да отплыть себе спокойненько, не дожидаясь вечера, — думал он, раскачиваясь в седле, — зачем мне сейчас воевать? Дело сделано. Только время терять зря да людьми рисковать. И так морпехов поубавилось почти на треть. А этих гостей еще неизвестно, сколько сюда пожаловало. Да и царь

ждет».

Окончательно уверившись, что бой в поле принимать не стоит — конницы у него не было, — а осада только задержит его, Ларин решил начать немедленную эвакуацию. И хотя его так и тянуло сразиться с этими хваленными спартанцами, взвесив шансы на успех, он решил отложить «выяснение отношений» на потом. Когда у него окажется под рукой гораздо больше солдат. Сейчас же адмирал уже не видел ничего зазорного, чтобы выполнить приказ Иллура.

Ворвавшись как вихрь в город, Ларин приказал охранникам запереть ворота н приготовиться к нападению. А сам проскакал в сторону порта и, достигнув верфей, спрыгнул с коня.

— Скачи к Темиру, — приказал он Инисмею. который тоже собрался последовать примеру хозяина. — Пусть готовит «Узунлар» к отплытию и передаст остальным капитанам мой приказ сделать то же самое. Немедленно выходим в море, не дожидаясь вечера. А я тут… разберусь. И скоро сам буду.

Инисмей ускакал, оставив половину эскорта адмиралу. Ларин между тем окинул взглядом все хозяйство местных корабелов: на подпорках стояли пять триер, почти собранных из тесаных бревен, и еще два каркаса.

— Не бывать вам кораблями, — словно извинился Ларин перед ними и приказал изготовить несколько факелов. А когда рядом заполыхали огни, Леха взял из рук морпеха один из потрескивавших факелов и, не раздумывая, двинулся к ближайшему каркасу. Недостроенная триера долго не хотела загораться. Тогда раздраженный адмирал приказал прикатить бочку со смолой, стоявшую на соседнем складе, и облить каркас. Трое скифов бросились выполнять приказание. Поднатужившись, они выкатили из сарая огромную бочку и опрокинули ее содержимое внутрь почти готового судна. Когда все это было сделано, Ларин приблизился и бросил туда факел. Жирный черный дым быстро пополз вверх.

— С остальными поступите так же, — при Леха, вновь запрыгивая в седло и направляясь, к недалеким уже пирсам, — затем подожгите захваченные триеры в порту, а потом возвращайтесь на «Узунлар». Мы скоро отплываем.

Когда он поднимался по сходням своего флагмана, позади него в небо вздымалось уже несколько черных столбов дыма, великолепно различимого на фоне почти белого неба. Ларин на ходу окинул взглядом порт, в котором стояла невообразимая суматоха, — сотни солдат поднимались на свои корабли, волоча на себе награбленное. Вернее то, что успели раздобыть к настоящему моменту. Приказ адмирала застал их врасплох.

Как вернутся все люди, немедленно отплываем! — бросил он Темиру, встречавшему его у борта. — К городу подходит армия греков. Скоро нас окружат с суши, поэтому мы уйдем морем.

— Вам стоит на это посмотреть, — как-то странно проговорил капитан «Узунлара», жестом приглашая адмирала на корму, откуда тот мог взглянуть на море.

Когда Ларин, пройдя между метательными машинами и мачтой, приблизился к парапету, то увидел горизонт, усеянный парусами. Большой флот приближался с юга к Одессу. Он двигался с попутным ветром и развил такую скорость, что легко мог перехватить все корабли скифов, даже если флот Ларина покинет гавань немедленно.

— А это, я полагаю, афиняне, — едва не рассмеялся Леха. — Твою маман! А все так хорошо начиналось.

Глава тринадцатая
Взять Карфаген

Чайка едва успел увернуться от удара рослого воина, длинный меч которого просвистел прямо над его головой. Не успел этот катафрактарий пронестись мимо, схлестнувшись со скакавшим позади него испанским всадником, как щит Федора сотряс новый удар. На этот раз он в последний момент заметил брошенный в него дротик. К счастью, тот угодил в умбон и отскочил в сторону.

Конные порядки противника, пытавшегося остановить их атаку, были разорваны и Чайка, первым вылетев на вершину небольшого холма, увидел перед собой шеренги пехотинцев, ощетинившиеся остриями копий. Позади них уже виднелись обозы, а еще дальше походный лагерь.

— Победа близка! — прохрипел Федор, вздымая коня на дыбы и налетая на ближнего пехотинца.

Ударом копыт боевой конь сшиб пехотинца, но получил удар в бок, который достиг цели. Копье застряло у него в брюхе. Разворачиваясь направо и налево в седле, Чайка успел разрубить три шлема своей чудовищной фалькатой, прежде чем пехотинцы вонзили в бок его коню еще два копья. Животное пошатнулось и стало оседать на круп.

Скатившись на землю, Федор удержал свое оружие и, отбиваясь от пехотинцев противника, отступил назад, осматриваясь по сторонам. Левее и чуть позади него продолжалось конное сражение, ржали кони — падали замертво сраженные стрелами и мечами всадники, — справа несколько испанцев атаковали копьеносцев, но здесь, на вершине холма их было человек десять, не больше. Чайка вдруг понял, что в пылу атаки оторвался со своими бойцами от основной группы всадников Амада, с которыми начинал этот бой. Они были рядом, метрах в тридцати, но могли не успеть, поскольку пехотинцы противника попытались вновь занять холм и медленно, словно нехотя, двинулись вперед, выдавливая с него солдат Гасдрубала.

Двое копейщиков подскочили к Федору, нанося короткие удары. Чайка был вынужден отступить. Он пятился, отражая удар за ударом. Рядом с ним оказались еще семеро бывших всадников, потерявших коней и теперь яростно вращавших мечами. Один из них пал на глазах Чайки, пронзенный сразу тремя копьями. Положение стремительно ухудшалось. Конное сражение с

греками — а в армии сената Федор без особого удивления увидел наемных катафрактариев из Коринфа и Аргоса — происходило в стороне и Чайку с несколькими храбрецами могли убить гораздо раньше, чем испанцы доберутся сюда. Федор уже допускал мысль об очень быстром отступления, поскольку умереть героем накануне победы ему совсем не хотелось, тем более что Юлию он пока так и не нашел. А от мертвеца в поисках толку мало. Чтобы спасти из плена семью, надо сначала выжить самому.

Неожиданно позади раздались дикие крики — это началось стремительное наступление хилиархии африканских пехотинцев, избавившее его от позора. Впереди всех, бешено потрясая клинками, бежали две знакомые фигуры.

— Ну, этих-то мы дождемся, — сплюнул он, решив больше не отступать и отбивая щитом очередной выпад копья, направленный ему в голову. Затем он перешел в контратаку и серией ловких ударов он зарубил одного из врагов, заставив второго сделать пару шагов назад.

Выжившие в этой мясорубке испанцы дрались чуть поодаль, а пехотинцы противника, прежде чем вновь перейти в оборону, решили наказать хотя бы тех, кто был сейчас перед ними, и на Федора напали сразу четверо. Но тут невдалеке раздался дикий рев, сопровождавшийся ржанием коней и криками ужаса, и все они на мгновение отвлеклись, что дало возможность Чайке заколоть одного и ранить второго.

Это ревел слон. Один из тех, что привел сюда Федор и которых Гасдрубал с радостью бросил в бой против конницы Эндимиона. Чайка успел заметить, как слон нагнул свою массивную голову и, подцепив окованными бивнями коня, поднял над собой его истекающую кровью тушу, а затем сбросил ее вниз. Следующим ударом бивней разъяренный слон повалил на землю сразу трех греческих катафрактариев и принялся топтать их своими ногами.

Но окончание этой драмы Федор так и не увидел. Он еле успевал отбиваться от точных ударов, один из которых угодил ему в шлем, а другой проверил на прочность боковые крепления кирасы. К счастью, доспехи выдержали удары копьеносцев, а подоспевшие на помощь Леше и Урбал быстро утихомирили этих двоих ловкими ударами фалькаты.

— Что же ты бросился в атаку вместе с конницей? — пожурил его Урбал, когда бой был почти закончен, а войска Эндимиона уже отступали по всему фронту, бросая оружие. — Позабыл, что командуешь всем правым крылом?

Лагерь спартанца был взят силами Чайки с ходу. В этом бою удалось пленить многих знатных офицеров и даже захватить еще

пять слонов. Победа казалась полной.

Федор молча усмехнулся. Сейчас он стоял на одной из башен захваченного лагеря и вместе с друзьями наблюдал за догоравшим сражением. Чайка действительно поддался порыву, которому не должен был поддаваться главнокомандующий такого ранга, и устремился в атаку вместе с испанцами. Больно уж красиво они в нее шли.

Перед боем Гасдрубал назначил его командовать правым крылом, передав Чайке для усиления все его «бывшие» африканские хилиархии, с которыми он впервые вступил на эту землю, вернее го, что от них осталось после первого поражения от Эндимиона на плоскогорьях Нумидии. И теперь под его командой вновь были почти такие же силы, с которыми он отплыл из Сицилии.

Тогда же, перед грандиозным сражением у Эль-Кефа, которое должно было решить судьбу армии сената, стоявшей на пути в Карфаген. Чайка успел выпить с друзьями вина в своем шатре и узнал все подробности похода Гасдрубала. Оказалось, что большую часть проведенного здесь времени армия Гасдрубала отступала и терпела лишения, несмотря на казавшуюся мощь. Сначала вся эта махина в погоне за Масиниссой зашла в пустынные земли, где неожиданно столкнулась с армией поджидавшего их Эндимиона Для Федора, узнавшего обо всем из уст самого Магона, это уже не было новостью, но вот Летис рассказывал о том сражении просто взахлеб.

— Ну и досталось же нам! — почти с восхищением расписывал Летис детали того поражения, отпивая из кувшина. — Пехота у этого Эндимиона была отменная. Почти как у нас. И было ее ничуть не меньше. Они зажали нас в ущелье и били до самой ночи, пока не истребили несколько хилиархий. От нашей осталась половина, еле унесли ноги, Урбал не даст соврать.

Урбал подтвердил, молча качнув головой. По его лицу было видно, что эти воспоминания не столь радуют его.

— А потом этот спартанец и нумидийцы Масиниссы гоняли нас по пустыне много дней кряду, — продолжал вещать Летис, — ведь его армия оказалась едва ли не больше нашей, и Гасдрубал ничего не мог с ним сделать, до тех пор, пока не представился случай поймать в мышеловку нумидийского царька. В этом нам помогла кельтская конница. И уж когда это случилось, мы отомстили сполна. Кельты загнали нумидийцев прямо на нас, и пехоте досталось добивать отступающих всадников Масиниссы. А доспехов-то на них нет. Вот уж где я отыгрался. Завалил человек десять.

— Так Масинисса убит? — с надеждой вопросил Федор,

решив не уличать разглагольствовавшего Летиса во лжи. Двоих или троих с его физической силой и выучкой тот еще мог «завалить», но десять всадников даже Летису было никак не одолеть. «Хорошо еще не сказал двадцать, — осторожно, чтобы не обидеть друга, усмехнулся Федор, — поскромничал».

— Его войска разбиты, но сам Масинисса ушел, — пояснил спокойно Урбал. — Говорят, ускакал в Ливию, а может быть, и здесь скрывается, неподалеку. Он же местный, тут каждый холм знает. Гасдрубал обещал за него награду.

Урбал помолчал немного и добавил:

— Зато почти все его подданные, из тех, что выжили, теперь воюют за нас.

— В самом деле? — не слишком удивился Федор, припоминая историю васконов.

— Ну да! — опять заговорил Летис. — А куда им деваться? Царь в бегах, вся земля под нами. Да и многие его подданные оказались не прочь служить Ганнибалу добровольно; Правда, после того, как наш командующий что-то им пообещал, я не знаю, что именно…

— А что Сифакс? — вспомнил про союзника Федор.

— Сифакс воюет с нами, но он привел с собой лишь половину воинов, — поделился информацией Урбал, — остальных оставил в Цирте.

— И не только он оставил там солдат, — вставил слово Летис, загадочно ухмыльнувшись.

— Почему? — удивился Чайка. — Что ему там охранять? Его столица ведь не лежит на пути в Карфаген.

— Ты бы видел, сколько солдат мы оставили охранять Цирту, — усмехнулся Летис, выливая остатки вина из кувшина себе в глотку одним движением, — а вернее дочь Гасдрубала. Если бы все они были здесь, мы разбили бы Эндимиона гораздо быстрее.

— Они все охраняют дочь Гасдрубала? — ухмыльнулся Федор.

— Ну да, — хохотнул Летис, вновь хитро прищурившись, — Масинисса-то сбежал. Вдруг объявится да умыкнет красотку.

— Ты потише, — осадил его Урбал и оглянулся по сторонам, словно их могли подслушать даже в шатре Чайки, — наш командующий не любит, когда обсуждают его дочь.

— Да ладно, — отмахнулся здоровяк, — вся армия об этом знает.

После этого сильно захмелевшие друзья поведали Чайке, что продвижение армии Гасдрубала по глубинным районам Нумидии привело к тому, что все земли, по которым они проходили,

перешли под его контроль. Гасдрубал тут же объявил мобилизацию новых подданных, и теперь под его началом находилась не менее внушительная армия, чем та, с которой он некогда высадился на побережье. Правда конницы в ней было едва ли не больше, чем пехоты, но появление армии Федора несколько исправило положение. Особенно Гасдрубал был рад слонам, с помощью которых он сумел обратить в бегство гордость Эндимиона — конные порядки греческих катафрактариев.

— Вообще, этот спартанец навербовал в армию сената массу греков, — «пожаловался» Урбал, — и они, надо сказать, немало потрепали нам нервы. Одно дело, быстрые, но слабо вооруженные нумидийцы, и совсем другое — катафрактарии. Да и греческая пехота поначалу тоже противостояла нам очень успешно. Пока мы ее не истребили почти всю.

— А где еще сенату брать свежих наемников? — поделился соображениями Федор. — Если собственный главнокомандующий взбунтовал всю армию и вышел из-под контроля? Хорошо еще скифов сюда не позвал.

— Кого? — вскинул тяжелую голову Летис.

— Забудь, — отмахнулся Федор, решив не просвещать друга насчет Иллура, данника его бывшего благодетеля, о делах которого он уже поведал друзьям, рассказав заодно и о Юлии. — Вы-то за Ганнибала по собственной воле воюете?

Захмелевшие друзья невольно приумолкли. В шатре воцарилась тишина.

— Когда узнали правду, зачем мы здесь, — признался Урбал, — было время, сомневался. Хотя я этого давно ждал. Слишком уж независимо вел себя наш главнокомандующий в переговорах с сенаторами.

— Теперь он, скорее, новый тиран, — поправил его Чайка, — и теперь лично ему подчиняется почти вся Испания, Южная Италия и Сицилия. Даже Сиракузы на его стороне — выступили против Рима и нашего сената Я свой выбор сделал. Да и вы, похоже, тоже. Дело за малым — взять Карфаген.

— А я не против! — вдруг заявил Летис, хлопнув ладонью по столу. — У нашей Утики с Карфагеном давние счеты.

«Вот оно, — подумал Федор, глядя на раскрасневшегося Летиса, — зерно гражданской войны. Давние обиды соседей живут долго и вспыхивают с новой силой, стоит лишь измениться ситуации. Словно и не было долгих лет мира и спокойствия. Брат на брата, против отца и всех остальных. Знакомая ситуация».

Впрочем, знакомой она была Чайке лишь по историческим книжкам. Сам-то он в революциях и гражданских войнах в прошлой жизни не участвовал. Возрастом не вышел. А вот здесь

«повезло». Многое пришлось увидеть лично и поучаствовать, а сколько еще придется увидеть. «Мощный, но не смертельный удар опасен скорее для того, кто его наносит, — вспомнил Федор мудрое изречение стратегов, размышляя о затянувшейся войне с Римом, которая обернулась против самого сената, — впрочем, на все воля богов. Иначе, наверное, и быть не могло. А мне, главное, во всей этой суматохе разыскать Юлию».

Чайка часто корил себя за то, что не предпринял пока толком никаких поисков, не разослал гонцов во все стороны света. У него, конечно, были на то серьезные причины — по воле Ганнибала он должен был оказаться здесь и воевать до победного конца. Вести за собой армию. Но внутренний голос по-прежнему продолжал нашептывать Федору, что Юлия и сын живы. Более того, предчувствие подсказывало ему, что они не так далеко от него, как ему кажется. «Ладно, — пытался взять под контроль свои мысли Федор, — вот Подойдем под Карфаген, приступим к осаде — это дело не быстрое, — тогда и смогу предпринять Нужные усилия. Я найду их. Иначе и быть не может. Иначе, мне и жить незачем».

Следующую неделю армия Гасдрубала продолжала двигаться в сторону столицы, наводя ужас на приверженцев сената, стягивавших в Карфаген последние силы. На этом пути произошло еще несколько менее значительных сражений, но командовали ими уже помощники спартанского главнокомандующего, первые успехи которого сменились чередой поражений. А вот в армию Гасдрубала вливалось все больше солдат и ополченцев, желавших вместе с ним войти в Карфаген и отомстить ненавистному сенату. Гасдрубал ловко разжигал страсти, подливая масла в огонь на своих выступлениях перед народом, которые он проводил в каждом крупном захваченном городе.

— Ну просто оратор, — заметил как-то на это Федор, послушав одну из таких речей, которую Гасдрубал произнес на этот раз сидя в седле перед воротами осажденной крепости. Ни один защитник не пустил в него стрелы, хотя мог. Напротив, после такого «внушения» в армию Баркидов влился весь гарнизон горной крепости, сдавшись без боя. Ее защитники просто открыли ворота.

Грандиозное сражение у Эль-Кефа, ставшее переломным моментом кампании, произошло чуть западнее Замы, взятой ранее. Больше крупных городов на пути к столице не было, но Гасдрубал почему-то не спешил. Вместо того чтобы немедленно приступить к походу на главный город, он направился вместе с армией еще дальше к западу, а потом свернул на север и вскоре

достиг Утики, к большому удовольствию Летиса.

Как и предполагал Федор, давний соперник Карфагена воспользовался ситуацией и немедленно перешел на сторону Баркидов, предоставив в полное распоряжение Гасдрубала свои арсеналы и пополнив его армшо пятью тысячами отборных пехотинцев и тремя сотнями всадников. Почти то же самое происходило и на восточном побережье, вдоль которого не так давно двигалась армия Федора Чайки. Гадрумет и ряд более мелких городов, после непродолжительных колебаний, приняли сторону Баркидов, лишь Тапс сохранял верность сенату. Но Чайка понимал, что отрезанный по суше от столицы, он не сможет долго сопротивляться, лаже если его снабжать морем. Падение этого небольшого города было лишь делом времени. Ведь когда падет сам Карфаген, никто из его подданных уже не осмелится противиться африканской армии Ганнибала.

Эндимион, по данным разведки, отошел уже в столицу и готовил город к длительной обороне. Вряд ли сенат был очень доволен его успехами, но слухов о том, что командующего распяли или наказали за поражения как-то иначе, в армию Гасдрубала пока не просочилось.

Карфаген был мощнейшей крепостью на всем Средиземноморье, и Чайка понимал, что взять этот рубеж обороны, пусть и последний, будет не просто. Гасдрубал разделил армию на три потока. Ее авангард, ни много ни мало десять тысяч пехотинцев плюс конница, был поручен Чайке, для того чтобы он первым выдвинулся к городу, обошел его с востока и замкнул кольцо окружения, оказавшись на побережье.

На этом пути Федору пришлось двигаться сквозь богатейшие и самые плодородные земли хоры Карфагена, на которых он некогда сам присматривал себе участок. Чайка не стремился предавать все огню и мечу, понимая, что после победы придется все восстанавливать. Как ни крути, а это была земля финикийцев, которую Ганнибал, отобрав ее у сената, наверняка собирался использовать для награды своих верноподданных. Но однажды, неподалеку от огромного имения, Чайке пришлось отбиваться от нападения конницы Эндимиона, пытавшейся преградить ему путь, и после сражения, стоившего ему многих лучших воинов, Федор в ярости приказал эту усадьбу сжечь. Именно исполинские размеры дома, выстроенного на греческий манер, помогли всадникам врага напасть неожиданно. Узнав, что это было одно из имений Ганнона, Чайка ничуть не расстроился, а наоборот, даже повеселел.

— Ганнибал будет доволен, когда узнает, чей дом мы спалили, — усмехнулся Федор, выслушав доклад своих людей, —

огонь не тушить. Пусть лазутчики сената знают, что мы приближаемся и петля сжимается у них на шее все туже. Идем дальше.

Наконец, настал день, когда передовые отряды Федора Чайки, завершив долгий обходной маневр и не приближаясь к городу ближе, чем на десять километров, вышли к побережью моря, окончательно отрезав его от связи с глубинными землями. Дальше лежал полуостров, на котором располагалось еще несколько мелких городов и прибрежных стоянок для кораблей. Стратегического значения они не имели. Но Чайка все же отправил туда Урбала с тремя хилиархиями и приказом привести к покорности всех, кто окажет сопротивление, остальных же принимать с миром. Асам остался в бухте, на виду Карфагена начав возводить укрепленный лагерь. Осада предстояла долгая, в этом Федор ничуть не сомневался. Более того, Карфаген вряд ли был в восторге от такого соседства и мог выслать сюда несколько кораблей или даже флот с десантниками, чтобы выбить Федора из этой бухты, откуда он мог невооруженным глазом наблюдать за осажденным городом. Чем Чайка и занимался, частенько поднимаясь на ближайшую скалу и созерцая далекий Карфаген, занимавший практически весь полуостров. День был жаркий, и огромный город тонул в белесом мареве морских испарений. Без бинокля Федор, конечно, не мог рассмотреть все детально. Далековато было. Но и без него, пытаясь проникнуть взором сквозь марево, он словно наяву представлял себе, как копошатся люди на стенах, подготавливая город к осаде.

На море тоже было беспокойно — корабли сената, распустив паруса, беспрепятственно покидали город и уходили в открытое море. Морской блокады Гасдрубал добиться пока не мог, хотя и обещал Федору, что скоро должен прибыть его флот, перевозивший армию.

— Куда плывут? — размышлял вслух Федор, наблюдая за активностью на море. — Небось, на Сицилию плывут или в Рим. За подмогой. Ну да ничего, наш новый тиран им скоро покажет, где раки зимуют. А пока мы с Гасдрубалом начнем.

Честно говоря, глядя на далекий Карфаген, Федор испытывал смешанные чувства. До недавнего времени этот город был ему как родной. Здесь он нашел приют и друзей, тут стоял его дом. Здесь он любовался фонтанами, гулял по мощеным улицам и тенистым паркам этого великого города, напичканного техническими изобретениями, казавшимися просто чудом для своего времени. И вот как быстро все изменилось. По прихоти власть предержащих у него нет больше здесь ни дома, ни имения, да и сам он едва не сложил голову в этих придворных интригах.

Было за что затаить обиду на тех, кто сейчас укрылся за этими стенами. И все же Чайке не хватало злости, чтобы со спокойным сердцем рубить фалькатой своих бывших сограждан. Ему нужен был повод, чтобы в душе окончательно порвать с ними. И повод нашелся.

На третий день к нему прискакали посланцы от Гасдрубала с сообщением, что все основные силы уже прибыли на свои места, рассредоточившись вокруг Карфагена двойным кольцом, сквозь которое никто бы не смог прорваться. Город был окончательно отрезан по суше ото всех коммуникаций. Инженерные части Гасдрубала начали возводить вдоль стен собственные укрепления. Чайке надлежало прибыть завтра утром на военный совет для обсуждения начала штурма.

Передай, буду обязательно, — на словах сообщил он гонцу, а когда тот ускакал, заметил отряды Урбала, возвращавшегося из «местной командировки» по пыльной дороге. Сразу за командиром шли какие-то пленники под охраной конвоя. Приглядевшись, Федор разглядел, что на этих людях, связанных одной веревкой, надеты доспехи римских легионеров.

— Кого ты мне привел? — усмехнулся Федор, когда Урбал поравнялся с ним и остановился, вытирая пот со лба. — Неужели эти римляне отбились от своих в море и по ошибке приплыли сюда?

— Когда мы напали на их стоянку в двух днях пути отсюда, — заявил Урбал, — они выглядели так, словно находятся в окрестностях Рима. Наше нападение было для них полной неожиданностью. Они приняли нас за друзей.

— За друзей? — переспросил Федор, нахмурившись.

— Да, — кивнул Урбал, — их командир уверяет меня, что они приплыли сюда вместе с отрядом кораблей Марцелла по просьбе сената и не скоро собирались отплыть назад.

— А какие дела у Марцелла с сенатом Карфагена? — уточнил Чайка, отвернувшись от моря и пристально посматривая на пленников, словно пытаясь понять, кто из них главный.

— Вот я и подумал, — с ухмылкой заметил Урбал, — поскольку вы с Марцеллом тоже друзья, тебе будет интересно поговорить о нем с этими моряками.

— И ты, как всегда, прав, — ответил на это Федор, — отведите их в лагерь к моему шатру.

Там Чайка приказал развязать рослого римлянина и втолкнул его в свой шатер, чтобы поговорить наедине. Сопротивления он не боялся, конвой окружал шатер плотным кольцом, а вместе с ним вошли послушать этот разговор Урбал и Летис, в компании которых Чайка спокойно обсуждал любые, даже государственные

проблемы.

— Ну, так зачем Марцелл приплыл сюда? — удивил пленника знанием латыни Федор, скрестив руки на груди. — Мало мы ему доставили забот в собственной акватории.

Пораженный римлянин смерил удивленным взглядом командира финикийцев и ответил, не став запираться.

— Я простой солдат и мне известно лишь то, что Марцелл привез в этот город по просьбе одного из ваших сенаторов какую-то ценную пленницу, — проговорил он. — Марцелл прятал ее ото всех, и я не видел ее лица. Моя задача была охранять его со своими кораблями. Теперь ведь у нас мир с сенатом.

— Пленницу? — переспросил Федор, и голос его против воли дрогнул. — Как ее звали?

— Не знаю, — устало ответил римский легионер, потирая запястья, — слышал только, что с ней был еще ребенок. Мальчик.

У Федора все поплыло перед глазами, и он даже схватился за фалькату, но, увидев, как римлянин в страхе отскочил в дальний угол, усилием убрал ее обратно в ножны.

— Не бойся, — успокоил его Федор, криво усмехнувшись и взяв себя в руки, — я тебя не убью. Ты принес мне хорошую весть.

На следующее утро он прибыл в лагерь Гасдрубала, который был устроен неподалеку от укреплений Карфагена и перекрывал главную дорогу внутрь страны. Накануне пришло известие, что появился флот Гасдрубала и занял все близлежащие гавани, почти блокировав Карфаген с моря. Во всяком случае, корабли, находившиеся на его внутреннем рейде, в том числе и небольшой флот Марцелла, теперь тоже оказались в западне. Немногие из них решились бы прорываться в одиночку. Флот сената сразу поумерил свой пыл» не решаясь пока на открытое сражение. Разведка докладывала, что кораблей у сената не слишком много, и Федор долго не мог взять в толк, куда же они подевались, ведь внутренние гавани огромного города могли вместить исполинский флот. Сообщение, пришедшее из-за моря через пару дней, объяснило многое.

— Мой брат атакован огромным флотом и окружен в Таренте, — хмуро сообщил ему при очередной встрече Гасдрубал, — римляне смогли высадить десант недалеко от Брундизия и отрезать его с суши. В этом им помогли корабли Карфагена. Ганнибалу на помощь движутся отряды кельтов и гарнизоны соседних городов, но они могут не успеть.

— Чтобы помочь Ганнибалу в Италии, нам надо сначала закончить дела здесь, — высказался Федор, который лишь вскользь сообщил о Марцелле своему главнокомандующему, утаив детали, а сам уже давно думал только о том, как побыстрее

проникнуть за стены Карфагена и разыскать Юлию. — Мы же не можем снять осаду и просто уйти. А он продержится, в этом я не сомневаюсь. Ганнибал великий полководец.

— Ты прав, Чайка, — кивнул Гасдрубал, скрестив руки на груди, — мой брат сможет о себе позаботиться, да он и не просит помощи. Ему нужен Карфаген. И мы не будем терять время. Немедленно начинаем штурм. Завтра на рассвете.

Выйдя из шатра главнокомандующего, Федор прошел сквозь бурливший лагерь и поднялся на одну из башен. Оттуда он посмотрел в сторону высоких зубчатых стен Карфагена, перегородивших самую узкую часть полуострова от края до края. Со стороны суши было выстроено целых три линии обороны, три стены друг за другом с мощными башнями. В лучах закатного солнца огромный город выглядел как неприступная твердыня. Чайка поймал себя на мысли, что за всю его историю никому из завоевателей еще не удавалось проникнуть за эти стены, с тех самых пор, как они были возведены.

— Ничего, — тихо проговорил он, с ненавистью вспомнив Магона, так изощренно отомстившего ему, и Юлию с Бодастартом, томившихся в плену за этими стенами, — я смогу. У меня просто нет выбора.